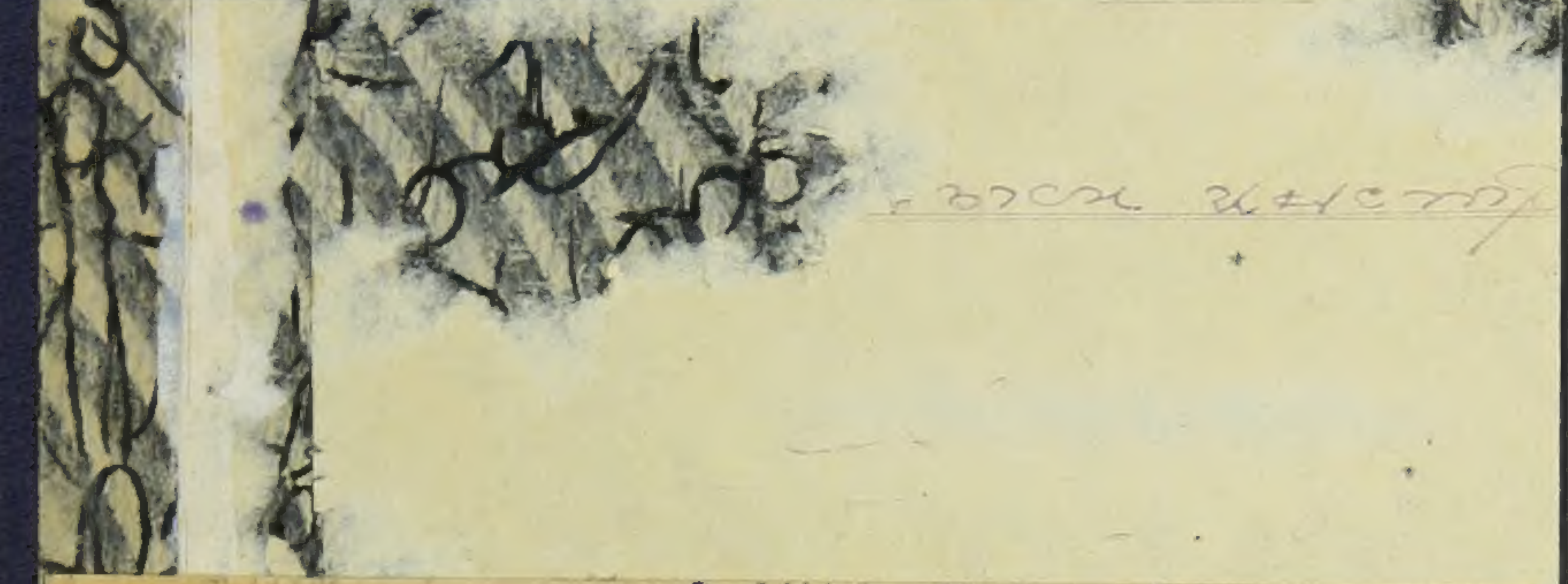
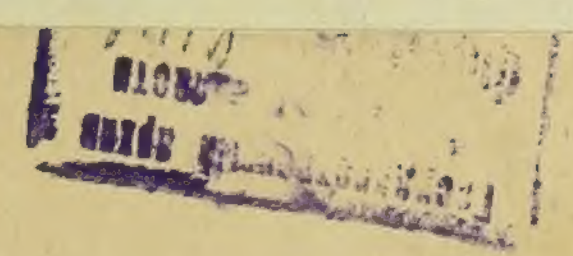
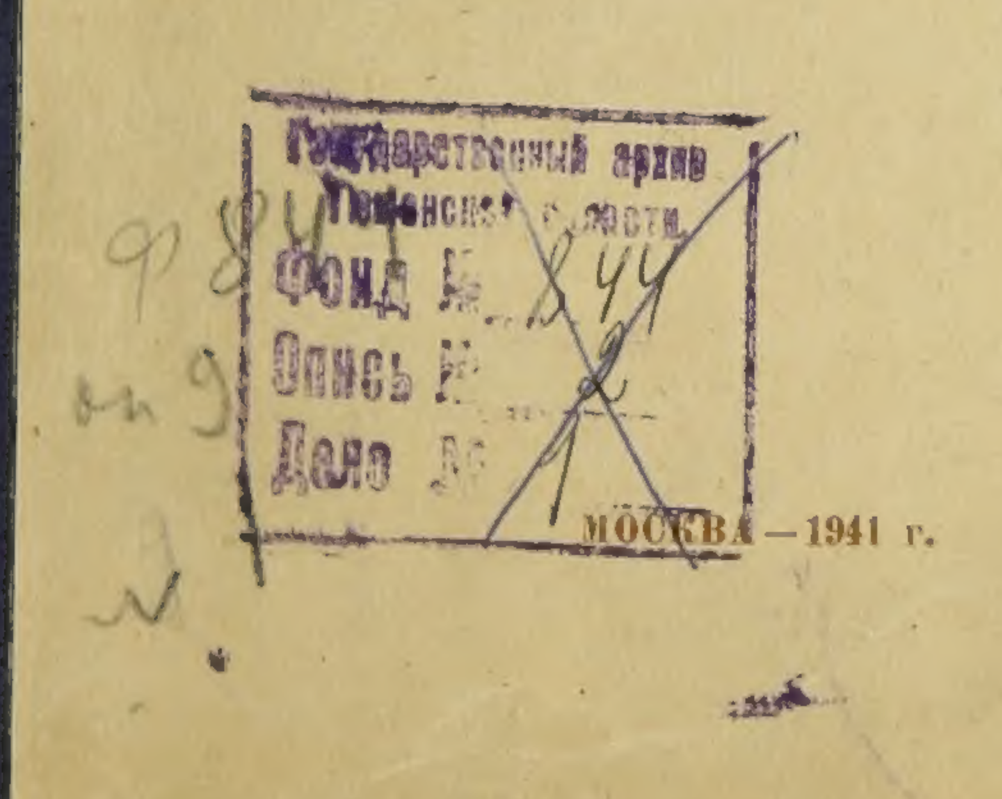

ЗАГРАНИЧНАЯ АГЕНТУРА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

(Записки С. Сватикова и документы заграничной агентуры)

МОСКВА — 1941 г.

Подготовили к печати и отредактировали
И. НИКИТИНСКИЙ и С. МАРКОВ

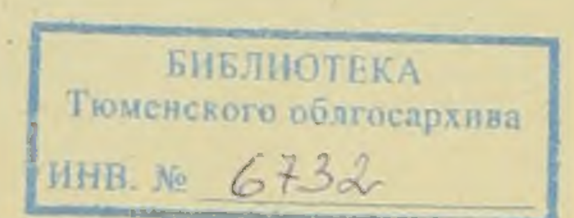
ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Знание истории революционного движения в России для работников советской разведки является совершенно необходимым условием в их успешной работе. Общие вопросы истории развития революционной мысли в России и истории различных партий и организаций уже достаточно освещены в соответствующих источниках. Для советского разведчика значительный интерес должны представить материалы и документы полицейских органов царской России, которые вели борьбу против всех оппозиционных царскому правительству партий.

Изданием сборника документов и материалов «Заграничная агентура Департамента полиции» мы начинаем выпуск серии документальных сборников, рассчитанных на ознакомление оперативных работников Народного Комиссариата Государственной безопасности и Народного Комиссариата Внутренних Дел Союза ССР с методами, практикой и техникой работы царской охранки.

Публикуемые записки С. Сватикова, посланного Временным правительством Керенского летом 1917 г. в Париж для расследования деятельности и ликвидации заграничной агентуры, и другие документы Департамента полиции содержат в себе много ценных сведений о постановке полицейского сыска царской России за границей.

Эти записки не могут претендовать на всестороннее и глубокое освещение деятельности заграничной агентуры; их первоначальный вариант представляет собой докладную записку Сватикова Керенскому с итогами расследования деятельности царской охранки в Западной Европе (Франция, Англия, Германия, Италия и др.) и Сев. Америке. В дальнейшем эта докладная записка Сватиковым была переработана и дополнена многими фактическими сведениями. По характеру изложения и оформления самой рукописи можно заключить, что она была предназначена для опубликования. Однако, Временное правительство не сочло возможным опубликовать записки Сватикова, т. к. это открыло бы некоторые его карты, которыми оно еще продолжало игру. Известно, напри-

мер, что военный атташе Временного правительства в Париже продолжал пользоваться услугами бывшего заведующего заграничной агентурой Гартинга (Ландезена-Гекельмана). В конце 1917 г. Сватиков бежал на юг в добровольческую армию, где и пробыл до февраля 1919 г. Не поладив с Деникиным, Сватиков уехал в Париж, так и не издав своих записок.

В целях сокращения объема сборника из записок Сватикова исключены отдельные части, не представляющие ни оперативного ни исторического интереса. Изданием этого сборника невозможно хоть сколько-нибудь полно осветить все стороны деятельности царской охранки. В этих целях нами в настоящее время проводится работа по подготовке к печати таких документальных сборников, как «Провокатор Азеф», «Провокатор Малиновский» и др., материалы которых должны пополнить пробел в деле ознакомления работников советской разведки с историей и опытом работы царской охранки. В введении составителей сборника, предпосланном запискам Сватикова, изложены основные этапы в истории заграничной агентуры Департамента полиции и подведены некоторые итоги ее деятельности. Документы, данные в приложении, дополняют сведения, изложенные в записках Сватикова.

Научно-издательский отдел Главного Архивного Управления НКВД СССР просит товарищей, заинтересованных в издании аналогичных работ, прислать свои отзывы на данный сборник.

Научно-издательский отдел Главного Архивного Управления НКВД СССР

Март, 1941 г.

ВВЕДЕНИЕ

Рост революционного движения в конце XIX века в России и усилившиеся в связи с этим преследования царским правительством революционных организаций ознаменовались значительным увеличением числа политических эмигрантов, бежавших из России в Западную Европу. По данным Департамента полиции в различных странах Европы в это время насчитывалось до 20 тысяч политических эмигрантов. Для наблюдения за деятельностью политических эмигрантов третье отделение еще до этого посылало за границу отдельных своих сотрудников. Эти эпизодические командировки отдельных агентов полиции за границу преследовали узкие цели: выяснение связей и образа действия как целых групп, так и отдельных эмигрантов, установление связей эмигрантов с революционными деятелями в России и т. п.

После убийства 1 марта 1881 г. Александра II самодержавие принимает более решительные меры против революционеров как внутри страны, так и против русских политических эмигрантов за границей. В 1881 г., когда третье отделение уже было реорганизовано в Департамент полиции, за границей была создана так называемая заграничная агентура Департамента полиции с центром в Париже. До 1883 г. это парижское отделение царской охранки состояло из пяти-шести агентов, работавших каждый по отдельному заданию.

В июне 1883 г. для заведывания заграничной агентурой Департамента полиции в Париж посылается надворный советник Корвин-Круковской. В удостоверении на имя Корвина, подписанного тогдашним директором Департамента полиции Плеве, указывалось, что он «облечен доверием Департамента полиции» и что «дружественным России державам предлагается оказывать ему содействие при исполнении им своего поручения».

В помощь Корвину товарищ министра внутренних дел Оржевский предписал Плеве «пригласить на службу для заведывания агентами центральной парижской агентуры французского гражда-

нина Александра Барлэ». Для несения наружного наблюдения Корвин пригласил трех агентов французов: Бинта, Риана и Росси *.

Летом 1884 г. Корвин-Круковский был отстранен от руководства заграничной агентурой за неудовлетворительную постановку работы по розыску. На эту должность был назначен дворянин П. И. Рачковский, состоявший в распоряжении Департамента полиции и выполнявший отдельные поручения Департамена за границей.

С приходом Рачковского деятельность заграничной агентуры значительно активизировалась. К сотрудничеству в охранку был привлечен такой опытный агент как Гекельман (он же Ландезен — Гартинг) — будущая звезда полицейской провокации.

Не ограничиваясь «наружным» и «внутренним» наблюдением за эмигрантами-революционерами Рачковский применял в отношении их все возможные, известные охранке приемы борьбы — провокация, перлюстрация и т. п. Приехав в начале ноября 1886 г. из Парижа в Женеву, Рачковский с помощью своих сотрудников — Бинта, Милевского и Гурина — в ночь с 20 на 21 ноября произвел вооруженное нападение на типографию «Народной Воли». В течение нескольких часов налетчики разбросали по улицам Женевы несколько десятков пудов набора «Вестника Народной Воли», сочинений Герцена и др. работ, а находящиеся в типографии несколько тысяч экземпляров уже отпечатанных изданий были уничтожены на месте. Естественно, что такой бандитский налет мог произойти только с молчаливого согласия женевской полиции.

Рачковским первым из царской охранки была широко применена перлюстрация писем почти всех политических эмигрантов в Париже, Женеве, а несколько позже и в Берлине. Зная хорошо адреса всех эмигрантов, Рачковский за несколько франков в месяц подкупал консержей или почтальонов, и при их посредничестве перлюстрировал письма.

Для наибольшего успеха в своей деятельности Рачковский установил тесный контакт как с парижской, так и женевской полицией. Парижские, цюрихские и женевские префекты, их помощники и рядовые полицейские за вознаграждение в несколько сот, а то и десятков франков в месяц, в зависимости от ранга, не только закрывали глаза на деятельность иностранной (русской) охранки в их префектурах, но и помогали ей всеми возможными средствами. В одном из рапортов директору Департамента полиции за 1886 г. Рачковский ходатайствовал о награждении ряда чинов парижской префектуры во главе с префектом Гроньоном и указывал на необходимость тесного контакта в будущем: «при

---

* Кроме сведений, получаемых через свою заграничную агентуру, Департамент полиции пользовался информацией консулов в Париже, Вене, Берлине, Лондоне и Бухаресте, а также получал сведения путем сношения пограничных жандармских офицеров с пограничными австрийскими и прусскими властями.

успешности названного ходатайства наши политические отношения с местной префектурой, как первенствующим полицейским учреждением в Париже, несомненно, должны стать на вполне прочные основания, укрепивши за мною возможность действовать без всяких внешних стеснений со стороны г. Гроньона и его подчиненных, а также и пользоваться их прямыми (хотя, конечно, негласными) услугами во всех потребных случаях».

Для характеристики личности Рачковского и объяснения его дальнейшей судьбы небезинтересно отметить и другую сторону его деятельности в Париже. Будучи человеком честолюбивым и склонным к авантюрам, он попытался построить на своей полицейской деятельности «политическую» карьеру. Будучи в курсе ведущихся переговоров о франко-русском союзе, Рачковский решил использовать эти переговоры в указанных целях.

При помощи «талантливейшего» сотрудника Ландезена он выработал план мнимого покушения на жизнь Александра III. Согласно этому плану Ландезен при участии народовольцев — террористов Накашидзе, Теплова, Степанова, Кашинцева и др. организовал в Париже лабораторию по изготовлению бомб для выполнения террористического акта над Александром III. Деньги на организацию лаборатории Ландезену были отпущены Рачковским. После опытов, которые проводились «террористами» в окрестностях Парижа они должны были поехать в Петербург и убить Александра III.

Через имевшиеся связи Рачковский все время держал в курсе этого дела французских министров — внутренних дел Констана и иностранных дел Флуранса. Накануне предполагаемого отъезда «террористов» в Петербург все они по распоряжению Констана были арестованы французской полицией, за исключением одного Ландезена, который «успел скрыться».

Рассчитывая задобрить Александра III, французское правительство организовало шумный процесс (1890 г.) по делу русских террористов. Многие из них были присуждены к тюремному заключению, другие вместе даже с непричастными к делу эмигрантами были осуждены к высылке за пределы Франции. Ландезен, как организатор «заговора» был заочно приговорен к пяти годам тюрьмы. Этой провокацией Рачковский не только возвысил свой авторитет в министерстве внутренних дел и избавился от многих беспокоивших его парижских эмигрантов, но и сумел завязать солидные связи в политических кругах Парижа. К этому времени, в частности, относится его знакомство, перешедшее позже в дружбу, с французским президентом Лубэ. Разумеется, что французские министры и президент не даром завязали дружбу с руководителем русских сыщиков и провокаторов в Париже; эта дружба была нужна для того, чтобы повлиять на Александра III в сторону большей благожелательности к французам. Суровый приговор французского суда над русскими «террористами» смягчил сердце Александра III по отношению к французской республике, что вы-

разилось в ускоренном заключении военного союза с Францией.

Энергии и изворотливости Рачковского казалось не было предела. Это был прирожденный сыщик, комбинатор и авантюрист.

Для борьбы с русскими эмигрантами он пользовался их же средствами. Не лишенной остроумия была его идея создания во Франции «Лиги спасения русского отечества». Его агентура в «Лиге» развила бешенную деятельность против русских эмигрантов в Париже. Влиятельные парижские газеты по сигналу Рачковского, обычно сопровождаемые крупными подачками, из средств, отпущенных лично «его величеством», поднимали бешенный вой по поводу русских эмигрантов, якобы наводнивших всю Францию и мешающих дружественным отношениям между этими странами. Воззвания «Лиги», тысячами распространяемые в Париже, призывали французов всеми способами, вплоть до террора, бороться с русскими «хулиганами», изменившими своей родине, приютившимися во Франции и поставившими своей целью натравить последнюю на «дружественную» Россию. Когда движение, организованное Рачковским, приняло погромный характер и наделало много шума, французское министерство внутренних дел во избежание скандала запретило деятельность «Лиги».

Публицистикой, направленной против русской революционной эмиграции, занимался и сам Рачковский. В письме к Дурново 19 марта 1892 г. он писал: «Простите, ваше п-во, за долгое и вынужденное молчание, за все это время я не сидел сложа руки, и помимо обычных занятий и хлопот успел составить брошюру, которая была переведена на французский язык и на днях появится в печати. В этой брошюре выставляется в настоящем свете наше революционное движение и заграничная агитация со всеми ее отрицательными качествами, уродливостью и продажностью. Остальная часть брошюры посвящена англичанам, которые фигурируют в ней в качестве своекорыстных, чванливых и потерявших всякий стыд и совесть фарисеев, нарушивших международные приличия в альянсе с нигилистами. Брошюра будет отпечатана в 2000 экземплярах, причем около тысячи будет разослано в Лондоне: министрам, дипломатам, членам парламента, муниципалитетам, высокопоставленным лицам и во все редакции лондонских газет. Другая тысяча предназначается для правительственных лиц во Франции, Швейцарии, Дании, Германии, Австрии и для рассылки во все европейские и наиболее распространенные американские журналы. При господствующем антагонизме к англичанам и при всеобщем негодовании к динамитным героям, под категорию которых подведены нигилисты, наша брошюра поднимет много шума; она и положит начало моей агитации»...

На службе у Рачковского находились ряд крупных парижских журналистов того времени, с помощью которых он организовал походы не только против русских политических эмигрантов, но и подготовлял соответствующим образом французское общест-

венное мнение к мысли о необходимости франко-русского союза.

Жюль Гансен, бывший советник французского министерства иностранных дел и влиятельнейший парижский журналист за 400 франков в месяц снабжал все крупнейшие газеты Парижа и Франции статьями, прошедшими предварительную редакцию Рачковского.

Усиленный рост политической эмиграции в конце 90-х годов заставил Департамент полиции задуматься над организацией агентуры не только в Париже и Лондоне, но и в других крупнейших городах Европы. Объектом новых авантюр Рачковского становится Германия и Австро-Венгрия.

Еще до указания из Петербурга он сумел войти в контакт с германским правительством и получил от него разрешение на устройство агентуры в Берлине. В докладе директора Департамента полиции от 9 декабря 1900 г. министру внутренних дел в связи с этим сообщалось:

«Ныне заведующий иностранной агентурой Департамента полиции Рачковский, получив разрешение Германского правительства на устройство упомянутой агентуры и заручившись содействием подлежащих властей, представил проект организации агентуры в Берлине, по которому предполагается, на первое время, ограничиться шестью агентами под ближайшим руководством сотрудника Рачковского г-на Г.»...

Этим господином Г. являлся никто иной, как Гартинг, бывший сотрудник парижской охранки, носивший тогда имя Ландезена — Гекельмана.

Оставив Францию после известной провокации по подготовке покушения на жизнь Александра III, он избрал своим постоянным местопребыванием Бельгию, откуда часто выезжал в различные страны Европы по поручениям Департамента полиции. Ловкий и хитрый Гекельман—Ландезен—Гартинг не уступал в мастерстве интриги и предательства своему начальнику. Не один десяток русских политических эмигрантов во Франции, Англии, Германии и других странах Западной Европы были заманены Гартингом в Россию и здесь брошены в застенки царской охранки. Можно с уверенностью сказать, что Рачковский, сам того не замечая, подготовил из Гартинга вполне достойного для себя преемника.

Однако в последние годы своей деятельности Рачковский крайне мало уделял внимания своим прямым обязанностям охранника. Все его внимание в это время поглощалось игрой в «большую» политику. Завязав крупные связи с различными политическими дельцами Парижа и сделавшись своим человеком в президентском дворце, Рачковский попытался вмешаться и во внешнеполитические взаимоотношения России с другими иностранными государствами. Выше мы уже отмечали его попытки повлиять на ускорение заключения франко-русского военного союза при помощи провокации покушения на жизнь Александра III. Правда, франко-русский союз не был следствием закулисной деятельности Рачков-

ского и его коллег, в основе его лежали факторы совершенно иного порядка; все же нужно сказать, что подобного рода авантюра, если не повлияла, то могла повлиять на ускорение оформления франко-русского военного договора.

Такого же рода предприятием была попытка Рачковского повлиять на избрание на папский престол * кардинала русско-французской ориентации Рампола в противовес другой кандидатуре — кардинала Ледоховского, нежелательного для России за его политику ополячения римско-католическим духовенством белоруссов Холмщины и Северо-Западного края.

С этой целью Рачковский в 1901 г. предпринял поездку в Ватикан к папе Льву XIII, а затем при помощи министра внутренних дел Горемыкина добился согласия Николая II на постоянное представительство в Петербурге папского нунция. Граф Игнатьев, Победоносцев и др. деятели святейшего синода категорически воспротивились иметь в Петербурге папского посла и добились у Николая II отмены его первоначального решения.

В результате этого престиж Рачковского и в Петербурге и за границей был сильно подорван. Окончательно Рачковский испортил свою карьеру запиской императрице Марие Федоровне, в которой он плохо отзывался о гипнотизере и спирите Филиппе, услугами которого пользовалась царская семья. Разгневанный таким отзывом о своем лекаре Филиппе, Николай II приказал Плеве, тогда уже министру внутренних дел, немедленно избавиться от опеки Рачковского **. Плеве, боявшийся интриг Рачковского, незамедлил воспользоваться этим случаем, чтобы окончательно отделаться от него. Первоначально он был выслан в Брюссель, а затем ему было разрешено поселиться в Варшаве. Должность руководителя заграничной агентуры с конца 1902 г. занял начальник Особого отдела Департамента полиции Л. А. Ратаев.

Плеве был очень доволен, что ему так легко удалось отделаться от Рачковского, старавшегося выслужиться непосредственно перед двором, минуя министра.

В министерстве внутренних дел, как и в других министерствах царского правительства, борьба отдельных группировок крупных и средних чиновников была обычным явлением. Как правило, руководители отделов старались выслужиться не перед своим непосредственным начальником — директором Департамента, на должность которого они сами обычно метили, а перед более высокими лицами, которые могли способствовать их продвижению по службе. Подхалимство, интриги, подкупы и провокации царившие в министерствах и департаментах приводили к тому, что против министров, директоров департаментов и других крупных чиновников создавались группы недовольных, старавшихся всякими путями навредить своим противникам. Одним из таких недо-

* В то время ожидалась смерть уже престарелого папы Льва XIII.
** См. приложение № 1 (Записка о деятельности Рачковского).

вольных Плеве и был Рачковский и его ближайший подручный Гартинг. Вражда между Плеве и Рачковским немедленно сказалась и на отношениях между новым начальником заграничной агентуры Л. А. Ратаевым и руководителем берлинской агентуры Гартингом. Первой заботой Ратаева было предотвращение возможности возвращения Рачковского на службу в Департемент полиции, где он мог усилить партию противников Плеве и его самого. В этих целях Ратаев в конце 1902 и начале 1903 гг. написал в Петербург ряд докладов, в которых обвинял Рачковского в бесхозяйственном расходовании средств, развале наружного наблюдения, плохом подборе секретных сотрудников и т. п. Закрыв, таким образом, дорогу в Департамент полиции Рачковскому, Ратаев повел атаку и против Гартинга. Последний формально хотя и был подчинен Ратаеву, но на практике игнорировал своего начальника и, более того, писал на него всевозможные доносы (о халатности, бездействии и т. п.) в Департамент полиции.

Не случайно поэтому то обстоятельство, что Ратаев явился одним из инициаторов заключения русско-германского полицейского протокола* от 14 (1) марта 1904 г., о совместных мерах «борьбы с анархизмом», а вскоре после его подписания, поставил вопрос перед директором Департамента полиции Лопухиным о ликвидации Берлинской агентуры и передачи всего состава агентов в ведение центральной Парижской агентуры. Несмотря на определенную эффективность** в работе Берлинской агентуры, последняя в самом начале 1905 г. была ликвидирована.

Несмотря на постоянное покровительство Плеве, Ратаев не добился нужных успехов в работе заграничной агентуры. Наоборот, его подозрительность и боязнь доверить своим подчиненным действовать самостоятельно, привели к тому, что не только Берлинская, но и Балканская*** агентуры как самостоятельные центры были ликвидированы.

Успехи, которых удалось добиться за это время заграничной агентуре, следует отнести главным образом за счет таких провокаторов, как Евно Азеф, Лев Бейтнер и Мария Загорская. Только благодаря их деятельности Департамент полиции мог оценить общую работу Парижской агентуры, как удовлетворительную.

* См. приложение № 2.

** В связи с возникновением русско-японской войны вся Берлинская агентура во главе с Гартингом переключилась на борьбу с японским шпионажем и по существу превратилась в контрразведывательное бюро.

Несомненной заслугой Гартинга являлось то, что он давал в Петербург систематическую информацию о деятельности японского шпионажа в Европе, во главе которого стоял Акаши. На Гартинга также была возложена специальная миссия — охрана пути следования второй эскадры Рожественского на Дальний Восток.

*** Деятельность Балканской агентуры охватывала Румынию, Болгарию, Сербию и Австро-Венгрию. Начальником этой агентуры до ее ликвидации в 1904 г. был полковник Тржецяк, имевший в своем подчинении 16 агентов, не считая большого количества румынских полицейских чиновников, «работавших» сдельно.

Ратаеву не удалось даже установить хорошего контакта с влиятельными парижскими газетами, и министерство внутренних дел было вынуждено в связи с этим командировать в Париж специального чиновника Манусевича-Мануйлова. На Манусевича-Мануйлова была возложена задача подкупа крупнейших парижских газет. Подкуп таких газет, как «Echo de Paris», «Gaulois», «Figaro» совершался посредством подписки на определенное число экземпляров. Отпуск средств на эти мероприятия производился из сумм, отпущенных лично Николаем II. Уже с лета 1903 г. наиболее влиятельные парижские газеты развернули кампанию против русских эмигрантов и их «козней» во франко-русских отношениях.

В том же 1903 г. Манусевич-Мануйлов организовал в Париже издание журнала «La Revue Russe», поставившего своей задачей парализовать «интриги», направленные против России. Хотя Манусевич-Мануйлов и был командирован в Париж со «специальным поручением», ему все же предписывалось войти в тесный контакт с Ратаевым. Последний не сумел договориться с Мануйловым, вследствие чего Мануйлов отказался от какого-либо контакта с парижской агентурой и сносился непосредственно с Плеве. Таким образом, формально Ратаев хотя и подчинил своему контролю деятельность секретной агентуры во всей Европе, но по существу работа была дезорганизована не только вследствие той затхлой атмосферы, которая была им создана, но и тем, что вся агентура не представляла из себя стройно слаженной системы, имеющей промежуточные звенья, корректируемые с одной стороны из самого Департамента полиции и из Парижского центра с другой.

Таким образом, система провокации и подкупа являлась основой всего политического сыска в царской России. Но вместе с этим царское правительство не учло того, что это палка о двух концах: если первый конец провокаторской палки бил по тем, против кого она была направлена, то второй ее конец бил прямо по тем, кто ее направлял.

Убийство министра внутрених дел Плеве в июле 1904 г., а затем убийство великого князя Сергея в феврале 1905 г. было именно следствием того, что провокатор Азеф в целях укрепления своего положения и доверия в партии с.-р. решил принести в жертву две эти высокопоставленные особы.

Рачковский, как и Азеф, также знал о подготовлявшемся убийстве Плеве, однако ничего не сделал для того, чтобы предупредить это убийство.

В этом сказалось все внутреннее противоречие существа царской охранки. Тот, кто предавал за деньги противников самодержавия, с таким же успехом зарабатывал и на убийствах самих царских сатрапов. Уже после убийства Плеве, его противник Гартинг получил крупную денежную премию и право на потомственное дворянство. Это произошло потому, что в связи с назначением нового министра все прежние сторонники Плеве получили от-

ставку, а противники — повышения по службе и награды. В числе получивших повышение оказался и Рачковский, назначенный на должность вице-директора Департамента полиции по политической части. Ратаев был немедленно отозван из Парижа и на его место назначен новый начальник — Гартинг *.

Период деятельности Гартинга как руководителя заграничной агентуры совпал с годами первой русской революции и годами последовавшей за этим реакции, давшей загранице новые пополнения русских политических эмигрантов.

В этот период состав русской политической эмиграции значительно изменился. В конце XIX века основной состав эмигрантов состоял из народовольцев-террористов, после же революции 1905 г. в состав политической эмиграции влилось большое количество социал-демократов. Появление в эмиграции представителей нового революционного класса — рабочего класса — царской охранке принесло много забот. Если до этого основные усилия заграничной агентуры были направлены на борьбу против террористов, казавшихся наиболее реальными противниками царского самодержавия, в борьбе с которыми охранка уже имела некоторый опыт, то новый противник — социал-демократия с новыми приемами партийной работы и конспирации — для охранников был более опасным. Ратаев не обращал почти никакого внимания на социал-демократию, а Гартингу пришлось столкнуться с нею лицом к лицу.

Одним из наиболее крупных провокаторов по социал-демократической (большевистской) партии был Яков Житомирский, начавший свою карьеру в немецкой полиции в 1902 г. переданный ею Гартингу, когда он еще заведывал Берлинской агентурой.

В первые годы революционной деятельности большевиков за границей все усилия Житомирского были направлены на раскрытие работы ленинской «Искры». Уже одно то, что охранка в ряды большевиков послала одного из своих лучших провокаторов свидетельствовало о том, какое беспокойство они причиняли охранке и какое место занимали большевики в революционном движении.

Для борьбы с русской политической эмиграцией Гартинг использовал не только свою секретную агентуру, но и полицию некоторых стран Европы. Если германское и австро-венгерское правительства в соответствии с протоколом от 14 марта 1904 г., под видом «анархистов», охотно выдавали эмигрантов русской полиции, то французское и бельгийское правительства открыто этого делать не могли. Частые запросы в парламенте по поводу деятельности русской политической полиции в Париже и Брюсселе заставляли правительства этих стран формально препятствовать этой деятельности, а по существу не только закрывать глаза на ее действия, но и способствовать ей. В шифрованной теле-

* Назначение Гартинга начальником заграничной агентуры состоялось 19 июля 1905 г.

грамме на имя директора Департамента полиции Гартинг 13 мая 1909 г. из Парижа доносил: «По совершенно секретному личному частному соглашению с чинами префектуры мною выработана следующая мера: префектура готова сформировать особый отряд агентов, долженствующий наблюдать исключительно важнейших русских террористов и будет осведомлять меня о результатах. Для выполнения этой меры необходимо, чтобы наше правительство добилось через посла, дабы французское министерство предписало префектуре усилить надзор за русскими террористами...»

По мере развертывания деятельности заграничной агентуры, росло и сопротивление со стороны русских эмигрантов. Особенно много беспокойства доставил Гартингу и заграничной агентуре известный деятель эсеровской партии В. Бурцев. Находясь в эмиграции, Бурцев близко сошелся с бежавшим из России бывшим сотрудником Департамента полиции Л. Меньщиковым. Получив от последнего много ценных фактических данных о системе организации и методах работы царской охранки, Бурцев путем длительных поисков и изучения причин провалов эсеровских организаций в России, выявил ряд секретных агентов Департамента полиции, работавших в партии эсеров как в России, так и засланных в заграничные эсеровские центры. Однако, разоблачение большинства секретных сотрудников охранки вовсе не было следствием того, что система конспирации и коммуникации здесь была организована недостаточно продуманно. Нужно сказать, что при Гартинге работа секретной агентуры Департамента полиции за границей в смысле конспирации была поставлена значительно выше, чем в предыдущее время. Чем же объяснить, что несмотря на такую организацию работы агентуры, произошло разоблачение крупнейших провокаторов охранки, в том числе Азефа и самого Гартинга? Секрет этих провалов и разоблачений царских охранников заключается прежде всего в том, что кадры секретной агентуры в основном состояли из деклассированных, неустойчивых элементов.

Биографии ряда секретных сотрудников и их показания следственной комиссии Временного правительства показывают, что эти люди в своем большинстве выбитые из нормальной колеи теми или иными условиями жизни, потерявшие связи с той средой, в которой они находились в обычных условиях, и поэтому сравнительно легко шли на сотрудничество с охранкой.

Среди секретных сотрудников охранки часто встречаются представители эсеров и анархистов, которые, один раз попав в руки охранки, навсегда становились ее слугами. В отдельных случаях это были представители интеллигенции, напуганной в годы первой русской революции и растерявшейся перед разнузданной царской реакцией. Но чаще всего в заграничных агентурах охранки находились люди с темным уголовным прошлым, для которых не существовало ни класса, выходцами из которого они были, ни товарищества, ни дружбы. Эти люди продавались тем, кто платил

больше. Но были, наоборот, и случаи раскаяния, когда бывшие царские охранники рвали связи со своими хозяевами и переходили на сторону оппозиции, раскрывая при этом все секреты охранки. Правда, таких идейно раскаявшихся бывших охранников было немного; чаще всего предавали охранку те, кто не ужился с ней по другим причинам более «деликатного» характера. Обычно это были чиновники, карьера которых в охранке в силу интриг и продажности становилась под угрозу, чиновники, которые проворовались, или те, кто за работу против полиции намеревался получить больше, чем в самой полиции. И Бакай, и Меньщиков, и Лопухин дали Бурцеву много сведений о составе провокаторов царской охранки только потому, что служебная карьера в Департаменте полиции для них кончилась, а чувство ненависти и зависти к тем, кто занимал высокие посты в Департаменте, было значительно сильнее, чем преданность самодержавию. Таким образом, общий развал работы охранки и постоянные провалы ее агентов были следствием развития ее собственных внутренних противоречий.

Департамент полиции уделял большое внимание вербовке секретной агентуры из числа нелегальных противоправительственных партий. Особенно большая работа в этом направлении была проделана Рачковским. Ко времени его руководства политическим сыском относится разработка специальной инструкции по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения *. Действие этой инструкции было распространено и на заграничную агентуру.

В 1909 г. пришел конец гартинговскому периоду в работе заграничной агентуры. В самом начале года Азеф был окончательно объявлен провокатором не только Бурцевым **, но и специальным извещением ЦК партии эсеров.

Сведения, полученные Бурцевым от Лопухина, Меньщикова и Бакая, были дополнены показаниями изменившего Гартингу агента Леруа ***; это окончательно привело Бурцева к убеждению, что Гартинг — Гекельман — Ландезен — это одно и то же лицо.

В июне 1909 г. парижская социалистическая пресса вновь подняла кампанию против французского правительства, допускающего пребывание на территории Франции русской полиции под руководством уголовного преступника, приговоренного французским судом к каторжным работам. В ответ на запрос Жореса в Палате депутатов глава правительства — Клемансо — был вынужден дать обещание Палате, что впредь на территории французской республики пребывание иностранных полиций будет запрещено.

Несмотря на то, что деятельность заграничной охранки и ее

* См. приложение № 5.

** Свои обвинения о провокаторстве Азефа Бурцев стал высказывать еще в 1907 г.

*** Об этом см. приложение № 4.

секретных агентов была полностью дезавуирована, царское правительство не отказалось от того, чтобы провести заново всю работу по воссозданию агентуры. Вместо бежавшего после разоблачения в Швейцарию Гартинга, на должность заведывающего заграничной агентурой Департаментом полиции был назначен чиновник особый поручений V класса, статский советник А. А. Красильников В целях маскировки подлинной миссии, Красильникову было дано «дипломатическое» назначение, как «командированному министерством внутренних дел за границу, для сношений с местными властями и российскими посольствами и консульствами...»

Красильникову не сразу удалось наладить работу парижского бюро. Большую часть старого состава агентуры пришлось заменить новыми сотрудниками. Организация нового парижского бюро была проведена на несколько иных основаниях. Если раньше бюро и организационно и территориально являлось частью русского посольства в Париже, то теперь было признано целесообразным не только вывести его из помещения посольства, но и замаскировать его под вывеской частного розыскного бюро *.

Французское же правительство постаралось быстро забыть о данных обещаниях парламенту в связи с запросом Жореса о деятельности русской полиции во Франции. В своем письме директору Департамента полиции Белецкому Красильников 5 сентября 1913 г., по этому поводу писал: «...После указанного инцидента в Парламенте французское правительство относилось к заграничной агентуре с особою осторожностью; впоследствии, когда мне удалось заслужить доверие французских властей, отношение это делалось все лучше и лучше, а затем уже заграничной агентуре стало ими оказываться и оказывается ныне полное во всем содействие, но при этом, однако, французские власти чрезвычайно опасаются всего, что может служить указанием на продолжение существования во Франции русской политической полиции».

В целях максимальной конспирации Красильников отказался от личного общения с секретными сотрудниками, поручив эту часть работы своим помощникам. Первым таким помощником, прибывшим в начале 1910 г. в Париже был жандармский ротмистр Эргардт, с которым и состояло в личной связи большинство секретных сотрудников. В августе 1912 г. Департамент полиции прислал Красильникову второго помощника ротмистра армейской кавалерии В. Люстиха, который после смерти Эргардта в 1915 г. принял на себя всю работу по связи с секретными сотрудниками и розыскным бюро Генриха Бинта.

Вспыхнувшая летом 1914 г. первая империалистическая война заставила руководителей русской заграничной агентуры частично изменить направление своей работы.

* Подробно об этой реорганизации см в докладе Красильникова Департаменту полиции (приложение № 6).

Департамент полиции потребовал от Красильникова не только достоверных сведений о деятельности и планах русских эмигрантов, живших за границей, но и сведений разведывательного и контрразведывательного характера. Такого рода деятельностью Красильников поручил заниматься двум своим новым помощникам — ротмистру Б. Лиховскому, направленному в Швейцарию, и бывшему чиновнику варшавского охранного отделения А. Литвину, получившему руководство секретной агентурой в Англии.

Документы, отражающие контрразведывательную деятельность заграничной агентуры не сохранились. В записках Сватикова в донесении Литвина Красильникову * и в исповеди Б. Долина ** имеются сведения только о переговорах Литвина и провокатора-разведчика Долина с военным атташе немецкого посольства в Берне полковником фон-Бисмарком, касающиеся организации диверсионных актов на военных предприятиях и военно-морском флоте России.

В числе других документов, характеризующих контрразведывательную деятельность заграничной агентуры, имеется следующее показание заведующего розыскным бюро Бинта: «С момента объявления войны на меня была возложена специальная миссия — организовать доставку сведений, шпионаж и контршпионаж при помощи швейцарцев, говорящих по-немецки, которых я должен был направлять с специальными поручениями в Германию и Австрию. Я дал подробнейшие сведения о лагере около Гамбурга, где немцы обучали около восьмисот молодых финляндцев (фамилии многих из них я сообщил), которые предназначались для сформирования офицерских кадров в случае финляндского восстания против России ***, которое немцы хотели поднять; все мои доклады давали очень полные указания о положении в срединных империях военного и транспортного дела, организации тыла, народных настроений, цены продуктов и т. д. В Скандинавии, главным образом, в Стокгольме и в Берлине было также организовано собирание нужных сведений и контршпионаж при помощи преданных агентов из шведов и датчан; вся эта организация в Скандинавии работала очень хорошо под управлением г-на Самбена...»

В свою очередь Самбен, заместитель Бинта по розыскному бюро, сообщил, что ему было поручено «собрать сведения о немецкой деятельности в Швеции и Финляндии, имеющие целью поднять сепаратистское восстание против России; о немецком

* См. приложение № 8.

** См. приложение № 9.

*** Речь идет о егерях-добровольцах, из которых финляндская буржуазно-националистическая партия «активного сопротивления» с помощью немцев организовала вооруженные отряды для предполагавшегося восстания против России. В начале 1918 г. эти егерские отряды были использованы финляндской буржуазией и германским военным командованием для удушения революции в Финляндии.

шпионаже в Стокгольме и на русско-шведской границе (Торнео-Хапаранда) и, наконец, о незаконной торговле русскими кредитными рублями, производившейся через Торнео при содействии некоторых русских чиновников.

Благодаря своим связям я мог представить много докладов по всем этим вопросам и, наконец, я пригласил в Стокгольме очень обстоятельного человека, говорившего по-шведски, который сумел привлечь к этому делу нескольких лиц, оказавших нам большие услуги, состоявшие, главным образом, в разоблачении нескольких германских шпионов...»

Приведенные документы не дают достаточных оснований для того, чтобы судить о плодотворности деятельности заграничной агентуры в части разведки и контрразведки. Как правило, больших самостоятельных шагов заграничная агентура в этой части не предпринимала, ограничиваясь преимущественно наружным и отчасти внутренним наблюдениями за деятельностью австро-германских разведчиков, и в тех случаях, когда эти наблюдения давали какой-либо эфект — «дело» со всеми результатами наблюдения передавалось для оперативной реализации военной разведке.

Немецкая контрразведка в свою очередь была не плохо информирована об этой деятельности Красильникова и его агентуры, так как имела в ней своего человека — опытного шпиона барона фон-Штакельберга, подлинное лицо которого удалось установить только летом 1917 г., когда уже заграничная агентура в результате Февральской буржуазно-демократической революции была ликвидирована.

* * *

Несмотря на крупные недостатки в работе и постоянные провалы агентуры, заграничная агентура Департамента полиции за все время своего существования сумела нанести громадный вред революционной социал-демократии. Многие крупные деятели большевистской партии и других организаций по доносам заграничных провокаторов неоднократно бросались в застенки французской, германской, русской и других охранок. Но никакие планы царских опричников, действовавших в тайном сговоре с такими же опричниками Франции, Германии и других капиталистических государств не могли сломить силу и мощь рабочего класса, руководимого партией Ленина—Сталина.

Рабочий класс России при поддержке крестьянства в октябре 1917 г. сбросил царское правительство, уничтожил все его полицейские органы, а провокаторов и их руководителей предал революционному пролетарскому суду.

И. НИКИТИНСКИЙ

С. МАРКОВ

I. ОБЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РОЗЫСКА ЗА ГРАНИЦЕЙ

До мартовской революции 1917 г. в России и за границей существовали органы политического сыска.

Политическим розыском в Российской империи ведал, почти без конкурентов, Особый отдел Департамента полиции. Кроме того, существовала дворцовая полиция, ведавшая личной охраной царя и имевшая своих сыщиков.

Дворцовая полиция иногда вела самсстоятельную работу по политическому сыску. Департаменту полиции в деле розыска были подчинены в империи — губернские жандармские управления, охранные отделения и команды, охранные и пограничные пункты, а за границей — так называемая заграничная агентура Департамента полиции. Эта агентура была создана в 1881 г. Центр ее всегда был в Париже. Начальниками ее были: Корвин (1881 г.), Рачковский (1882—1902 гг.)*, Ратаев (1902—1905 гг.), Гартинг (1905—1909 гг.) и А. А. Красильников (1909—1917 гг.). С 1913 г. во главе всего розыска за границей стоял Красильников, чиновник особых поручений V класса при министерстве внутренних дел, со званием «командированного министерством внутренних дел за границу для сношений с местными властями и российскими посольствами и консульствами» *.

На средства Департамента полиции существовало в Париже, якобы, «частное детективное бюро» Бинта и Самбена, состоявшее из старых агентов русской заграничной охранки. Агенты бюро исполняли поручения по надзору за русскими политическими эмигрантами во Франции. Докладывали они Бинту, или самому Красильникову. Этих агентов (французов) наружного наблюдения в 1917 г. вместе с Бинтом было 5 человек, кроме 6 человек, непризванных на военную службу. Кроме того, у Бинта были наружные агенты — «корреспонденты» (по одному) в Женеве,

* Здесь сроки назначения и смещения Корвина и Рачковского неточны. Корвин был назначен начальником заграничной агентуры в 1883 г, Рачковский сменил его в этой должности в 1884 г. Ред.

** См. приложение № 1 (Справка об организации заграничной агентуры).

Лозанне, Цюрихе и Берне. Для охраны высокопоставленных особ было 3 агента (Битар-Монен и два помощника). В Италии наружное наблюдение осуществлял сносившийся с Красильниковым Инверниззи, имевший в своем ведении 4 агентов. В Англии был англичанин Поуэлль с 3 агентами. В Швейцарии работали «корреспонденты» Бинта. В Скандинавии наружная агентура только начинала организовываться.

Но, как бы ни искусны были агенты наружного наблюдения, они могли установить только внешние факты: кто где живет, с кем знаком, куда ходит, как долго остается, кто чем занимается, откуда получает письма и т. д. Сведения эти получали через местную полицию и у консьержев (швейцаров, дворников), кроме того, агенты прибегали часто к покраже писем или покупке их у почтальонов и консьержек, вскрывали, фотографировали, снимали на кальку и затем возвращали, или же прилагали к рапорту. Но кража писем была рискованным занятием, так как за нее грозила тюрьма и агентам и почтальонам. Для внутреннего освещения революционных организаций нужно было иметь «своего человека» в самих организациях. Такие люди добывались политической полицией из среды революционеров различными путями: применялись угрозы, обещали причинить зло самому арестованному или его близким (родным, партийному товарищу и т. д.). Приобрести такого человека из революционных кругов значило на языке жандармов и охранников — «заагентурить» кого-либо. Часто эти лица были для полиции осведомителями, информаторами, а с точки зрения тех, кого они «освещали», — предателями. Другие же не только предавали своих соратников политической полиции, но и участвовали в целом ряде революционных мероприятий; организовывали предприятия: типографии, склады, организации, съезды, покушения и т. д., и в нужный для полиции момент предавали в ее руки товарищей, сами же старались заблаговременно стушеваться, чтобы избежать ареста и снова начать свою предательскую работу. Эти люди были провокаторами. И предатели осведомители, и провокаторы носили у жандармов общее название «секретных сотрудников». Разница между ними была только та, что провокаторам платили дороже.

История политической борьбы в России знает немалое число предателей. Так, по делу декабристов были доносы Шервуда (получившего за это приставку к фамилии «Верный»), Майбороды и Бошняка *. По оренбургскому делу 1827 г. предателем был Ипполит Завалишин, брат декабриста. В результате предательств было раскрыто в 1847 г. «Кирило-Мефодиевское братство» в Киеве (дело Костомарова, Шевченко и др.). Типичным провокатором был П. Д. Антонелли в деле «петрашевцев». В деле Чернышевского провокатором, притом злостным, был Всеволод Костомаров

* «Три предателя», листок, изданный кн. Долгоруковым, Брюссель, 1862 г., № 4.

(1852 г.). Провокатор Андрущенко создал процесс Мосолова, Шатилова и др. (1865 г.). По делу «каракозовцев» (1866 г.) было два предателя — О. М. Мотков и Д. Л. Иванов. В деле «193-х» предателями были Горинович, А. В. Низовкин, М. А. Рабинович. В рядах «Северного рабочего Союза» в Петербурге был провокатор Н. В. Рейнштейн, убитый 26 февраля 1879 г. Предателями в деле казненных в Одессе в 1879 г. Лизогуба, Виттенберга, Логовенко, Чубарова были А. М. Баломез и Ф. Курицын. По делу 16 народовольцев в 1880 г. было 2 предателя: И. Ф. Окладский и В. В. Дриго. Потрясающее предательство было совершено террористом Гольденбергом, который поколебал своими показаниями даже самый центр партии «Народной Воли», и своим самоубийством 17 июля 1880 г. в Петропавловской крепости он не смыл, конечно, позора своего предательства, повлекшего за собою казни и страдания на каторге его товарищей. Предательские показания дал казненный по делу 1 марта 1881 г. Рысаков. В деле 20 народовольцев в 1882 г. предателем был В. Меркулов. В 1883 г. жандармский полковник Судейкин, в результате предательства Дегаева, овладел центром партии «Народной Воли», арестовал Веру Фигнер, военную организацию и др. Партия «Народная Воля» даровала провокатору Дегаеву жизнь под условием участия в убийстве Судейкина *. В 1885 г. А. Остроумов предал таганрогскую типографию «Народной Воли» и склад бомб. В 1886 г. начал свою карьеру провокатора в Москве С. В. Зубатов. В процессе 21 народовольца (дело Германа Лопатина, П. Якубовича и др.) предателями были П. А. Елько, Л. П. Ешин и И. И. Гейер. По делу 1 марта 1887 г.(подготовка покушения на Александра III) предателями оказались Канер, Горкун и Волохов.

С ростом революционного движения в конце 90-х годов XIX в. усиливается и вербовка охранкой секретных сотрудников из среды революционеров. Рассадником провокации и секретного сотрудничества (в 90-х г.) является московское охранное отделение. В то время там работали полковник Бердяев и его помощник С. В. Зубатов. Главное внимание они уделяют зарождающемуся социал-демократическому движению. За границей также идет соответственная работа, причем здесь освещению более подвергаются социалисты-революционеры. Особенно опасными кажутся полиции лица, склонные к террору или проповедующие террор. Заведывавший в 80 и 90-х гг. заграничной агентурой П. И. Рачковский сумел оказать развращающее влияние на эмигрантскую среду. Он способствовал тому, чтобы Лев Тихомиров, выдающийся революционер, член Исполнительного Комитета партии «Народной Воли», редактор «Вестника Народной Воли», подал прошение о помиловании на высочайшее имя. То же было сделано, под его влиянием, Исааком Павловским, участником процесса «193-х», который затем долгие годы работал в качестве парижского кор-

* Дегаев убит в Америке в 1918 г.

респондента «Нового Времени», издаваемого Н. С. Суворичым. Тогда же завербовал он в ряды провокаторов Абрама Гекельмана, бывшего студента Московского университета, в 1881 г. уволенного за беспорядки, причастного к народовольческим делам в Дерпте и бежавшего за границу. Гекельман оказался настолько талантливым провокатором, что когда он, под именем Ландезена, вошел в 1889—1890 гг. в Париже в сношения с кружком русских террористов, то не был узнан никем, даже Бурцевым. От русских эмигрантов, живших в Париже, он узнал явки петербургского народовольческого кружка, который и был арестован по его доносу. Из членов парижского кружка, весною 1890 г., выехали в Россию Бурцев и Юлий Раппопорт. Но по дороге в Вену Бурцев и Раппопорт заметили за собой слежку. Бурцев свернул в Болгарию, а Раппопорт рискнул поехать и, по указанию Ландезена, был арестован 13 апреля на границе, отвезен в Петропавловскую крепость и просидел 4 года в одиночном заключении в «Крестах». Указанные Ландезеном лица были арестованы и в Париже по настоянию русского посла бар. Маренгейма по обвинению в изготовлении бомб. Из них Кашинцев, Степанов, А. Л. Теплов, Борис Рейнштейн, Накашидзе и Лавренивс были приговорены парижским судом исправительной полиции к 3 годам тюрьмы. Защитнику их Мильерану удалось доказать, что Ландезен был главным действующим лицом в деле, и провокатор был заочно приговорен к 5 годам тюрьмы *. Через 15 лет Ландезен-Гекельман вернулся в Париж уже в качестве заведывающего заграничной агентурой под именем Гартинга. Французская полиция, которая «не успела» арестовать его в 1890 г., «не узнала» его в 1905 г. и не «узнавала» его до 1909 г., когда его разоблачил Бурцев.

На примере Ландезена мы видим, как важно было для охранки иметь своих людей в числе революционеров. О каждом шаге Ландезена докладывалось императору Александру III, и он делал пометки на докладе; о приговоре по отношению к парижским террористам собственной рукой написано: «Пока это совершенно удовлетворительно», а на докладе о выезде Бурцева в Россию: — «Надеюсь, что он попадется» **.

В 1917 г. на содержание одних только провокаторов в России было ассигновано 332 226 руб., на заграничных же секретных сотрудников было выделено 240 тыс. фр. Помощниками Красильникова по секретной агентуре для Франции были — жандармский подполковник Люстих, для Англии — чиновник Департамента полиции А. Литвин, для Швейцарии — жандармский ротмистр

* Сведения об этом деле изложены В. Бурцевым в его заграничном «Былом», № 8, ст. В. Б.: «Франко-русское шпионство и франко-русский союз»; Б. Рейнштейном в заметке в № 77 «Известий ростово-нахичеванского военно-революционного комитета (1918 г., 7 марта н. ст.). См. также французскую книгу Эрнста Додэ «Дипломатическая история франко-русского союза», Париж, 1894, стр. 291—297.

** А. Бороздин. «Всемилостивейшее внимание», «Былое», 1917 г., № 1(23), стр. 100.

Лиховский, для Скандинавии — жандармский ротмистр Левизоф-Менар. Кроме того, Красильников имел своих собственных секретных сотрудников. В 1917 г. работало за границей секретных сотрудников около 30 человек.

Были сотрудники, конечно, на службе и у Рачковского, и у Ратаева, и у Гартинга. Но каждый новый начальник парижской агентуры, вступая в должность, жаловался на то, что предыдущий не передал ему самого ценного — провокаторов. После увольнения Рачковского, Ратаев в Париже застал наблюдательную часть в состоянии, не соответствующем современным требованиям розыска, и полное отсутствие секретной агентуры. «Я не хочу этим сказать, что ее не было у моего предшественника, — оговаривался Ратаев, — я только удостоверяю, что не получил ни одного сотрудника» *. Однако, несомненно, что Ратаев имел своих провокаторов, равно как имел их и Гартинг-Гекельман, который в чине коллежского регистратора назначен был начальником берлинской агентуры Департамента полиции, просуществовавшей с 1902 по 1905 г. Ратаеву помогал некоторое время Азеф, носивший тогда охранную кличку «Виноградова». Азеф числился секретным сотрудником заграничной агентуры с начала 1902 до декабря 1903 г., когда он уехал в Россию. Фактически он пробыл за границей с июня по декабрь. За это время он освещал финляндских революционеров (Конни Цилиакуса и др.), осведомил Ратаева о подготовляющемся в России покушении на Плеве. Однако Азеф был уже старым знакомым Ратаева, так как он с 1892 г. был на службе у Департамента полиции и осведомлял из Дармштадта (где он состоял в политехникуме) ** Департамент именно через Ратаева о революционной эмиграции в Германии и Швейцарии.

При вступлении в должность заведывающего заграничной агентурой в Париже, Гартинг, «спихнувший» с этого места Ратаева, доносил 1(14) сентября 1905 г. из-за границы директору Департамента полиции (рапорт № 1), что он получил из ратаевского шпионского наследства, кроме канцелярии в Париже и архива в Берлине, одного лишь секретного сотрудника, некоего Светлицкого (псевдоним) в Париже и адрес одного внутреннего агента в Лондоне. Гартинг жаловался, что Ратаев слишком много тратил на наружную агентуру, так что из 11 200 фр. месячного бюджета заграничной агентуры оставалось на внутреннюю агентуру, разъезды агентов и непредвиденные расходы не более 2500 фр. «При таких условиях и с такими средствами ставить серьезную внутреннюю агентуру является совершенно невозможным». Он задавался вопросом: «Каким образом мой предшественник, уплачивая такие сравнительно крупные суммы некоторым из наруж-

* Евно Азеф, «История его предательства», «Былое», 1918 г. № 2(24), стр. 201, письмо Ратаева.

** Политехникум, в котором учился Азеф, находился не в Дармштадте, как указывается здесь, а в Карлсруэ.

ных агентов, мог содержать еще секретных сотрудников и платить, например, 900 фр. в месяц известному Департаменту полиции Бабаджану (псевдоним), ныне уехавшему, по указанию г. Ратаева в Россию, с тем, кажется, чтобы постараться поступить на службу к г. Гуровичу, тем более, что у него (Ратаева) имелось еще несколько мелких секретных сотрудников, которые при самом скромном жалованьи, несомненно, получали в общем около 1000 фр. в месяц».

Итак, мы видим, что сотрудниками Ратаева были: Светлицкий, Бабаджан и др. Агентом Рачковского, который работал и при Ратаеве, и при Гартинге, был Л. Д. Бейтнер; сын чиновника, будучи изгнан из Нижегородского кадетского корпуса в 1890 г. за сбыт украденных у купца Коломнина денег, он отсидел по приговору владимирского окружного суда 7 месяцев в тюрьме, затем уехал за границу, поступил в Цюрихский университет и в 1892 г. сделался сотрудником Рачковского. Действуя, как провокатор, он участвовал 16(28) января 1894 г. в анархической демонстрации в Цюрихе, был арестован, но вызволен Рачковским. В конце 90-х начале 900-х гг. он жил в Лондоне, освещая старых народовольцев и Бурцева *. Интересно отметить, что параллельно с Бурцевым, Бейтнер освещал и помогавшего Бурцеву по отправке его изданий Петра Эмануиловича Панкратьева, истинная роль которого Бейтнеру и Рачковскому была неизвестна. Между тем, Панкратьев был сотрудником петербургского охранного отделения. Панкратьев был вскрыт и опубликован в № 11 с.-д. газеты «Искры» (1901 г.) **.

Упомянутый Гартингом Бабаджан был, на самом деле, мещанин местечка Дубоссары, Херсонской губ. Берко Янкелев Батушанский, секретный сотрудник екатеринославского охранного отделения, куда «приглашен» был в начале сентября 1902 г. Уже в конце октября 1902 г. он стал сообщать начальнику охранного отделения ценные сведения о противоправительственной деятельности местной еврейской интеллигенции, а в декабре, когда он устроил в Екатеринославе зубоврачебный кабинет, Батушанский сделался, положительно, центром, которому были известны самые конспиративные замыслы социал-демократических и эсеровских организаций в Екатеринославе. Батушанским были выяснены делегаты Организационного комитета РСДРП, приезжавшие в Екатеринослав для организации местной группы «искровцев», а равно также выяснены супруги Азриель и Сарра Кушель, приехавшие в Екатеринослав для создания тайной типографии. 24 мая 1903 г. Сарра Кушель была арестована. С 27 мая по 27 сентября 1903 г. Батушанский отбыл 4-месячное тюремное заключение по делу ки-

* Кроме провокаторской деятельности, Бейтнер одновременно занимался и шпионажем. Охранная кличка Бейтнера была «Москвич»; умер в Копенгагене в 1907 г.

** «Минувшее», Историческая библиотека русского освободительного движения, в. I, Париж, 1914, стр. 203, 207, 213.

шеневской типографии (1902 г.), причем дал из тюрьмы ряд ценных для полиции сведений. После выхода из тюрьмы, осенью, он открыл жандармам тайную типографию с.-р. и секреты Екатеринославского с.-д. комитета.

По отзыву начальства «Батушанский, как сотрудник, проявлял весьма ценное качество — фотографическую точность передачи всех сведений, с крайне осторожным и всегда обоснованными личными предположениями и, кроме того, глубокую обдуманность каждого своего шага и действия». При таких качествах Батушанский представлялся не только полезным и достойным полного доверия сотрудником, но и лицом, безусловно, способным работать самостоятельно. В виду этого, Департамент полиции возбудил ходатайство о даровании Бабаджанову пожизненной пенсии в 1 200 руб. в год, «если он будет скомпрометирован в революционной среде не по своей вине».

По получении уведомления об этом ходатайстве «Батушанский ликвидировал зубоврачебный кабинет, который давал ему определенное положение в обществе, и, сообразно с интересами политического розыска, выехал за границу, где первоначально работал по партии с.-д., а затем, вследствие благоприятно сложившихся для него обстоятельств, получил возможность освещать деятельность максималистов. Одним из наиболее видных дел, данных им, является приезд его из-за границы в Россию с несколькими максималистами; результатом представленных по сему делу Батушанским сведений были произведены по Москве и Петербургу ликвидации местных групп с.-р.-максималистов (Людмила Емельянова, княжна Мышецкая, Иван Коломийцев и др.).

Разоблаченный осенью 1909 г. Бурцевым Батушанский получил пенсию от Департамента полиции, но Столыпин «надул» провокатора: вместо обещанных 1 200 руб., назначил ему лишь 600 руб.

Чтобы покончить с периодом Ратаева, о котором мы говорим лишь мимоходом, нужно сказать, что Азеф доставил Ратаеву подробный доклад о Пражской конференции представителей российских революционных и оппозиционных групп (с 30 сентября по 8 октября) с Черновым (представитель ЦК партии с.-р. под кличкой «Диканский»).

Еще в период Рачковского, в 1901 г., был разоблачен, как секретный сотрудник, старый революционер Николай Паули, арестованный в 1883 г. по делу типографии «Народной Воли» в Петербурге и сосланный в Восточную Сибирь, откуда он несколько раз неудачно пытался бежать. Паули был одним из основателей с.-р. «Лиги аграрного социализма». Ему пришла в голову несчастная мысль разоблачить Рачковского. Он обратился к нему с предложением услуг и просил по 1 000 фр. в месяц. Рачковский давал ему 2 месяца по 600 фр., но затем, опасаясь Паули, опубликовал первое письмо Паули к нему, разославши калькированную копию письма эмигрантам в Париже, Лондоне и Швейцарии. Кроме того, по просьбе Рачковского, Паули был выслан в Швейцарию фран-

цузскими властями. На товарищеском суде в Швейцарии Паули заявил, что цель его состояла в убийстве Зволянского, Зубатова или Рачковского. Окончательное мнение по его делу склонилось к тому, что Паули действовал корыстно.

II. РАЗОБЛАЧИТЕЛИ СЕКРЕТНЫХ СОТРУДНИКОВ

Период деятельности Гартинга дал заграничной агентуре ряд ценных сотрудников, но ознаменовался крахом и провалами многих важнейших провокаторов. При нем закатилась «звезда провокации» — Азеф, а за ним был вскрыт и сам Гекельман-Гартинг. Три лица наиболее способствовали разоблачению тайн политической полиции: Бурцев, Бакай и Меньщиков.

В. Л. Бурцев, историк и библиограф революционного движения *, имея массу материалов и заметок, воспоминаний и интимных сообщений революционеров, сосредоточил в своих руках много данных, сопоставление которых привело его к мысли о существовании в рядах революционеров многих провокаторов. Возвратившись в 1905 г., по амнистии в Россию, он был одним из основателей исторического журнала «Былое» **.

В Петербурге Бурцев стал энергично собирать материалы по революционному движению, помещая их частично в «Былом». Уже мартовская книжка за 1906 г. обратила на себя внимание не только жандармов, но и более внимательных читателей из публики тем, что в ней были помещены репродукции с таких фотографических карточек революционеров, казненных по делу 1 марта 1881 г., какие могли быть сняты лишь в тюрьме с заключенных (карточки Рысакова, Гельфман и др.). «Былое» печатало обвинительные акты, не опубликованные в 80-х гг. в официальной прессе, тайные доклады, обзоры революционного движения издания Департамента полиции и т. п. С осени 1906 г. деятельным помощником Бурцева, доставлявшим ему копии секретных бумаг из архива Департамента полиции, стал М. О. Бакай (Михайловский), чиновник Департамента полиции, служивший ранее в варшавском охранном отделении.

До Бурцева доходили через Бакая и помимо Бакая не только исторические, но и современные, весьма актуальные сведения. Данные, бывшие в распоряжении «Былого», говорили совершенно определенно и несомненно о присутствии в центре партии с.-р., в боевой организации, крупного предателя. Ранней осенью 1907 г. один из редакторов «Былого» Щеголев побывал в Гельсингфорсе со специальной задачей сообщить Борису Савинкову полученные в редакции данные об этом предательстве. Савинков немедленно же поделился этими сведениями ни с кем иным, как с Иваном Николаевичем, т. е. с Евно Азефом. Остальное по-

* Эсеровского.

** В 1901—1904 гг., под этим же названием Бурцев выпустил за границей 6 книжек непериодического журнала.

нятно. Азеф потребовал у своего начальства выяснения источника сведений «Былого» и ликвидации «Былого», В. Л. Бурцева и редакции»... Бакай был арестован, а Бурцев должен был из Финляндии выехать за границу» *. Через некоторое время Бакай бежал за границу и присоединился в Париже к Бурцеву, где тот вел борьбу с провокацией и на страницах возобновленного им за границей «Былого», и на страницах газеты «Будущее». Третье лицо, Леонид Петрович Меньщиков, оказало существенную помощь не только Бурцеву, но и делу революции, в общем, разоблачивши в 1909 г. 90 провокаторов с.-д., 20 — бундовцев, 75 — поляков, 25 — с.-р., 45 — кавказцев и 20 — финляндцев. Впоследствии, на основании указаний Меньщикова, были оглашены: 14 лиц «Бундом» (в циркуляре ЦК «Бунда» № 39), три лица (Алакшина, Лялин и Осиповский) — партией с.-р. («Знамя Труда», № 21—22), несколько — польскими организациями. Кроме того, на основании сведений Меньщикова, — по его словам, — было опубликовано до 80 шпионов (партийная принадлежность которых была неизвестна) в журналах: «Общее дело» В. Бурцева (№ 1—3) и «Революционная мысль», № 6. В своей молодости в 80-х гг., в Москве, Меньщиков был предан одновременно двумя «товарищами», оказавшимися агентами охранки: тем, кто его пропагандировал (Зубатов), и тем, кого он развивал (Крашенинников). Тогда, по его словам, Меньщиков решил вступить в лагерь охранников, чтобы раскрыть приемы их деятельности. Как и Бакай, Меньщиков служил в московском и варшавском охранных отделениях. После двадцати лет службы Меньщиков достиг Особого отдела Департамента. И в охранках, и в центре розыска, он собирал материалы, снимал копии, наводил справки и т. д. Разоблачение провокации он начал с известного письма, посланного осенью 1905 г., партии с.-р. с указанием на предательскую роль Татарова и Азефа. К полной же реализации данных о шпионах он приступил, перебравшись за границу и войдя здесь в связь с Бурцевым. Сведения Меньщикова подтвердили многие из подозрений Бурцева, а некоторые данные были откровением и для Бурцева. Так, Бурцев узнал, что начальник парижской охранки Гартинг есть тот самый Ландезен, который спровоцировал его самого и его товарищей в 1890 г., и что Ландезен-Гартинг есть Абрам Гекельман **.

Следствие, произведенное в 1917 г. комиссаром Временного правительства за границей С. Г. Сватиковым и уполномоченным Чрезвычайной следственной комиссии в Париже Е. И. Раппом, имело результатом разоблачения провокаторов, работавших не только при Красильникове (1909—1917 гг.), но и при Гартинге (1905—1909 гг.), а также подтверждение целого ряда высказанных Бурцевым в 1907—1914 гг. догадок и подозрений. Сватиков произвел допросы в Скандинавии, Англии, Франции, Италии и Швей-

* «Былое», «Из истории «Былого», 1917, № 1(23).

** «Минувшее», сб., ч. I. Париж, 1914, прил. I, ст. Меньщикова. «О неопубликованных шпионах», (стр. 244—246).

царии, а также объединил данные, добытые при вскрытии архива и делопроизводства Департамента полиции с данными комиссии Е. И. Раппа в Париже. В результате сводки этих данных и являются приводимые ниже биографии шпионов и провокаторов. Выборка данных из парижского архива охранки сделана Л. П. Меньщиковым.

К 1907 г. относятся сведения о секретных сотрудниках Каплуне и Шварце. Из них, Борис Борисович Каплун, сын делопроизводителя канцелярии туркестанского генерал-губернатора, родился в 1882 г. в Ташкенте. Состоя студентом медицинского факультета Женевского университета, он обратился в июле 1907 г. в Департамент полиции с предложением своих услуг; назвал себя членом Заграничной Лиги РСДРП и секретарем по внешним сношениям женевской группы этой партии. «Таким образом, — писал Каплун, — в моей возможности проникнуть во все организации, в награду я прошу лишь постоянное место по полиции с окладом не менее 150 руб. в месяц». В другом письме Каплун предложил раскрыть заговор на жизнь московского градоначальника и подробности «дела депутата Озоля», но только «по получении 1000 р.». В третьем письме Каплун соглашался уже на получение и половины этой суммы, а в доказательство того, что он не шантажист, приложил явку на бланке бюро женевской с.-д. группы за подписью Нончева. Заведывавший заграничной агентурой Гартинг принял Каплуна в число секретных сотрудников под кличкой «Петров». Сообщения Каплуна были многочисленными, но малосодержательны. Доносил он, главным образом, на анархистов братьев Кереселидзе, Магалова, Бакрадзе и др. Почти все его письма заканчивались просьбою о присылке денег. Скоро, впрочем, товарищи заподозрили Каплуна, и он, симулируя «покушение на самоубийство, прострелил себе легкое» (5 декабря 1907 г.). «Мне это было необходимо, — писал Каплун по этому поводу Гартингу, — для укрепления положения. Теперь все, и с.-д., и прочие, извиняются и молят, произносят тирады о моей честности»... Тем не менее Каплун поспешил уехать в Париж, а Гартинг не замедлил отправить его в Россию. 25 декабря Каплун, получив от жандармского офицера в пограничном пункте Вержболово железнодорожный билет и 20 руб. (в чем дал расписку), выбыл в Петербург.

Другой сотрудник был Лев Соломонович Шварц. Он состоял секретным сотрудником одесского охранного отделения. В 1907 г. Департамент полиции предложил заведывающему заграничной агентурой взять Шварца в число своих сотрудников. Гартинг согласился принять его на службу для Женевы при условии, если «он может подойти к с.-р. или анархистам». После этого Шварц был командирован в Париж, причем заграничный паспорт и 125 руб. на дорогу он получил лично от заведывающего Особым отделом Департамента полиции.

В июне 1908 г. был объявлен предателем известный уже нам

секретный сотрудник Л. Д. Бейтнер *. Этот Бейтнер был, однако, не только предателем, но и провокатором: он спровоцировал П. А. Кракова на покушение: дал ему денег и пр., и Краков поехал убивать министра юстиции Н. В. Муравьева, но по приезде в Петербург, был немедленно арестован с браунингом в кармане (июль 1904 г.) **.

В том же 1908 г. был вскрыт провокатор Вячеслав Александрович Кенсицкий. Окончил 7 классов гимназии, бывший служащий варшавского магистрата. Известен был в революционной среде под кличкой «Метек», «Феликс» и «Ипполит». В 1904—1905 гг. состоял секретным сотрудником варшавского охранного отделения. С 1906 г. Кенсицкий «работал с пользою в заграничной агентуре». В 1908 г., во время похорон Гершуни в Париже, Кенсицкий был опознан М. О. Бакаем, который лично знал его, как осведомителя охранки. 12 апреля 1908 г. был опубликован, как провокатор, парижской группой с.-р. максималистов. По этому поводу заведующий заграничной агентурой доносил Департаменту полиции, что «провал Кенсицкого чрезвычайно чувствителен агентуре» и ходатайствовал о выдаче Кенсицкому пособия в 5 000 фр., ввиду намерения его уехать «ради безопасности» в Америку. По агентурным сведениям парижского бюро заграничной агентуры летом 1910 г. Кенсицкий имел свидание с Бурцевым, предлагая ему очень интересные для него документы, за которые хотел получить 500 руб. У Бурцева будто бы такой суммы не оказалось, и поэтому сделка не состоялась.

Кроме Кенсицкого, Бакай разоблачил тогда же Моисея Гутмана. Гутман состоял секретным сотрудником виленского охранного отделения под кличкой «Турок». Был рекомендован жандармским подполковником Рединым для заграничной работы. В 1908 г. он прибыл в Париж и был принят жандармским ротмистром Андреевым («Рено»), — который помогал Гартингу в заведывании секретной агентурой, — в число сотрудников заграничной агентуры. Жалованья получал 400 фр. в месяц. Гутману было поручено «проникнуть в местную группу с.-р.», но так как он имел явку лишь к некоему студенту Мурашкину, то в организацию вступить ему не удалось. Тогда Андреев поручил Гутману, «не теряя времени», сблизиться с Бурцевым и Бакаем. Гутман вошел в сношения с ними, но вскоре вызвал у них подозрение и «под давлением Бакая» признался в предательстве. Опасаясь разоблачения со стороны Гутмана, ротмистр Андреев отправил его 6 октября 1908 г. в Россию, под конвоем агента наружного наблюдения Анри Бинта. Через две недели Гутман вернулся в Париж. Гартинг, «опасаясь вреда, который он может принести», решил понудить его к отъезду, но предварительно добился от Гутмана официальной жалобы на разоблачившего его Бакая. 28 ноября того же

* «Революционная мысль», № 2.
** «Минувшее», Париж, 1914, в. I, стр. 215—216.

1908 г. Гутман уехал в южную Германию, где он как человек, «знающий немецкий язык, малярное и декоративное ремесло, мог найти спокойное существование». На дорогу ему дали 200 фр.

Не бесполезно привести здесь рапорт Гартинга от 7(20) ноября 1908 г., из которого видно, на какие дела готов был пуститься Гартинг, лишь бы избавиться от Бурцева и Бакая.

«Озабочиваясь, — писал Гартинг, — о сохранении интересов заграничной агентуры при крайне удручающих обстоятельствах, причиняемых пребыванием в Париже Бакая и Бурцева, я имел недавно обсуждение этого дела в парижской префектуре, причем мне было заявлено, что если бы имелся какой-либо прецендент, в виде жалобы на Бакая со стороны кого-либо с указанием на воспоследовавшие со стороны Бакая угрозы, то это могло бы послужить поводом для возбуждения дела о высылке Бакая из Франции, хотя в префектуре не уверены в осуществлении министерством внутренних дел его предположения...»

Ввиду этого Гартинг придумал такой план: «Пользуясь известным чувством злобы, возбужденной Бакаем в «Турке» (Гутмане), находящемся в Вильно, можно было бы надлежащими переговорами добиться согласия «Турка» на представление российскому генеральному консулу в Париже жалобы с указанием в таковой, что он, Гутман, прибыв в начале августа в Париж для детального изучения шапочного ремесла, попал в компанию русских, из числа коих некто Бакай, проживающий по ул. Парка Монсури, 24, стал склонять его, Гутмана, войти в состав группы русских революционеров и при его, Гутмана, на то несогласии, грозил причатием насильственных мер до смертного насилия включительно, ввиду чего он, Гутман, боясь насилия, бежал из Парижа в Россию, потерпев, кроме нравственного потрясения, еще и материальные убытки, и на что он, Гутман, принося жалобу г. консулу, просит его о преследовании по отношению Бакая».

«Если бы действительно от Гутмана поступила таковая жалоба на имя российского генерального консула в Париже, то я смог бы ее направить в префектуру, причем обстоятельство это, во всяком случае, в известной степени способствует делу высылки Бакая». Однако, планы Гартинга не осуществились и, вместо Бурцева с Бакаем, сам он поспешно покинул Париж.

1909 г. ознаменовался провалом Азефа, Гартинга и ряда крупнейших провокаторов. Бурцев вел в течение всего 1908 г. усиленную борьбу с ЦК партии с.-р., настаивая на объявлении Азефа, члена ЦК, главы боевой организации, провокатором. С.-р. были вне себя от этих обвинений, и жизни Бурцева угрожала серьезная опасность: восторженные почитатели Ивана Николаевича (Азефа) серьезно готовились к убийству разоблачителя, или, как они думали, «клеветника». Однако, когда Азефу были предоставлены обвинения в окончательной форме, Азеф бежал. Гартинг имел своих людей среди с.-р. и кроме Азефа, и сообщил 6 (19) января 1909 г. в Департамент полиции главные данные, сообщенные по

делу Азефа «конспиративной» следственной комиссией собранию левых с.-р. (1 (14) января) в Париже.

Данные, приведшие «конспиративную комиссию» к заключению о провокаторстве Азефа, были следующие:

1. Первые подозрения о провокационной деятельности Азефа явились у Гершуни, который будто бы в бытность свою еще в Шлиссельбургской крепости, обсуждая провалы, вместе с Мельниковым * натолкнулись на Азефа.

2. При провале Северной боевой дружины, особенно казалось подозрительным то обстоятельство, что провал приписывался некоему матросу Масокину; на него шли намеки из петербургской охранки и почему-то то же самое стали говорить и члены ЦК. При ликвидации этой дружины охранное отделение знало в совершенной точности, где, когда и как брать, кто был с бомбой и кто с револьвером, что могло быть известно только лишь в верхах боевой дружины; обстоятельство же отвлечения внимания на Масокина, исходившее от охранного отделения, и повторение этого имени ЦК, указывает, что предатель имел связь или входил в ЦК.

3. Покушение на взрыв Государственного совета. ЦК известно, что взрыв этот должен был выполнить некий Кальвино — Лебединцев. Но о том факте, что Кальвино и Лебединцев одно и то же лицо, никто, кроме Азефа, в России не знал; один из с.-р. сообщил в партии, что Азеф, встретясь с ним на Невском проспекте, проговорился, что арестованный Кальвино есть Лебединцев.

Далее интересен эпизод с записной книжкой Лебединцева: она была захвачена при обыске финляндскими властями, о чем узнал Бурцев, бывший в то время в России. Бурцев какими-то путями у финляндских властей эту книжку добыл и передал ЦК, откуда она исчезла и очутилась в распоряжении петербургской охранки. Но и это обстоятельство не могло бы выяснить, что Кальвино есть Лебединцев, ибо это в книжке не было обозначено.

4. К этому же времени относится сближение Бурцева с Бакаем и обоюдные их сношения с чинами охранки с целью добыть списки провокаторов. Список этот они достали, но явно умышленно ложный, так как в нем был в числе других «Карл» **, но не было Азефа. К списку приложены были какие-то 2 фотографические карточки.

5. Наконец, о том, что Азеф состоял сотрудником охранного отделения, стали поступать сведения от петербургских, московских и саратовских филеров, находившихся в сношениях с с.-р. и от одного служащего у жандармского офицера Кременецкого, который, будучи недоволен тем, что его не отличают за его заслуги, решил отомстить своему начальнику и написал в ЦК

---

* Эсер, близкий сотрудник Гершуни, вместе с которым он был арестован в 1903 г.

** «Карл» кличка казненного террориста Траубенберга.

письмо, хранимое при делах, с указанием на провокаторскую деятельность Татарова и Азефа.

6. Такие же письма, но уже анонимные, поступили в ЦК и из Департамента полиции, но Азеф в одном назывался кличкою «Виноградов», а в другом «Рыскин» или «Раскин»...

В седьмом пункте говорилось, что несочувствовавшие Азефу или подозревавшие его неизменно «проваливались».

Бурцев, подбиравший шаг за шагом доказательства виновности Азефа и видя недоверие ЦК с.-р., решил добиться и добился в сентябре 1908 г. свидания (в поезде между Берлином и Кельном) с бывшим директором Департамента полиции А. А. Лопухиным. Последний подтведил ему, что Азеф был провокатором. Но и после этого пришлось долго бороться, пока, наконец, 26 декабря 1908 г. (7 января 1909 г.) Азеф был объявлен провокатором официально.

Затем явившийся за границу Л. П. Меньщиков открыл Бурцеву настоящее имя Гартинга. Еще до этого Гартинг доносил Департаменту полиции (6 (19) января 1909 г.), что «Бурцев, в крайне интимной беседе высказался, что Гартинга надо убрать во что бы то ни стало»...

В марте 1909 г. была разоблачена в Париже провокаторша Цетлин, работавшая за границею. Об этом писал (6 (19) апреля 1909 г.) заведывающий Особым отделом Департамента полиции Климович, рассказывая, как за 16 дней до этого была арестована в Париже русскими революционерами сотрудница с.-петербургского охранного отделения с.-р. Мария Цихоцкая, носившая на самом деле имя Татьяны Максимовой Цетлин.

«Случаю этому, — излагал Климович, — предшествовали следующие обстоятельства:

Татьяна Цетлин начала свою работу в качестве секретной сотрудницы при с.-петербургском охранном отделении с 1907 г. Сначала она обслуживала деятельность военной организации партии с.-р., а затем было решено ввести ее в заграничные боевые центры, ввиду чего, после ликвидации военной организации в начале 1908 г., она в апреле того же года выехала в Женеву, где вошла в связь с проживающим там русским эмигрантом Лазаревым, который, желая использовать Татьяну Цетлин для боевых целей, осенью 1908 г. направил ее вместе с нелегальным Синьковским (настоящая фамилия Деев, будто бы, бывший офицер Красноярского гарнизона, обвинявшийся в 1905 г. в убийстве своего командира) в Париж в распоряжение Минора.

Минор, отправлявшийся в то время на работу в Россию, предполагал организовать цареубийство, для исполнения чего решил использовать Татьяну Цетлин, Синьковского и еще третье неизвестное лицо. По имеющимся сведениям в этот план был посвящен также и член ЦК партии с.-р. Аргунов, на которого возлагалось ближайшее руководство выполнением преступного замысла.

Однако, арест Минора в Самаре и последовавшие затем разоблачения по делу Азефа, заставили с.-р. отложить выполнение этого плана. Вслед за этим Татьяна Цетлин сошлась с проживающими в Париже Александровым, И. Бычковым и Борисом Савинковым, у которых возникал последовательно ряд предположений о необходимости совершения в России разных террористических актов. Так, первоначально предполагалось убить генерала Герасимова, Рачковского и товарища министра внутренних дел шталмейстера Курлова, причем Савинков принимал на себя руководящую роль в этих преступлениях, рассчитывая на Синьковского и Цетлин, как на исполнителей. Встречая, однако, затруднения в возможности разыскать генерала Герасимова и Рачковского, Савинков решил в, первую очередь, покончить с генералом Герасимовым и чиновником с.-петербургского охранного отделения Доброскоком *.

Решение это появилось у него после 15 марта сего года, вследствие надежд на содействие какого-то полковника, котсрый поможет облегчить розыск и обнаружение генерала Герасимова.

Осведомленная об этих намерениях Савинкова Татьяна Цетлин вызвала немедленно в Париж чиновника Доброскока для сообщения ему планов революционеров.

26 марта чиновник Доброскок отправился в Париж, причем заметил, что при выходе его из вагона он был встречен на Парижском вокзале наблюдением со стороны революционеров, в числе трех лиц: ...Днепровского, Луканова и какого-то неизвестного с рыжей бородой **.

Приезду Доброскока в Париж предшествовали следующие обстоятельства: исполняя просьбу Татьяны Цетлин, он месяца 2 тому назад послал ей из России несколько книг учебного содержания. Книги эти были вручены отправлявшемуся в Париж агенту наружного наблюдения Лейтису ***, который, не посвященный в то обстоятельство, кому эти книги предназначались, должен был передать их, проживающему в Париже под фамилией Книг, наблюдательному агенту Кершнеру. Кершнер, получив эти книги, передал их Татьяне Цетлин при свидании с нею в ресторане. Затем, позднее, отправляясь как-то на одно из свиданий с Татьяною Цетлин, Кершнер подарил ей несколько роз.

О приезде Доброскока в Париж знали начальники с.-петербургского охранного отделения, генерал Герасимов, помощник его подполковник Комиссаров и агент Кершнер, предуведомленный Доброскоком по телеграфу о дне и часе его приезда.

---

* Чиновник охранного отделения Доброскок был известный провокатор, под кличкою «Николай Золотые Очки», разоблаченный в 1905 г. После разоблачения его, как секретного сотрудника, он стал работать в охранном отделении официально.

** Днепровский — революционная кличка Н. А. Лазаркевича, Луканов — Сергея Моисеенко.

*** Гартинг против имени Лейтиса приписал: «Лурих».

Накануне приезда Доброскока к Кершнеру на квартиру заходил агент Лейтис и настойчиво звал Кершнера итти с ним завтракать. В это время Кершнер сказал Лейтису о полученной им депеше и, согласившись пойти с ним завтракать, вышел вместе с Лейтисом на улицу. Однако Лейтис, поговорив на улице с Кершнером, почему-то изменил свое намерение итти завтракать и, отговариваясь необходимостью спешить на службу, куда-то ушел один.

По приезде Доброскока на Парижский вокзал, он увидел там трех стоящих порознь революционеров, из числа которых узнал известного ему в лицо «Днепровского». Предполагая, что присутствие революционеров вызвано приездом (с тем же поездом, в Париж) бывшего министра внутренних дел П. Н. Дурново и генерала Трепова, Доброскок, пройдя мимо революционеров, стал наблюдать, не следят ли они за Дурново. При этом Доброскок вынес впечатление, что находившиеся на пероне революционеры на него лично не обратили никакого внимания и стали за ним следить лишь после того, как к нему на пероне подошел Кершнер. Когда Доброскок с вокзала приехал в гостиницу, то пришедший вслед за тем к нему Кершнер доложил, что бывшее на вокзале наблюдение поместилось в расположенной против гостиницы кондитерской. Таким образом, не оставалось никаких сомнений, что наблюдение со стороны революционеров было установлено именно за Доброскоком. Когда на следующий день к Доброскоку в номер пришла Татьяна Цетлин, то было замечено, что и она сопровождалась также наблюдением со стороны революционеров. Вернувшись домой, Татьяна Цетлин ночью получила от Савинкова телеграмму, подписанную «Лежнев», с предложением явиться 31 марта (13 апреля) на квартиру Синьковского. Прибыв на эту квартиру, Татьяна Цетлин была встречена 10 боевиками с Савинковым во главе, который, наведя на нее револьвер, приказал ей поднять руки вверх, а затем, обыскивая ее, отобрал бывшие при ней 500 рублей, объявив, что деньги эти, как полученные от русского правительства, конфискуются партией. Синьковский, также заподозренный в предательстве, в это время был уже арестован в другой комнате своей квартиры. Из сказанных Савинковым при этом слов Татьяна Цетлин узнала, что революционеры прекрасно осведомлены об имевших место с осени 1908 г. в Париже приездах генерала Герасимова, подполковника Комиссарова, Доброскока и ротмистра Лукьянова. Затем видно было, что революционеры знают квартиру, подробности и образ жизни Доброскока в Петербурге, конспиративную квартиру с.-петербургского охранного отделения, помещающуюся на Александровском проспекте, д. № 21, филерские клички, которые носили Синьковский и Цетлин, квартиру и настоящую фамилию агента Кершнера, а также его псевдоним «Кинг», и факты получения Татьяной Цетлин из Петербурга книг и от Кершнера — роз. После обыска Татьяна Цетлин была арестована боевиками, и для

охраны ее, а также для охраны арестованного в другой комнате Синьковского были оставлены боевики, сначала в количестве 7—8 чел., а потом 3—4 чел., все вооруженные револьверами.

На следующее утро в квартиру явилось 5 «судей», из числа которых Татьяна Цетлин узнала Савинкова, Чернова, Шишко и неизвестного ей по фамилии мужа племянницы Бычковой (еврейского типа). Пятого судью она не знает. С судьями явились два секретаря, один из которых носил революционную кличку «Михаил», и на суде присутствовал, не принимая, однако, в решении суда непосредственного участия В. Бурцев. До открытия заседания суда Татьяна Цетлин, в сопровождении двух вооруженных конвоиров, была отправлена к себе на квартиру (ул. Бертолле, 18, квартира «Марии Цихоцкой»), для производства там тщательного обыска, при помощи которого революционеры изъяли две открытки невинного содержания, писанные рукою Доброскока, «что удостоверил Бурцев», и учебные книги. Повидимому, во время этого обыска происходил суд над Синьковским, а по возвращении, тем же порядком, в квартиру Синьковского Татьяны Цетлин, начали судить и ее. Цетлин, не отрицая своей службы в с.-петербургском охранном отделении, категорически заявила, что Синьковский никогда агентом охранного отделения не состоял, а что она работает уже 2 года. Загладить свою вину перед партией она отказалась. Суд, определив ее «нераскаянным провокатором», постановил подвергнуть ее и Синьковского смертной казни.

При этом, на суде Бурцев высказался, что они уже полгода тому назад знают, что есть агент — женщина выше среднего роста, лет 30, бледная, давно работающая в партии и занимающая в ней видное положение. Бурцев предполагал увидеть в лице Цетлин этого агента, но теперь видит, что он ошибся и Татьяна Цетлин другое лицо, хотя, конечно, обстоятельство это вины ее не изменяет.

После суда оба арестованные были оставлены в квартире под стражей до приведения приговора в исполнение. Квартира охранялась сперва 7, а потом 4 вооруженными людьми, но в ней перебывало за эти дни человек 30, на что обратил внимание консьерж. 6 (19) апреля, по неизвестным причинам, обоим арестованным было объявлено, что назначенная им смертная казнь отменяется, причем они исключаются из партии и обязаны жить под надзором, извещая партию о месте их нахождения. Вслед за тем оба они были освобождены, причем Цетлин выдано из ее денег 40 фр., с которыми она и уехала в Германию, сопровождаемая наблюдением из 3 революционеров. По дороге ей удалось, однако, на одной из узловых станций, пересев на встречный поезд, ускользнуть от наблюдения, после чего она и приехала в Россию».

По поводу рассказа Цетлин нельзя не заметить, что она сильно драматизировала происшедшее. Впрочем, после парижского разоблачения, Цетлин и ее любовник Доброскок постарались выйти из сферы неприятных встреч с революционерами, и в

1917 г. весною, когда Бурцев стал разыскивать «супругов» Доброскок, то оказалось, что «Николай Золотые Очки» занимал более приятное и спокойное, нежели раньше, место — по дворцовой охране в Петергофе. Что касается Климовича, то, сообщивши Гартингу о злоключениях Цетлин, он, естественно, «задавался целью выяснения того обстоятельства, каким образом произошло расконспирирование секретной деятельности Цетлин», причем обращал внимание на то обстоятельство, что до самых последних дней марта 1909 г. Цетлин была в партии, повидимому, вне всяких подозрений и что провал ее произошел очень быстро и в самое последнее время.

«Что касается возможного участия в этом деле агента наружного наблюдения Лейтиса, то следует отметить еще то обстоятельство, — продолжал Климович, — что Савинков и Бурцев, беседуя о последнем приезде Герасимова в Париж упоминали о том, что Герасимова видели на Елисейских полях. К сожалению, за отъездом Герасимова из С.-Петербурга, точно установить, бывал ли он в последний свой приезд на Елисейских полях, не представляется возможным, но обстоятельство это подлежит большому сомнению, так как он из номера гостиницы никуда не выходил (жил в гостинице на ул. Риволи). Между прочим, агент Кершнер как-то случайно говорил Лейтису о том, что Герасимов живет на Елисейских полях».

Сообщая Гартингу эти данные, полученные от распроса Доброскока и Цетлин, Климович просил доложить это письменно вице-директору Департамента полиции С. Е. Виссарионову и «принять, со своей стороны, возможные меры к выяснению всех обстоятельств, вызвавших этот провал секретной агентуры». Повидимому, выяснилось, что расконспирирование Цетлин и Синьковского (он же Зеньковский) произошло благодаря содействию Лейтиса (Луриха), потому что 29 апреля (12 мая) 1909 г. Гартинг телеграфировал директору Департамента полиции Зуеву: «Измена Луриха, несомненно, начавшаяся давно, поставила в крайнюю опасность не только всех людей, с которыми виделся Андреев (помощник Гартинга), но и я; лишь полное признание Луриха поможет мне уяснить, будет ли хоть кто-либо спасен из здешних агентур».

На следующий день, ввиду подготовлявшегося приезда царя в Шербург, Гартинг дал Зуеву телеграмму следующего содержания: «По совершенно секретному личному частному соглашению с чинами префектуры мною выработана следующая мера. Префектура готова сформировать особый отряд агентов, долженствующий наблюдать исключительно важнейших русских террористов и будет осведомлять меня о результатах. Для выполнения этой меры необходимо, чтобы наше правительство добилось, через посла, дабы французское министерство предписало префектуре усилить надзор за русскими террористами ввиду имеющихся сведений о возможности осуществления ими плана цареубийства во

время поездки государя за границу. Описанная мера разделяется вице-директором»...

Эта телеграмма была роковой для Гартинга. По его инициативе посольство стало усиленно настаивать на высылке нескольких человек, в том числе и Бурцева, из Франции. Председатель Совета министров Клемансо отказал в этом. Бурцев, имевший в руках доказательства тождества Гартинга — Ландезена — Гекельмана, опубликовал в газетах статью, обличающую шефа русской политической полиции в Париже, как провокатора, осужденного во Франции к 5-летней тюрьме. Клемансо предъявил документы и фотографию русскому посольству, а так же группе русских парламентариев (А. И. Гучкову, П. Н. Милюкову).

Вслед за провалом «шефа» начали проваливаться и другие. Л. П. Меньщиков сообщил бундистам, что провокатор, которого они старались выяснить по указаниям Бакая, есть Каплинский. Совместными трудами Бурцева и Меньщикова были выяснены крупные провокаторы с.-р.: Зинаида Федоровна Гернгрос-Жученко и Анна Егоровна Серебрякова. Последняя была одним из старейших и серьезнейших сотрудников московской охранки. Ратаев, находившийся уже на покое, горько жалел о судьбе бедной Зины («мне ее жаль больше всех») и скорбел о разоблачении Серебряковой, которую он в письме своем к директору Департамента полиции Зуеву называл «Евсталией».

Кроме вышеупомянутых лиц были вскрыты, благодаря Л. П. Меньщикову, предатели: Розенберг, Пуцято-Русановская, Константин Спандарьянц и некоторые другие. По его же указаниям Бурцев опубликовал с.-д. Батушанского (он же «Барнт»). Сведения о Батушанском Бурцев получил и от француза — агента наружного наблюдения Леруа, который изменил Гартингу и оказал Бурцеву немало услуг по раскрытию провокации. В результате обвинения Бурцева, над Батушанским состоялся товарищеский суд, имевший 17 заседаний, на котором свидетельскими показаниями, документами и собственным признанием Батушанского, он был признан провокатором. При этом, в постановлении суда внимание Департамента полиции привлекло следующее место: «Будучи, повидимому, напуган открывшимися разоблачениями провокаторов, например, максималиста Кенсицкого, его знакомого по группе, Батушанский отошел от всяких революционных кругов, для чего переехал на правый берег Сены. После этого, по его собственному рассказу, подтверждающемуся представленными им письмами, начинаются усиленные побуждения его со стороны начальника заграничной полиции Гартинга, сопровождавшиеся угрозами и с предложениями продолжать прерванную деятельность тайного агента за крупные денежные вознаграждения.

По прибытии в Петербург, Батушанский был опрошен по последнему обстоятельству о предъявлении суду писем заведывающего заграничной агентурой, и он дал объяснение, что при этом

имел целью доказать суду, что Гартинг пытался склонить его к службе, но он от предложений этих отказался».

Департамент признал — «в высшей степени полезной и продуктивной деятельность в течение 7 лет Берки Батушанского» и «ходатайствовал о пенсии для разоблаченного не по своей вине» сотрудника.

К 1909 г. относится и деятельность провокатора Натана Шахновского, разоблаченного лишь при следствии в 1917 г. Шахновский окончил в 1908 г. Ковенское коммерческое училище. По делу о ковенской группе анархистов-коммунистов подлежал ссылке на поселение, но «получил» разрешение выехать за границу.

Нужно думать, что разрешение это было дано недаром. По собственному признанию (прошение на имя директора Департамента полиции от 25 декабря 1909 г.) Шахновский состоял в течение долгого времени сотрудником при начальнике охранного пункта в Ковно, Александре Евгеньевиче Донцове, а впоследствии в течение 3 месяцев, при одесском охранном отделении под кличкою «Южный» (группа анархистов-коммунистов). Согласно тому же заявлению, Шахновский был близко знаком с жандармским ротмистром Колоколовым, с чиновником при виленском охранном отделении А. К. Ралли, ротмистром Г. А. Магеровским, начальником одесского охранного отделения Левдиковым и полковником Гноинским.

В октябре 1908 г. временный генерал-губернатор Одессы Толмачев ходатайствовал пред товарищем министра внутренних дел Макаровым о разрешении зачислить Шахновского в число студентов Новороссийского университета, «ввиду необходимости иметь в их среде лиц, вполне преданных порядку, политически благонадежных, с помощью которых можно было бы получать сведения».

Однако, ввиду отсутствия еврейской вакансии и незнания Шахновским латинского языка, Департамент полиции отказал в содействии, предложивши возбудить соответствующее ходатайство перед попечителем учебного округа, так как иной порядок мог повлечь за собою разоблачение секретной роли Шахновского. В указанное время Шахновский состоял в числе студентов медицинского факультета в одном из швейцарских университетов и только вследствие настоятельных просьб начальника охранного отделения вернулся в Одессу. Потерпев неудачу с поступлением в Одесский университет, Шахновский уехал в Карлсруэ, где зачислился в студенты Баденской высшей технической школы. В декабре 1909 г. Шахновский жил в Карлсруэ, по Гирвингштрассе, 32. В следующем 1910 г. Шахновский переселился в г. Бонн на Рейне.

Находясь в октябре 1910 г. в Ковно, Шахновский предлагал местному жандармскому полковнику Мрочкевичу выдать некоего Соловейчика за вознаграждение в 1 000 р. Департамент полиции нашел это требование «чрезмерным». По этому поводу заведы-

вающий заграничной агентурой доносил начальству, что по отзыву ротмистра Река, знающего лично Шахновского, «опасаться каких-либо нежелательных выступлений с его стороны, хотя бы шантажного свойства, вполне возможно и поэтому являлось бы более соответственным ни в какие дальнейшие сношения с ним не вступать».

III. КАНДИДАТЫ В СЕКРЕТНЫЕ СОТРУДНИКИ 1910—1912 гг.

Секретные сотрудники 1910—1912 гг.

Из числа секретных сотрудников Гартинга нужно назвать еще Гурари. Лев (Леон), Е. Гурари в письме своем из Ниццы от 3 (16) ноября 1902 г. к заведующему заграничной агентурой Департамента полиции Ратаеву предложил свои услуги. Он писал между прочим: «Я легко могу вступить в сношения с Верой Гурари, кузиной моей, сосланной ныне в Иркутск. Прикинувшись сочувствующим и жаждущим деятельности, я смогу добыть у нее указания, рекомендации. Я искренне убежденный противник революционной деятельности и приложу все умение и усилие обезвредить возможно большее число этих паразитов». Гурари был принят в число секретных сотрудников, но после был уволен.

В сентябре 1905 г. Гурари обратился к новому заведующему заграничной агентурой Гартингу с просьбой принять его на службу, ссылаясь на то, что «в виду его близкого знакомства с Прекером-Гнатовским он сможет в течение 2 месяцев дать весьма ценные сведения». Гартинг назначил ему 600 руб. в месяц жалованья и 1 000 фр. на наем подходящей квартиры». Однако вскоре Гурари был опять уволен. В июле 1910 г. Гурари снова просил принять его на службу, указывая на то, что в 1892—1895 гг., будучи в зубоврачебной школе Джемса Леви, в Варшаве, он «оказал много услуг генералу Броку» * Красильников отказался от услуг Гурари.

В 1910 г. Гурари имел в Ницце экспортную контору, затем держал в Париже зубоврачебный кабинет. В 1909 г. Гурари состоял зубным врачем при «Обществе критики французской прессы». Летом 1910 г. Гурари жил во Франции, в г. Дранси (департамент Сены). Итак, «искренне убежденный противник революции» оказался на практике платным и мало исправным секретным сотрудником охранки.

Кроме лиц, работавших в охранке, были лица, предлагавшие себя для этой работы. Гартингу пришлось заниматься подобными предложениями и иногда отвергать их. Таково было предложение Нейштадта в 1907 г. Могилевский мещанин Авигдор (Виктор) Мордухов Нейштадт в мае 1900 г. послал в Департамент полиции письмо с заявлением о намерении своем посягнуть на жизнь царя; допрошенный, он объяснил свой поступок желанием выйти из

* Нач. варшавского жандармского управления.

затруднительного положения. Сидя в Прилукской тюрьме, Нейштадт рассказал надзирателю о существовании тайного преступного общества; в показании по этому поводу он заявил, что «яркие краски в его рассказе составляют обычный плод его фантазии». За эти фантазии Нейштадт, после медицинского освидетельствования, признавшего его здоровым в физическом и психическом отношениях, был отдан под гласный надзор полиции.

В мае 1907 г. Нейштадт, живший в Базеле, обратился к министру Столыпину с письмом, свидетельствующим о полной его грамотности, в котором предложил свои услуги по борьбе с революционерами-террористами. В прошении своем он заявлял, что у него «разработан детальный план втесаться в их среду на правах испытанного товарища». По вопросу о вознаграждении писал: «меня это интересует ровно настолько, во сколько оцениваются жизненные потребности человека средней руки (без спиритуозов и игры)».

Себя Нейштадт рекомендовал: «вероисповедания официального иудейского, возраст 27 лет, образование — домашнее, политическое credo — умеренный прогрессист»... Письмо это было препровождено Департаментом полиции Гартингу. К сожалению, из дела архива не видно, получил ли «умеренный прогрессист» шпионскую работу у Гартинга.

Бурцевские разоблачения причиняли много беспокойства Гартингу и Красильникову. Они усиленно искали себе подходящих людей в антураже Бурцева. Искали и... находили, как мы увидим далее. Но были и такие, которые хотели помочь борьбе с Бурцевым. Так, Сергей Васильев Миртов, бывший студент Петербургского университета обратился к начальнику симбирского губернского жандармского управления, в письме 22 октября 1909 г. с предложением агентурных услуг, в частности, для разоблачения «бурцевских розысканий». Департамент полиции рекомендовал Миртова заграничной агентуре, но сношения с ним не наладились.

В трагические страницы предательства и подлости вносит элемент комизма некий российский американец Прыщепа. Крестьянин Минской губ., Слуцкого уезда, Царевской волости, дер. Сливы, Никита Федоров Прыщепа проживал в Соединенных Штатах Америки, в штате Пенсильвания.

1 февраля 1910 г. он обратился к министру внутренних дел с письменным сообщением «о коварных действиях революционного движения» и, в частности, о Бурцеве, который, находясь в городе Бутлер, читал «антихристскую проповедь большому скоплению». Прыщепа писал еще: «Имею большую охоту донести своему начальству, чтобы строго преследовать всех, кто только вступает в социалисты, я сам готов бы искоренить в один час этих безбожников». Свое заявление Прыщепа закончил просьбою «разрешить мне отсюда писать доносы». Адрес он указал. Департамент полиции сообщил копию донесения Прыщепы заведывающему заграничной агентурой, но последний ограничился принятием до-

носа к сведению. Прыщепа, конечно, очень бы удивился, если бы ему сказали, что его фамилия в России была, по Чехову, Пришибеев.

Из провокаторов 1910 г. назовем здесь Русинова, Преображенского и Каминчана. Михаил Аркадьев Русинов, он же Виктор Русин, родился в 1887 г. в Богородском. В революционной среде был известен под кличкой «Виктор Маленький». Русинов состоял секретным сотрудником заграничной агентуры в Париже, по группе с.-р., имел охранную кличку «Прево», жалованья 500 фр. в месяц. Жил в Париже под именем Теофиля Маркина, а потом, в качестве механика Иосифа Елкина. В 1909 г. роль Русинова была случайно разоблачена: письмо охранника к нему с приглашением на свидание попало в руки революционеров. Тогда же он был опубликован как провокатор. Охранка дала ему пособие в 400 фр. 26 мая 1910 г. Русинов застрелился.

Михаил Николаев Преображенский, родился 8 октября 1887 г. в с. Землянке, Екатеринославской губ., привлекался в 1907 г. в Севастополе и Петербурге по делу о с.-д. организации; перед призывом на военную службу скрылся за границу; состоял студентом техникума в Митвайде *.

Преображенский вошел в сношения с заведывающим заграничной агентурой Красильниковым во время пребывания последнего в Германии в 1910 г. и был принят в число секретных сотрудников под кличкой «Баум». Доставлял сведения о членах партийной группы своих товарищей по школе (Лейба Коган, Финкельштейн и др.). 8 марта 1911 г. был арестован на границе Италии за ношение огнестрельного оружия. В сентябре того же 1911 г. Красильников донес, что Преображенский, в виду выяснившейся полной его непригодности к работе, из состава сотрудников заграничной агентуры исключен.

Гавриил Степанов Каминчан, мещанин г. Кишинева, состоял секретным сотрудником пермского губернского жандармского управления под кличкой «Инженер», обслуживал партию с.-р. Был командирован полковником Комиссаровым в сентябре 1910 г. в Швейцарию «в целях получения надлежащих связей на Урале». В январе 1911 г. Каминчан был отозван в Россию, так как, по выражению Департамента полиции, «судебным трибуналом ему предъявлено обвинение в сношениях, в бытность его в средине 1909 г. в Чите, с ротмистром Стахурским, каковое обстоятельство, действительно, имело место».

Весьма старый охранник, книгоиздатель Александр Яковлев Еваленко состоял секретным сотрудником заграничной агентуры Департамента полиции под всевдонимом «Сурин» и «Сергеев», проживал в Нью-Йорке. Еваленко был осведомителем охранки еще в 1885 г., когда доставлял свои сведения о Рубановиче, Г. Федерпере и др. начальнику киевского губернского жандармского

* Саксония.

управления. По указаниям Л. П. Меньщикова в 1910 г. было возбуждено дело против Еваленко, и комитет из представителей социалистических организаций в Нью-Йорке пришел к заключению, что сведения в представленных комитету документах относятся к Еваленко, и вынес резолюцию (8 сентября 1910 г.), что последний был «тайным агентом Департамента полиции», о чем было тогда же объявлено в местных газетах.

В марте 1910 г. Департамент полиции производил расследование о пропаже дела 3 делопроизводства за № 3, заключавшего в себе сведения о сотруднике Александре Еваленко, он же Сурин и Сергеев. По этому поводу бывший журналист Департамента полиции Молчанов доложил, что в конце 1900 г. при приезде в Петербург сотрудника Сурина до поездки его в Болгарию к Дебагорию-Мокриевичу и при ведении с ним объяснений старшим помощником делопроизводителя Зубовским, а затем впоследствии, кажется, в 1904 г. в момент выяснения роли Сурина, все агентурные дела, касавшиеся его, подбирались для составления справки. К этому Молчанов прибавил, что его 18-летняя служба, «казалось, исключает возможность предложения, что это дело было мною утаено или использовано в преступных целях» *. Еваленко пытался возбудить в Нью-Йорке дело против Бурцева, обвиняя его в клевете, о чем с торжеством сообщало «Новое Время». Еваленко предъявил гражданский иск на 100 тыс. долларов. Однако, когда процесс начался, Еваленко взял прошение обратно, и процесс был прекращен.

Из провокаторов 1911 г. можно назвать Якова Дементьевича Гончарова, который состоял секретным сотрудником одесского губернского жандармского управления по анархистам, под кличкой «Иваненко». В мае 1911 г. был командирован в Лемберг и во Францию, сроком на шесть месяцев, на что было ассигновано 1 200 руб. Цель поездки была: приобрести за границей серьезные связи среди русских эмигрантов-революционеров, а также проверить слухи о намерении боевиков воспользоваться аэропланами для совершения в России террористических актов первостепенной важности. По прибытии в Париж. Гончаров должен был сообщить о том заведующему заграничной агентурой письмом за подписью «Грансарт», по адресу: ул. Гренель. 79 (дом посольства), г-ну Ридлеру.

В 1911 г. был заподозрен Михаил Борисов Тумаринсон, зубной врач, состоявший секретным сотрудником заграничной агентуры под псевдонимом «Механик» и «Максаков». В мае 1909 г. он доставил сведения о парижских группах анархистов-коммунистов, о «Буревестнике» и т. д. По официальному отзыву личность Тумаринсона «представляется весьма сомнительной; за ним числилась серия дел по кражам у разных лиц и в различных городах денег, платья, белья и даже жен (!), а также несколько исков из Же-

* Сб. «Минувшее», Париж, 1914, ч. I, стр. 210—246.

невы, Цюриха, Лондона, Чикаго и Парижа». В парижской колонии о нем были чрезвычайно нелестного мнения. В конце концов, Тумаринсона заподозрили в политической неблагонадежности, и он уехал в Россию. По свидетельству Департамента полиции в июле 1911 г. Тумаринсон намерен был «не возвращаться за границу, а работать в России. Провал же свой он категорически отрицает».

Провокатор Илья Васильев Чирьев, сын статского советника, родился в 1885 г. 3 декабря 1906 г. был арестован в Москве, под фамилией Узнадзе, по делу Гулина (был обнаружен склад бомб и оружия). В апреле 1907 г. скрылся. 10 декабря 1909 г. арестован в Москве под фамилией Васильева. Находясь под стражей, Чирьев ходатайствовал о замене ссылки в Сибирь выездом за границу, что «по пересмотре обстоятельств дела» и было ему разрешено. 22 февраля 1910 г. Чирьев был освобожден из-под стражи и 8 марта выехал за границу. Об этом Департамент полиции сообщил заведывающему заграничной агентурой на случай, если он найдет нужным войти в сношения с Чирьевым «в целях приобретения его в качестве сотрудника». Красильников по этому поводу сообщил, что сношения с Чирьевым установлены и что ему выдана субсидия в 200 фр. (июнь 1910 г.). В мае 1910 г. помощник Красильникова Эргардт писал ему, что «вопрос о поездке «Кати» разрешен здесь в отрицательном смысле. Он пока в Россию не поедет. Адрес его следующий: Рим, Виа Джерманика, 85, синьора А. Филипченко, для К.

Охранка не была довольна новым агентом. В марте 1911 г. Красильников донес, что состоящий секретным сотрудником заграничной агентуры по группе максималистов «Катя» (псевдоним Чирьева) «проявил полную бездеятельность и неосведомленность в революционных кругах, а также и не вполне порядочное отношение к делу, приходя по большей части лишь только за деньгами, причем однажды заявил, что если он даст то, что имеет, то боится себя продешёвить, так как эти сведения стоят дороже тех 250 фр., которые он получает в месяц». В виду такого поведения Чирьев из числа сотрудников был исключен.

На это Департамент полиции указал заведующему агентурой, что «Катя» занимал, безусловно, серьезное положение в партии с.-р., и что таких секретных сотрудников надо стараться удерживать в своем распоряжении всеми силами, а не отказываться отнюдь от их сведений и значительности уплачиваемого им содержания, так как сотрудники, подобные «Кате», иной раз в течение целого года бывают не в состоянии доставлять какие-либо сведения, но затем в один день могут дать столь ценные указания, которые не сравняются по своему значению со сведениями, данными заурядными сотрудниками. Получив это письмо, Красильников, тем не менее остался относительно Чирьева при особом мнении, сообщив в ответ, что «Катя» «производит впечатление человека, незаслуживающего доверия, крайне легкомысленного,

проводящего время в различных притонах, не интересующегося делом и не только не пользующегося каким-либо влиянием в революционной среде, но совершенно не имеющего с ней связей». Возобновление сношений с подобным сотрудником Красильников признал нежелательным.

Находясь во Франции, Чирьев работал некоторое время в качестве зубного техника у одного дантиста в Бовэ. Опрошенный 20 июля 1917 г. в Париже, Чирьев признал свои сношения с охранкой, но заявил, что полезного дела для них он «не сделал ни черта».

В тот же 1911 г. был забракован Красильниковым еще один сотрудник, Вульф Залманов Анкерман, мещанин Варшавы. Анкерман, в революционной среде был известен под кличкою «Файвел-Токарь», был арестован в Варшаве по делу анархистов-коммунистов и вскоре же, в августе 1908 г., сделался секретным сотрудником варшавского охранного отделения, под кличкой «Белый».

В 1909 г. Анкерман поселился в Париже и вступил, под тем же псевдонимом, в число осведомителей заграничной агентуры. Доставлял сведения о еврейской группе анархистов в Париже, получая за это 150 фр. в месяц. В марте был уволен за бездеятельность.

К 1912 г. относятся сведения о доносчике Алексееве, о «неудачниках» Петрове, Лозанском, Альбауме и др.

Петербургский мещанин Алексей Ильин Алексеев служил, по его словам, бухгалтером в магазине Коровина на Садовой улице, в Петрограде, а в Париже — в английской фирме, экспортирующей токарные станки.

В 1912 г. заграничная агентура получила секретные сведения о предполагаемом на 14 октября взрыве посольской церкви в Париже. Охрана приняла это всерьез и назначила на это число к церкви целый наряд чинов русской и французской тайной полиции. Взрыв, однако, не состоялся, но утром этого дня к заведующему агентурой явился Алексеев и сообщил о другом сенсационном заговоре — о готовящемся покушении на жизнь царя. Ему дали «на первый раз» 20 фр., чтобы выведать планы злоумышленников, «угощать их в кофейнях». При следующем свидании Алексеев потребовал на расходы еще 300 фр., но Красильников ему отказал, догадавшись, как он доносил потом Департаменту полиции, что «или наивность Алексеева эксплоатируется компанией полу-хулиганов эмигрантов, или же он сам, прослышав о том, как Познанский сорвал с охранки деньги, задумал пойти по его следам». На этом дело и кончилось.

Познанский, на которого ссылался выше Красильников, был кратковременный осведомитель-хулиган. Лейба Амшеев Познанский, сын Крюковского Кременчугского уезда мещанина, родился в 1885 г. Он состоял секретным сотрудником заграничной агентуры под кличкой «Кодак», но недолго. «Не успел я прослужить трех недель, как вдруг известный Вам субъект, под названием Бурцев, открыл меня», — жаловался Познанский Департаменту

полиции в письме от 6 сентября 1912 г. Красильников, по поводу этой жалобы, писал начальству: «Как сотрудник, Познанский никакой пользы оказать не может, во-первых, как лицо, разоблаченное в сношениях с охранкой, и, во-вторых, как не принадлежащий ни к какой революционной партии. Общего с Бурцевым он ничего не имеет и проводит время в компании подобных ему хулиганов, в игре в карты и в посещении кабаков. Как раньше, так и теперь, желание его быть сотрудником имеет только одну цель — заполучить с агентуры деньги».

Тем не менее охранка попыталась использовать Познанского другим путем: он выступил свидетелем в судебном деле, которое возбудил против Бурцева другой разоблаченный сотрудник заграничной агентуры Е. Ю. Гольдендах («Дасс»). Биографию Гольдендаха мы изложим ниже, в окончательном списке разоблаченных провокаторов 1917 г. Познанский заявлял на суде, что Бурцев обвинял Гольдендаха в том, что он платный агент полиции, и вообще — многих обвиняет в этом. На вопрос, не он ли тот самый Познанский, которого Бурцев обвинил в том же, в чем и Гольдендаха, и от которого Бурцев получил признание в провокаторстве, Познанский сказал, что он — то самое лицо, но признания не давал. Между тем, в апреле 1912 г. в руках Бурцева было письмо (за подписью «Кодак») к заведывающему агентурой с просьбой о свидании, а в мае Познанский писал Бурцеву, что он «с ним (Красильниковым) больше не хочет иметь никаких дел, но хочет все-таки получить с Красильникова деньги в последний раз». Дело Гольдендаха слушалось 15 (28) марта 1913 г. Затем Познанский не без совета Красильникова и сам привлек Бурцева к суду, обвиняя его в диффамации. На это агентурой была дана Гольдендаху и Познанскому «нужная сумма».

Однако, не было уверенности в стойкости «Кодака» и, в виду возникших опасений, что Познанский может попасть в Париже под влияние Бурцева, «Кодак» был отослан в Россию, где он, как скрывшийся от воинской повинности, был отправлен в Тамбов в 28 пехотный Полоцкий полк. В июне того же года Познанский бежал с военной службы за границу и накануне разбора дела с Бурцевым явился к своему адвокату Гюро, причем держал он себя вызывающе, требуя денег, почему во избежание шантажа или скандала дело было решено прекратить. Спустя месяц, вместо суда Познанский пошел к Бурцеву и в присутствии двух адвокатов дал откровенные показания. В 1915 г. Познанский жил в каком-то французском провинциальном городе.

Кроме Познанского, таким же «талантливым» оказался и Петров. Александр Иванов Петров, дворянин, уроженец Кронштадта, родился в 1879 г., учился в Военно-медицинской академии, принадлежал, по его словам, с 1900 г. к РСДРП. В революционной среде был известен под именем «Олег». Петров состоял с октября 1912 г. сотрудником заграничной агентуры под псевдонимом «Мигло». Жил в Париже под фамилией Артемьева. При проверке

сведений, доставленных Петровым, они не подтвердились. Получивши из охранки 300 фр. и захватив еще 200 фр. у своей близкой знакомой, Петров 10 ноября 1912 г. скрылся.

Литовец Петр Пиленас как охранник был завербован Красильниковым. Он состоял секретным сотрудником заграничной агентуры под кличкой «Руссель». Получал 600 фр. в месяц, доставлял общие сведения о русских эмигрантах, живущих в Англии, но так как донесения его были основаны больше на сообщениях газет, то содержание ему было уменьшено. Обиженный «Руссель» сначала отказался от дальнейших сношений, но затем написал извинительное письмо, в котором сообщал о своем отъезде в Америку и предлагал свои услуги по освещению революционного движения в Америке, соглашаясь получать 400 фр. в месяц. «Руссель» был вновь принят и давал кое-какие сведения. Спустя полтора года, в августе 1916 г., сношения с ним были прекращены.

Провокатором с.-д. был Матвей Иванович Бряндинский, носивший бесконечное число охранных псевдонимов в России. Он их менял, видимо, стараясь законспирировать себя. Уроженец г. Казани, из потомственных почетных граждан, бывший учитель, он состоял секретным сотрудником московского охранного отделения под кличками «Вяткин», «Крапоткин» и др. Обслуживал, по словам жандармского полковника Заварзина «верхи с.-д. рабочей партии». Получал 150 руб. в месяц. В июне 1912 г. был передан в ведение заграничной агентуры *. Письмо в охранку подписывал «Дюперрье». Жалования платили ему 400 фр. в месяц. В марте 1913 г. Бряндинский уехал в Россию с тем, чтобы явиться к судебному следователю в Ярославль по обвинению в поступлении в высшее учебное заведение по чужим документам.

Наконец, к 1912 г. относится секретный сотрудник Ла-Котта. О нем помощник Красильникова, жандармский подполковник Люстих показал на допросе: «Первый сотрудник, которого я получил по приезде в Париж в августе 1912 г., назывался La Cotta, проживал в Германии в г. Каттовицы. Я его совершенно не знал лично, только переписывался. Клички его я не могу вспомнить, но ее можно восстановить по отчетам за 1912 г. Освещал польские организации. В письмах предлагал заниматься военным шпионажем против Германии. Вскоре затем, в конце или начале 1913 г., провалился, благодаря, как я думаю, перлюстрации его писем германскими властями.

IV. ПОПЫТКИ ИЗЛОВИТЬ КОРРЕСПОНДЕНТОВ БУРЦЕВА

Разоблачения 1912—1913 гг.

Провокаторы трепетали перед Бурцевым. Сведения Бурцева основывались на нескольких источниках: на добытых Бурцевым документах, на сообщениях изменивших охранке: М. О. Бакая,

* В Париже.

Я. П. Меньщикова и агентов-французов (Леруа, Леона и др.) и, наконец, еще одного молодого человека из кругов парижского консульства, о котором рассказывает в воспоминаниях сам Бурцев. Бакай и Меньщиков склонны были переоценивать значение сообщенных Бурцеву фактических данных.

Но только тот, перед кем вдруг открылись сокровеннейшие тайны русской политической полиции, кто мог узнать все и сразу, только тот может оценить всю настойчивость, остроумие, талант, почти фанатизм, с которым Бурцев умел из самых ничтожных намеков, мельчайших деталей добыть данные, которые превращались в грозные и неопровержимые улики для провокаторов. Живя сам в тяжелой нужде, Бурцев тратил все свои заработанные журнальными статьями деньги и все пожертвования, стекавшиеся к нему, на дело борьбы с провокацией. Он не останавливался и тогда, когда ему грозила смерть.

Красильников и его агенты не спускали с него глаз. В письме к директору Департамента полиции о приезде в феврале 1910 г. в Париж нового помощника по заведыванию секретными сотрудниками, Красильников, упоминая и о Бурцеве, писал: «ротмистр Эргардт вошел в сношения с парижскими друзьями, за исключением одного, которого принял я». Друзьями Красильников называет секретных сотрудников. «Передача друзей, — продолжает Красильников, — совершилась вполне благополучно и без всякого личного посредства ротмистра Долгова. Что же касается до иногородних, то я имею в виду вызвать для личного свидания только некоторых из них, с менее же интересными ротмистр Эргардт вступит в сношения письменно». Красильников добавлял, что «во всех имевших место собеседованиях всеми, без исключения, высказывалось не только опасение, но даже убеждение, что у Бурцева имеются в Департаменте полиции верные друзья, сообщающие ему все, что им удается узнать интересного».

Предположение и даже убеждение провокаторов было сущим вздором. Бурцев никого не имел в Департаменте, однако, всем говорил об этом. Так, в январе 1913 г. Красильников узнал от секретного сотрудника, «освещавшего» Бурцева, что тот, якобы, получил из Департамента полиции сообщение, и донес об этом Особому отделу полиции. В ответ на это заведующий Особым отделом просил Красильникова «добыть, если предоставится возможным, фотографический снимок почерка лица, сделавшего сообщение Бурцеву». На случай же, если удастся достать фотографию письма, или же письмо писано измененным почерком или на машинке, Еремин (заведующий Особым отделом) придумал целый план проверки лиц, заподозренных им в выдаче тайн Департамента полиции.

С этой целью Еремин предлагал Красильникову «от имени Бурцева прислать в Петербург, по указанным адресам, письмо с предложением доставить известные адресату и возможные для последнего сведения с обещанием оплатить их крупной суммой.

причем редакцию каждого из писем видоизменить, указав для каждого ответа по возможности другой адрес до востребования, но так, чтобы высланный из Петербурга ответ был доставлен вам, а не Бурцеву». Мы не будем перечислять в какие сроки должны были посылаться письма, и какими условными телеграммами должен был Красильников уведомлять Еремина о высылке каждого письма.

Заподозрены были в выдаче тайн Бурцеву следующие лица в Петербурге:

1. Васильев, И. С. — Большая Охта. М. Прохоровская ул., дом 15, кв. 10.

2. Васильев, М. Д. — Крестовский Остров, Вязовская ул., дом 15/12, кв. 4.

3. Ширков, К. К. — Ивановская ул., д. 24, кв. 10.

4. Семенихин, С. Г. — Сергиевская ул., д. 31, кв 42 и

5. Преображенский, Д. М. — Петербургская сторона, Б. Дворянская ул., д. 28, кв. 12.

Через 11 дней Еремин дополнял, что надо «в следующих письмах не указывать на бывшее будто бы сношение Бурцева с адресатами, а предлагать последним доставлять за определенную и значительную сумму интересующие автора, т. е. Бурцева, сведения, которые могут быть извлечены из дела Департамента полиции». «Кроме того, — писал Еремин, — если с течением времени представится необходимость во временном прекращении высылки вами писем от имени Бурцева впредь до особого распоряжения, то вам будет выслана мною условная телеграмма за обыкновенной подписью «Орлов» следующего содержания: «Препятствий к выезду Женеву нет».

Из заподозренных откликнулся Васильев с Крестовского Острова (на адрес «Шарля Дермонта»): «получил Ваше письмо, подпись которого мне совершенно незнакома... Такое редкое совпадение моих имени, отчества, фамилии и места жительства, на которое я недавно лишь переехал, не что иное, как недоразумение. Письмо Ваше для меня загадочное. О каком обещании с моей стороны Вы упоминаете? Да и вообще, если Вам угодно со мной разговаривать, я просил бы подписать фамилию ясно и полностью».

Пока дошло это письмо в Париж, Еремин взволновался, ибо № 1 получил и представил ему загадочное письмо от. якобы. Бурцева, а № 2 не представил, «в виду чего возникает предположение, что он намерен послать ответ по указанному Вами в том письме адресу». Прием, употребленный Ереминым, не удался.

Летом 1913 г. кто-то донес Департаменту полиции, что некая Нина Петровна Козьмина предпринимает с некоторыми товарищами, при участии «известного эмигранта В. Л. Бурцева», экскурсию на Кавказ. «Это сведение лишено всякого основания», — писал Красильников, — по ходу своей деятельности вообще, а в настоящее время в особенности, Бурцев далек от каких бы то

ни было экскурсий. В данное время вся его деятельность сводится к приисканию средств к существованию и к поддержанию находящихся на его иждивении Леруа и Леона. Поездка его на юг Франции и в Италию, где он надеялся добыть нужные ему деньги, не увенчалась успехом. Он получил только обещание, что деньги ему будут даны в конце августа или начале сентября. Если же он обещанного не получит, то, не имея возможности без денег продолжать свою разоблачительную деятельность, он, по его словам, уедет в Россию, так как без денег ему за границей делать нечего». Не знаю, достал ли Бурцев денег, но осенью того же года он нанес охранке тяжкие удары.

Из числа лиц, пытавшихся связаться с охранкой, в 1912 г. можно отметить Макаревича и Ерофеева. Захарий Викентьевич Макаревич, крестьянин Ошмянского уезда, Полянской волости, д. Мокрицы, приказчик по заготовке леса, родился в 1883 г. Был выслан по делу с.-д. пропаганды в Вологодскую губ., где сделался секретным сотрудником местного губернского жандармского управления (с 27 июля 1910 г.) под кличкою «Волков», с платой по 26 руб. в месяц. Макаревич донес, что покушение на жизнь тюремного инспектора Ефимова сделала Зина Славницкая. В ноябре 1911 г. Макаревич скрылся за границу, в Лондон, откуда снова вступил в сношения с охранкой, предлагая ей свои услуги; последние, однако, не были приняты в виду того, что Макаревич, по официальному отзыву, «особого положения в РСДРП не занимал, и деятельность его сводилась к распространению нелегальной литературы; как сотрудник давал сведения по партии с.-р., получавшиеся, видимо, из плохо осведомленного источника».

Карьера Ерофеева была кратковременна. Шлиссельбургский мещанин, Леонид Михайлов Ерофеев, 12 июня 1912 г. явился к заведывающему заграничной агентурой и, не называя себя, предложил выдать Бориса Савинкова, едущего будто бы с другими лицами в Россию для совершения террористических актов; при этом, за выдачу первого он просил вознаграждения в 1 000 руб., а за остальные «сверх того, сколько будет признано возможным». Ерофеев был принят на этих условиях в секретные сотрудники, под кличкою «Фальстаф». Вскоре, однако, действительная фамилия нового агента выяснилась, и Департамент полиции дал о нем такой отзыв: «Ерофеев является человеком крайне преступного направления и порочной нравственности, который в бытность свою за границей, в период времени 1908—1912 гг., присваивал себе разные имена, располагая для сего подложными документами, совершал под этими именами кражи, вымогал у консулов и частных лиц деньги, хранил с преступными целями взрывчатые вещества и поддерживал сношения с революционными организациями». В конце концов, за свои проделки Ерофеев был выслан административно в Нарымский край, откуда в марте 1913 г. скрылся.

Немногим дольше работал Калман Хаимов Альбаум (Эльбаум),

который до начала 1912 г. состоял за 75 руб. в месяц секретным сотрудником белостокского охранного отделения. Он был сыном частного поверенного. Его революционная кличка была «Карл». В январе 1912 г. Департамент полиции запросил Красильникова о желательности передачи в заграничную агентуру Альбаума, который предлагал свои услуги в деле политического розыска в Лондоне по группе анархистов. О своем прибытии в Англию он должен был уведомить Красильникова письмом за подписью «Корпюлент». 2 марта Альбаум выехал в Лондон, а 10 июня состоялось его первое свидание с представителем агентуры. Однако, в январе 1913 г. Красильников уже доносил Департаменту полиции, на основании сведений, доставленных секретным сотрудником Дорожко, что Альбаума товарищи подозревают в сношениях с полицией, причем у анархистки Каменецкой имелись прямые указания, что «Эльбаум получил деньги на проезд в Лондон от начальника белостокского охранного отделения».

Не наладились, как следует, сношения и с Козловым. Яков Тимофеев Козлов, крестьянин д. Воронск, Крупецкой волости, Путивльского уезда, Курской губ., бежал с военной службы, украв у командира батареи, в которой служил, 200 руб., был арестован под фамилией Грачевского при типографии с.-р., обнаруженной в Глухове в 1907 г. Бежал из тюрьмы и снова был задержан 20 июля 1910 г. в Белебее, где он жил под именем Антона Марченко; был присужден к ссылке на поселение; в марте 1912 г. скрылся из д. Ян на Чуне.

16 июля того же года Департамент полиции уведомил Красильникова, что в мае в Женеву выбыл секретный сотрудник енисейского губернского жандармского управления по партии с.-р. под кличкой «Уярский» — Яков Тимофеев Козлов. По предложению того же Департамента полиции в сентябре 1912 г. за Козловым, жившим уже в Париже, было установлено наблюдение с целью выяснить, может ли он приносить пользу делу политического розыска. В то же самое время Козлов прислал из-за границы в Красноярск жандармскому ротмистру Беликову, который его завербовал, сообщение о том, что «подготовляется цареубийство и что он на-днях виделся с Лазаревым и Фигнер, они скоро собираются в Россию, а относительно других лиц узнаю по прибытии в Париж, куда уже взял явки прямо в ЦК — Аргунову, Натансону и Ракитникову». В октябре Козлов жил в Париже под фамилией Васильева. Он требовал командирования в Париж Беликова, так как решил «никого другого до себя не допускать». В ноябре Департамент полиции поручил заграничной агентуре войти в сношения с Козловым. Чиновник Литвин, которому было поручено это, доложил, что Козлов с ним не пожелал иметь дела и что он произвел на него впечатление ненормального человека: «у него какая-то дрожь, щелкает зубами, а ноги и руки так и ходят во все стороны, все время испуганно озирается, как будто ожидая нападения». При свидании Литвина с «Уярским» 16 января 1913 г. пос-

ледний «опять был нервно настроен, держал себя вызывающе, резко». После этого Красильников сообщил Департаменту полиции, что рассчитывать на получение от «Уярского» в будущем полезных сведений данных не имеется и что лучше было бы из-за границы его отозвать.

В октябре 1914 г. Козлов, по сведениям Департамента полиции, жил в Швейцарии, в 1917 г. в Лионе и принимал участие в местном эмигрантском комитете.

Козлов — «Уярский» с перепугу уклонился от дальнейшей работы в охранке: почувствовал близость возможного разсблачения и расплаты. Зато другие (Молчановский, Нобель) тщетно стучались в охранные двери с предложением услуг. Петр Захаров Молчановский, бывший студент Харьковского ветеринарного института, в 1908 г. был выслан по делу харьковского кружка с.-р. в Архангельскую губ., но в том же году ему разрешено было выехать за границу. В 1910 г. он жил в Париже. В 1913 г. Молчановский обратился в Департамент полиции с предложением своих услуг.

«Журналист» Александр Александров Нобель, проживая в Париже, в ноябре 1912 г. обратился в Русское посольство с заявлением, что революционеры замышляют покушение при помощи аэропланов «на священную жизнь государя императора», при этом Нобель назвал ряд участников этого предприятия. С таким же доносом он обратился к министру Столыпину. Парижское бюро заграничной агентуры занялось обследованием полученных указаний, но скоро убедилось в полной его вздорности. 10 марта 1913 г. Департамент полиции предписал «дальнейшие сношения с журналистом Александром Нобель совершенно прекратить». По сведения того же Департамента в ревельской газете «Tallinna Teataja» в августе 1913 г. была помещена статья, предостерегавшая проживающих за границей относительно лица, выдающего себя за инженера «надворного советника Нобеля», который, находясь в Бельгии, сообщает русским властям за вознаграждение сведения об эмигрантах».

Серию разоблаченных в 1913 г. начал Глюкман. Рязанский мещанин Мовша Мордков Глюкман (он же Гликман, он же Дликман) родился в 1880 г., по профессии слесарь. В революционной среде был известен под кличкой «Мишель», «Михаил Саратовец», «Аполлон». Привлекался по политическому делу в Рязани. После был осужден на поселение по делу о Саратовском губернском комитете партии с.-р.

Состоя секретным сотрудником пермского охранного отделения под кличкой «Ангарцев» с ежемесячным жалованием в 250 руб., Глюкман в мае 1911 г. был командирован по распоряжению генерала Курлова в Париж. Первоначально доносил своему начальнику, полковнику Комиссарову. В августе того же года был принят в число секретных сотрудников заграничной агентуры под кличкой «Ballet». Заподозренный в сношениях с охранкой еще

во время пребывания своего в ссылке (был реабилитирован заявлением ЦК партии с.-р. в «Знамени Труда», № 33), Глюкман вызвал недоверчивое к себе отношение и у заграничных товарищей. Когда над ним назначили суд, Красильников отказался от его услуг.

По своей неосторожности провалился провокатор Дорожко. Федор Матвеев Дорожко, крестьянин Гродненской губ., Голынской волости, д. Слысина, кожевник, привлекался по делу об экспроприации в Фонарном переулке. Состоял секретным сотрудником загрничной агентуры под псевдонимом «Мольер» и «Жермон», на жаловании в 600 фр. в месяц. По официальному свидетельству «польза делу политического розыска этим лицом принесена несомненная, в особенности, в первые годы его сотрудничества с 1906 до 1910».

Дорожко доносил о деятелях парижской группы с.-р.-максималистов (Наталья Климова, Клара Зельцер, Липа Кац и др.). Роль Дорожко обнаружилась случайно: он писал письмо, прося об уплате жалованья; письмо это попало по недоразумению в руки присяжного поверенного Сталя и от него к Бурцеву. После этого Дорожко был опубликован 4 мая 1913 г. как провокатор.

В апреле 1913 г. Красильников сообщил Департаменту полиции, что в виду попыток Бурцева войти в сношения с Дорожко — «дальнейшее пребывание последнего в Париже сделалось крайне тяжелым, что и побудило его возбудить ходатайство о помиловании и разрешении ему возвратиться на родину».

По мнению Красильникова, Дорожко заслуживал высочайшей милости, «так как из бывшего максималиста стал самым убежденным и преданным монархистом». Однако, Департамент полиции ходатайство это отклонил. Дорожко вскоре после этого, по утверждению Красильникова, уехал в Северную Америку.

Сам Красильников уволил сотрудника Пиленаса и получил новых — в лице Кревиня и Гончарова. Литовец Казимир Пиленас (он же Виц) состоял сотрудником заграничной агентуры под кличкой «Валенрод» с декабря 1906 г. на жалованьи в 600 фр. в месяц. Жил в Лондоне, был раньше осведомителем «Скотланд Ярда». Доставлял пространные донесения о русских революционерах-эмигрантах, живущих в Англии. В феврале 1912 г. за бездеятельность жалованье ему было сбавлено до 400 фр. В сентябре 1913 г. Пиленас был уволен.

Вильгельм Янов Кревинь принадлежал к рижской группе анархистов-латышей. После покушения на жизнь мастера Брувеля скрылся за границу. В октябре 1913 г. Кревинь, находясь в Бельгии, предложил начальнику лифляндского губернского жандармского управления свои услуги и был принят агентом под кличкой «Старик». Потом Кревинь был передан в распоряжение заграничной агентуры. Некоторое время Кревинь жил в бельгийском городке La Louvière.

Находясь в Антверпене, Кревинь примкнул к местному кружку

анархистов (Лайцит и др.), о котором и стал доносить. Состоя в заграничной агентуре, Кревинь получал 250 фр. в месяц. Кличка его была «Марс». Особой деятельностью он не отличался. Подполковник Красильников показал о Кревине на допросе следующее: «Сотрудник «Марс», анархист, мальчишка лет 19, очень бойкий, о себе большого мнения, хвастался, что за ним в Риге остались большие дела. Все его сведения тщательно проверялись. Обиженный недостаточным, по его мнению, вниманием, скрылся. Впоследствии из Департамента полиции была получена фамилия «Рекшан» с американским адресом» *.

В том же 1913 г. был приобретен сотрудник Стефан Григорьев Гончаров, крестьянин Старобельского уезда, слободы Литвиновки, родился в 1888 г., бывший рядовой Кавказского железнодорожного батальона. Состоял токарем в механических мастерских на Рыковских копях. Был арестован по делу местного анархического кружка, бежал из-под стражи 20 ноября 1912 г. В январе следующего года поселился в Париже, с женой Гликерией, урожденной Ставинской.

8 августа 1913 г. Гончаров обратился с предложением своих агентурных услуг и был тогда же принят в число секретных сотрудников заграничной агентуры под псевдонимом «Рено», с жалованьем 100 фр. в месяц. Доносил о русских анархистах, проживавших в Париже: Кучинском («Апполон»), Константиновском («Давид»), Жабове («Осип») и др.

Деятельность Бурцева осенью 1913 г. принесла Красильникову большие заботы и огорчения. 23 ноября (6 декабря) 1913 г. Красильников доносил Белецкому: «по поступившим от агентуры сведениям Бурцевым разновременно были получены из Петербурга 2 письма, в которых неизвестным агентуре автором давались Бурцеву указания на лиц, которые имеют сношения с русской полицейской охранкой. В первом письме были даны указания на четырех лиц: Масса, Михневича («Карбо»), Кисина и Этера («Ниэль»). О первых трех из этих лиц Бурцевым уже заявлено Делегации **, Масс и Михневич разоблачены; о Кисине ведется расследование, а об Этере Бурцевым начато на этих днях расследование.

Во втором письме тот же автор продолжает давать указания Бурцеву и высказывает подозрения на следующих лиц:

1. Яков Глотов, с.-р., партийная кличка «Союзов», живет в Париже.

2. Михаил Константинович Николаев, с.-р., партийная кличка «Мадридов», живет в Париже.

3. Виктор Азволинский, с.-р., художник, живет в Париже.

4. Патрик, с.-р., выехал в Америку.

* Осенью 1915 г. Кревинь вернулся в Россию под именем Яна Дзениса.
** Заграничной делегации партии с.-р.

5. Житомирский, с.-д., большевик, партийная кличка «Отцов», живет в Париже.

6. Журавлев, Николай, проживает в Гренобле.

7. Сергей Малеев, уехавший в Америку.

8. Каган Элиа, партийная кличка «Николай», проживает в Париже, с.-р., бывший каторжанин («Serge»).

9. «Хмара» — девица легкого поведения, как сказано в письме. По наведенным Бурцевым справкам это оказалась сожительница с.-р. Григория Андреева.

10. Некий Жорон.

Помимо этого, автор письма ставит Бурцева в известность, что среди его агентуры имеется провокатор. В этом отношении Бурцев остановил свое подозрение на художнике Александре Зиновьеве («Сенатор», «Mattisset»), который у него продолжает бывать, хотя в последнее время довольно редко, и на Сергее Малееве, который был тоже близок к Бурцеву.

Я отклоняю от себя всякую ответственность за те догадки, которые делал Бурцев относительно лиц, перечисленных в этом рапорте Красильникова. Но должен сказать, что из 15 лиц, упомянутых здесь, Бурцев не ошибся относительно семи лиц. Красильников, называя Михневича, Этера, Патрика, Житомирского, Кагана и Зиновьева, прибавляет в скобках их сотруднические секретные псевдонимы, причем у Житомирского, Патрика и Зиновьева даны два псевдонима старый и новый, под которыми сотрудники были известны Департаменту полиции.

Из числа заведомых, разоблаченных Бурцевым провокаторов здесь названы Масс и Михневич. В записке Красильникова с 1913 г., которую мы приводим далее, упоминаются некоторые обстоятельства расконспирирования Масса. Охранная кличка его была «Николь», как подтверждает в своем показании Красильников. Георгий Михневич, он же Якобсон и Жаксбсон, охранная кличка «Корбо», он же «Воронов». По показаниям подполковника Люстих, «Воронов» освещал с.-р. организацию, провалился ранней весной в марте или апреле 1914 г. и уехал в Бразилию *.

В 1917 г. под кличкой «Серж» работал в охранке, действительно, Элиа Аронов Каган, из Севастополя, с.-р. Патрик и Этер работали и в 1916—1917 гг., когда они были окончательно разоблачены.

Нет никаких данных, подтверждающих подозрения Бурцева о «Хмаре», Жороне, Малееве, Журавлеве, Кисине, Николаеве. Что касается Глотова, то в эмигрантских кругах ходили слухи, что Глотов был отправлен за границу Департаментом полиции, а для прикрытия его роли, якобы, пропустили и Степана Николаевича Слетова, выехавшего с Глотовым за границу.

При следствии, произведенном в Париже, никаких данных,

* Михневич — «Воронов» с 1908 г. по 1911 г. состоял секретным сотрудником саратовского губ. жандармского управления.

подтверждающих обвинения против Глотова не найдено. Полковник Люстих показал: «О Кисине я слышал от Эргардта — на этот след навел Бурцева Эргардт нарочно: Кисин никогда сотрудником не был». Красильников же на допросе 9—22 июня 1917 г. показал: «Утверждаю, что Кисин сотрудником заграничной агентуры не был. Не был также сотрудником и Рогдаев-Музиль, равно как и Глотов». К этому необходимо добавить, что и об Азволинском никаких порочащих его сведений нет.

Для паники, внушенной Бурцевым охранке, и для попыток вскрыть источники его осведомленности характерна записка Красильникова об итогах 1913 г. с точки зрения охранки. «1913 г. в жизни заграничной агентуры ознаменовался рядом провалов секретных сотрудников, являвшихся результатом не оплошности самих сотрудников или лиц, ведущих с ними сношения, а изменой лица или лиц, которым были доступны по их служебному положению дела и документы, относящиеся к личному составу агентуры вообще и заграничной, в особенности. Обращает на себя еще внимание то обстоятельство, что в начале года имели место только единичные случаи провалов, как например, разоблачение Глюкмана («Ballet») и Лисовского-Ципина, сотрудника с.-петербургского охранного отделения, покончившего жизнь самоубийством.

С осени провалы усилились и в настоящее время они приняли эпидемический характер.

Этот факт указывает на то, что лицу, дающему Бурцеву сведения о сотрудниках, стало в настоящее время доступнее черпать нужные ему сведения или, что оно само приблизилось к источнику этих сведений.

Так, в конце октября Бурцев подал заграничной делегации партии с.-р. официальное заявление, в котором обвинял члена партии с.-р. Масса в сношениях с полицией. Во время расследования этого дела Бурцевым было предъявлено членам следственной комиссии письмо, полученное им из Петербурга от своего корреспондента, в котором Масс назывался агентом Департамента полиции.

Относительно Масса Бурцевым еще в марте месяце текущего года было получено от того же лица сообщение, что в результате поездки Масса по России с целью ознакомления с положением революционного движения на местах, в Департаменте полиции был получен доклад, из чего можно вывести заключение, что Масс секретный сотрудник. В то время у Бурцева определенных данных, кроме этого сведения, не имелось, и он, только по получении второго письма, в котором Масс определенно назывался агентом Департамента полиции, выступил с официальным обвинением Масса.

Уличающее письмо было предъявлено Бурцевым Слетову, Биллигу и Натансону, причем последний подтвердил слова Бурцева, что источник, дающий сведения, заслуживает полного доверия.

В том же письме, кроме Масса, указывалось, как на сотрудников еще на Этер («Niel»), Воронова и Кисина.

Воронов по фамилии назван не был. Давались только указания на прошлую его революционную деятельность и на побег его из Сибири. По этим данным не трудно было установить личность того, к кому они относились.

Относительно Этера у Бурцева имелись уже и раньше указания, но, при расследовании, не подтвердились, и два раза Бурцев печатал в его оправдание статьи в различных номерах «Будущего», объясняя полученные им указания желанием очернить Этера, с целью отвлечь внимание от действительного сотрудника. Когда же обвинение Этера в сношениях с полицией Бурцев получил от своего петербургского корреспондента, дело приняло иной оборот, и он уже предъявил ему обвинение официально, и в настоящее время должен уже произойти суд.

Вскоре после получения означенного письма, Бурцев получил от своего корреспондента второе письмо, в котором указывали на отношение с Департаментом полиции не четырех лиц, а 10, из числа которых три являются, действительно, сотрудниками заграничной агентуры. Что же касается остальных, то мне неизвестно, состоят ли сотрудниками какого-либо имперского розыскного органа или же умышленно включены в список корреспондентом для собственной безопасности, но во всяком случае указывают на то, что лицо это в курсе заграничных партийных дел и ему знакомы эмигрантские круги по предъявляемым о них докладам.

Кроме лиц, перечисленных по фамилиям, Бурцеву были даны указания, что при нем тоже находится сотрудник, который, водит его за нос. Свои подозрения Бурцев остановил сперва на Зиновьеве («Matisset»), но так как последний в течение второй половины этого года несколько отдалился от Бурцева, то он, повидимому, заподозрил и «Bernard'а», которого под благовидным предлогом удалил не только от себя, но и из Парижа, чем конечно, причинил делу розыска существенный вред *.

9 декабря Бурцев опять получил из Петербурга письмо, в котором указывалось, что на предстоящий съезд анархистов-коммунистов прибудет некий «генерал от анархизма», который «задает тон движению и играет в нем большую роль», что его в Париже в настоящее время нет, но на съезд он прибудет.

Сопоставляя это указание с полученным им много ранее сообщением, что Николай Музиль-Рогдаев, будучи арестован в Луцке в 1907 г., был освобожден, будто бы, по распоряжению Департамента полиции, Бурцев пришел к выводу, что указываемым генералом от анархизма является Музиль. В справедливости этого вывода Бурцев еще более убедился после того, когда получил из того же источника сведения, что о бывшем в Париже, в апреле

* Упоминаемый здесь «Бернар» — Верецкий, о котором см. ниже.

1913 г. съезде анархистов («Вольная Община») в Департаменте полиции имеются сведения, а так как из генералов от анархизма на означенном съезде был Музиль, то и это сообщение приписано ему.

Получив письмо об анархистах, Бурцев не замедлил сообщить его содержание Оргиани и Гольдслит, добавив, что лицо, от которого исходит это письмо, служит в Департаменте полиции и находится в числе тех шести лиц, которые имеют доступ к секретным делам и которое будто бы близко стоит или стояло к генералу Герасимову. В самое последнее время Бурцев получил еще указания на сношения с Департаментом полиции члена партии с.-р. Патрика и некоего рабочего Сердюкова (возможно, — догадывался Красильников, — что речь идет о Серебрякове — «Munt») и еще на какое-то лицо, давно живущее в Париже.

В результате полученных Бурцевым в течение 1913 г. откуда-то сообщений, из числа сотрудников заграничной агентуры в течение последних трех месяцев были разоблачены: Масс и Воронов. Находятся в периоде официального расследования: Этер, которому обвинение уже предъявлено. В периоде негласного расследования и наблюдения находятся: Житомирский («Dandet»), Каган («Serge»), Зиновьев («Matisset»), «Bernard» и «Munt». Получены указания, но ни к каким действиям не приступлено: Патрик («Never»).

Таким образом, из числа 23 сотрудников заграничной агентуры выбыло окончательно двое и отошли от работы, находясь под следствием или подозрением, семь человек, т. е. 39,13% всего личного состава.

Вся же остальная агентура настолько терроризирована этими разоблачениями, в особенности тем, что они вызваны указаниями, получаемыми Бурцевым, по его словам и предъявляемых им в нужных случаях письмах, от лица хорошо осведомленного и в Департаменте полиции, что, опасаясь за свою собственную участь, почти совсем приостановили свою работу»...

Читая этот вопль Красильникова, нельзя не согласиться с ним, что картина получилась трагическая для охранки. Бурцев знал от своего парижского осведомителя, что на съезде анархистов будет из 20—30 членов не менее 3—4 провокаторов. Бурцев готов был заподозрить Музиля-Рогдаева, не имевшего никогда никакого отношения к охранке. Но он не подозревал, что в делегации, явившейся к нему от анархистов за объяснениями, почему он против съезда, был провокатор Выровой, член 1-й Государственной думы, а во второй делегации, пришедший за более подробными объяснениями, был не менее опасный провокатор Долин. В первом случае, из свойственной ему осторожности, а во втором случае, из темных слухов о прежних сношениях Долина с охранкой, Бурцев не открыл истинного источника, а сослался на фантастического корреспондента из Департамента полиции. Таким образом,

Бурцев направил Красильникова и Департамент на ложный путь *.

«В виду всего изложенного, — продолжал Красильников, — является существенным и крайне необходимым обнаружить лицо или лиц, осведомляющих Бурцева. Если это окажется недостижимым, то хотя бы изыскать меры, которые лишили бы его корреспондентов возможности впредь причинять вред делу розыска своей изменнической работой.

Для достижения этой цели, прежде всего, необходимо остановиться на вопросе: откуда может итти измена? Из Петербурга, т. е. из Департамента полиции, или заграничного бюро в Париже, или из обоих этих учреждений.

Что касается самого Бурцева, то он уверяет, что главный его корреспондент, от которого он получает сведения о сотрудниках, находится в Петербурге и близок к самым секретным делам, в подтверждение чего он предъявлял получаемые им от своего корреспондента письма. Натансону, как главе с.-р. партии и стоящему в глазах Бурцева выше всяких подозрений, он, вероятно, дал более определенные указания, относящиеся к своему корреспонденту, так как Натансон по поводу последнего говорил: «Источник из Петербурга нам очень дорог и очень тяжело достался; о нем знает очень ограниченный круг лиц и даже Аргунову ничего о нем неизвестно». Кроме того, как сказано выше, Бурцев о своем корреспонденте говорил, что он состоит на службе в Департаменте полиции и находится в числе тех 6 лиц, которые имеют доступ к секретным делам.

Сведение это, полученное от агентуры, находит себе подтверждение в донесении Жоливе, которому Бурцев говорил, что лицо, его осведомляющее, находится в числе 10 лиц, ведающих самыми секретными делами, причем Бурцев добавлял, что никогда не удастся установить, кто именно из этих 10 лиц находится с ними в сношениях.

Все эти заявления Бурцева можно было бы считать голословными, если бы не было тех писем, которые он предъявлял по делу Масса Натансону, Слетову и Биллиту; по делу анархистов — Оргиани и Марии Гольдсмит. Кроме этого, агентура лично видела и читала два письма, в коих сообщалось, в первом о четырех сотрудниках, во втором о десяти.

С другой стороны, такие сведения, как, например, о поездке Масса по России и представлении о результатах ее доклада, заграничным бюро даны быть не могли, так как об этой поездке ничего не было известно.

Совокупность этих данных дает основание заключить, что измена идет из С.-Петербурга.

Однако, Бурцев указывает и на наличность у него осведомителя в Париже и несколько раз возбуждал вопрос о необходимо-

* См. «Русское Слово», 1917, № 103 (9 мая) В. Бурцев, «Одна из многих жертв охранников».

сти этому местному корреспонденту уплачивать деньги. Вместе с тем, от агентуры много раз получались указания, что у Бурцева есть сношения с кем-то из служащих в «консульстве». Причем необходимо пояснить, что под словом «консульство» в эмигрантских кругах Парижа подразумевают все учреждения, помещающиеся в здании посольства, в том числе и заграничной агентуры.

В подтверждение этого агентура сообщила следующие факты: месяца два тому назад агентура была свидетельчицей разговора Бурцева по телефону с неизвестным агентуре лицом, которое Бурцев уговаривал притти к нему на квартиру, гарантируя полную безопасность; на полученный отказ, Бурцев назначил этому лицу в 8 ч. вечера свидание в кафе. Через некоторое время Бурцев тем же лицом, которое отказалось притти на свидание, был вызван к телефону. Во время этого же разговора означенное лицо благодарило Бурцева за присланные ему 500 фр. и письмо. По одним агентурным сведениям лицо это с Бурцевым не знакомо и поддерживает с ним сношения через какого-то литератора. После этого агентура узнала, что это лицо близко стоит к Сушкову *, причем эта фамилия была названа самой агентурой. Из другого агентурного источника были получены указания, что Бурцев заплатил кому-то из дающих ему в Париже сведения о деятельности заграничного бюро 500 фр...»

Далее Красильников в отпуске своего рапорта вычеркнул очень интересное место, живо рисующее жизнь охранки. В этом месте он писал: «Помимо агентурных указаний, имеются еще следующие данные, говорящие за возможность передачи сведений из парижского бюро, а именно:

1. Леруа сказал Жоливе **, что Департамент полиции извещен о намерении его написать свои мемуары о своей службе в заграничной агентуре, тогда как об этом Департаменту полиции доложено не было, хотя я получил об этом указание из местного французского источника, а, кроме того, сам Жоливе рассказывал Сушкову, когда последний, по моему поручению, ездил к нему в Сиви-Лаббей условиться о свидании со мною.

Когда Жоливе обратился ко мне с предложением своих услуг и просил ему ответить в Сини-Лаббей, где он тогда находился, я, не желая ему писать, послал к нему Сушкова условиться относительно свидания со мною. В разговоре с Сушковым, между прочим, Жоливе сообщил о полученном им предложении напечатать свои мемуары о службе в русской полиции. Сведения об этом имелись и у меня из местных источников, причем я их Департаменту полиции не докладывал, ввиду того, что вслед за этим мне было сообщено о том, что мемуары эти были признаны Альме-

* Сушков заведывал канцелярией бюро парижской охранки.

** Леруа — француз, агент Красильникова, перешедший к Бурцеву; Жоливе — агент Красильникова, освещавший Бурцева.

рейдой * неинтересными, почему и мысль о напечатании их была оставлена.

По прибытии в Париж, приблизительно через неделю, Жоливе, при свидании со мною рассказал, между прочим, что Леруа ему говорил, будто о напечатании им мемуаров было телеграфировано в Департамент полиции.

2. Когда мною было получено сведение о тяжкой болезни Леруа, заболевшего рожистым воспалением, то как-то, будучи в Бюро, я в присутствии Сушкова и Биттар-Монена, обратившись к последнему, сказал: «Вы знаете, Леруа серьезно заболел; у него рожистое воспаление, и опасаются заражения крови». При этом кто-то из нас, кто не помню, я-ли, или Биттар-Монен сказал: «S'il pouvait donc en crever» **. Кроме нас троих, в Бюро в это время в этой комнате никого не было. Из других комнат о том, что говорится в одной, ничего услыхать нельзя.

На первом же свидании с Жоливе, последний передал мне, что будучи у Леруа и высказывая ему сочувствие по поводу его болезни, сказал ему, что в таком виде его не узнали бы агенты из посольства, которые вероятно, не знают о его болезни. На это Леруа сказал, что им это отлично известно, что по этому поводу, говоря о нем, были даже сказаны следующие слова и тут же дословно повторил приведенную выше фразу.

Задаваясь теперь вопросом, кто может быть в сношениях с Бурцевым, приходится совершенно исключить служащих в самом консульстве, несмотря на указания агентуры, что корреспондент Бурцева является, будто бы, служащим в консульстве. Никто из служащих консульства в помещение заграничной агентуры, в отсутствие чинов последней, не входил. Если кто-нибудь из них изредка и заходит, то только по какому-либо служебному делу и обращается за справками ко мне или к кому-нибудь из чинов канцелярии. Доступа к делам и переписке эти лица, безусловно, не имеют. То же самое можно сказать и о чинах дипломатической канцелярии посольства. К делам заграничной агентуры имеют касательство, кроме меня, Сушков, Мельников и Бобров. Биттар-Монена приходится исключить, как лицо, незнакомое с русским языком».

Таковы были догадки Красильникова, и нужно сказать, он был в одно время недалеко от искомого, но затем решил, что в его агентуре нет и не может быть осведомителей, работавших для Бурцева. Осведомитель же существовал. Можно понять беспокойство Красильникова, если вспомнить, что осенью 1913 г. была расформирована заграничная агентура, создано совершенно отдельное от здания посольства и личной связи с Красильниковым (и его помощниками), якобы, «частное детективное бюро Бинта и Сам-

* Редактор журнала «Красная Книга».
** Французск.— Хоть бы он от этого подох.

бена», которые одни из Бюро имели связь с «шефом». И все же, одним ударом, Бурцев выбивал из строя почти 40 процентов секретных сотрудников.

V. ЗАГРАНИЧНАЯ АГЕНТУРА В МИРОВУЮ ВОЙНУ

Из числа сообщенных в предыдущей главе вскрытых Бурцевым провокаторов нельзя не назвать «Бернара», находившегося вблизи от Бурцева. Такие осведомители охотно выдавали себя за «секретаря Бурцева». Николай Николаевич Верецкий, бывший студент университета, состоял осведомителем петербургского охранного отделения под кличкою «Осипов». Проживая в Париже и скрывая свою принадлежность к охранке, он, в декабре 1912 г. предложил свои услуги заграничной агентуре. При этом он назвался сначала Андреем Ивановичем Ниловым, а потом Федором Ивановым Клячко. Был принят в число секретных сотрудников заграничной агентуры под кличкой «Bernard» на жалованье в 200 фр., которое через 2 месяца было повышено до 500 фр. Сведения Верецкого, по отзыву имевшего с ним сношения жандармского офицера Эргардта, были «правдивы и ценны». Обстоятельные доклады Верецкого касались, главным образом, с.-р. и деятельности Бурцева, у которого он, по официальному выражению, «занимал прочное положение», благодаря чему Верецкий был в курсе дел, которые возбуждались против разных лиц по обвинению в предательстве. В декабре 1913 г. выяснилось, что Верецкий был отозван в Россию.

27 января 1914 г. Красильников писал директору Департамента полиции С. П. Белецкому: «Где в настоящее время находится «Бернар», точно, указать я лишен возможности, так как «Бернар» в средних числах минувшего декабря был вынужден внезапно покинуть Париж, уведомив только письмом подполковника Эргардта, что он уезжает в Геную, но как долго он там пробудет, сам этого не знает; адрес для писем не указал, но обещал по приезде в Геную написать. С того времени о нем нет никаких известий, даже (!) содержания за январь он не получил. Образца почерка его не сохранилось, так как все его письма, как не имеющие значения, уничтожались, да если бы и были сохранены, то представления о его почерке они не дали бы никакого, так как он всегда писал печатными буквами».

Вспыхнувшая 1 августа 1914 г. война причинила заграничной агентуре ряд хлопот. Красильников и его помощники выезжали с посольством в Бордо, а архив был перенесен на частную квартиру на той же улице Гренель, где помещалось посольство в Париже. В этот момент можно было ожидать великой амнистии, или хотя бы разрешения прибыть на родину, чтобы сражаться за нее. Самодержавие осталось верным себе. Не было дано амнистии, не было дано разрешения умирать за родину. Полицейские счета

с эмигрантами стояли на первом плане. Извольский* сообщил Красильникову к сведению телеграмму из России, которая гласила: «Министр внутренних дел не находит возможным выдавать русским эмигрантам разрешения на возвращение в Россию для вступления в ряды войск. Эти эмигранты могут, однако, добровольно возвратиться в Россию, подвергаясь всем последствиям своих деяний, и уже в России просить о зачислении в армию» (1 сентября 1914 г.). Таким образом, перед эмигрантами стояла перспектива — подавать прошение о помиловании или же пройти через тюрьму, суд, ссылку и т. д. Судьба В. Л. Бурцева и Носаря-Хрусталева показала впоследствии, что ждало эмигрантов в России.

Между тем, призыв коснулся в начале 1915 г. всех русских, живших за границей, в том числе и «секретных сотрудников» Красильникова. Последний немедленно же телеграфировал директору Департамента полиции об отношении к воинской повинности своих сотрудников. «Из них, — сообщал Красильников, — «Додэ», «Матиссэ», «Серж» и «Дасс» на службе во французских войсках». Позже мы увидим, что они продолжали работать, числясь на французской службе. «Подлежат призыву, — продолжал Красильников, — «Лебук», «Гретхен» и «Орлик»; последний для этого едет в Россию, оставляя семью за границею. «Мартэн» имеет отсрочку по образованию до 1916 г., «Пьер» — отставной офицер, «Россини» и «Ней»—ратники ополчения второго разряда. «Ниэль» и «Сименс» — дезертиры. «Скосс» имеет льготу первого разряда по семейному положению. Остальные сотрудники подлежат наказанию по суду как бежавшие из ссылки. Отъезд или поступление во французские войска «Лебука», «Гретхена» и «Скосса», особенно, двух последних, крайне нежелательны, ибо прекратится освещение эсеровских националистических групп. Заменить их некем. Ходатайствую об освобождении их от призыва. Прошу телеграфного распоряжения».

На предложение зачислить сотрудников в нестроевые части Красильников телеграфировал: «Зачисление в нестроевые признанных медицинским осмотром годными в строй невыполнимо. Ходатайство о том, не имея данных на успех, несомненно сопряжено с риском провала. Русские, принятые в войска, отсылаются на фронт или в Марокко. С отъездом Скосса и Гретхена Париж останется без серьезной агентуры. Остальные находятся в других государствах, не могут быть переведены без ущерба делу. Прошу распоряжения».

Так как «Лебук» был в Швейцарии, «Россини» в Италии, «Ней», «Ниэль» и «Сименс» — в Англии, то вопрос шел лишь о «Скоссе» и «Гретхен». Поэтому генералу Аверьянову от имени министра внутренних дел было послано отношение, что «в числе лиц, обязанных в силу последовавшего распоряжения военного ведомства

* Русский посол в Париже.

прибыть из-за границы в Россию для отбытия воинской повинности — Кокоцинский и Деметрашвили». Это были сотрудники «Гретхен» и «Скосс». «Означенные лица, — писал министр внутренних дел, — в настоящее время состоят при исполнении возложенных на них министерством внутренних дел весьма важных поручений совершенно секретного характера и без ущерба для дела не могут явиться к исполнению воинской повинности из-за границы, где ныне находятся». Начальник мобилизационного отдела Главного управления генерального штаба удовлетворил ходатайство Департамента полиции за «Скосса» и «Гретхена». Секретные сотрудники «Орлик» и «Лебук» уехали в Россию для отбывания воинской повинности. 12 марта Красильников телеграфировал о них: «как сотрудники, оба преданы делу, заслуживают доверия, оба намерены продолжать сотрудничать, если позволят условия службы и получат на то соответствующие указания».

Таким образом, охранка преграждала путь эмигрантам в армию и одновременно, выгораживая одних своих сотрудников от военной службы, других — посылала в русскую и французскую армии для внутреннего освещения сослуживцев.

Из числа разоблаченных Бурцевым в 1913 г. сотрудников нужно отметить Житомирского, который в 1913 г. был вынужден, из-за возникших подозрений, отойти временно от работы, но был вскрыт окончательно лишь следствием в 1917 г.

Яков Абрамович Житомирский, врач (был волонтером на французском фронте), партийная кличка «Отцов», с.-р. (большевик), в 1907, 1911 гг. был близок к большевистскому центру, исполняя различные поручения последнего по части транспорта, заграничных сношений и т. п. Состоял секретным сотрудником русской политической полиции лет 15 под кличкой «André», а затем «Daudet». Получал до войны 2000 фр. в месяц. Освещал деятельность ЦК с.-д. партии, давая подробные отчеты о его пленарных заседаниях, о партийных конференциях, в организации которых принимал участие, о технических поручениях, дававшихся отдельным членам партии, в том числе и ему самому. Во время войны следил за революционной пропагандой в русском экспедиционном корпусе, к которому был прикомандирован, как врач. Отчислился в мае 1917 г., когда уже произошла революция, и угрожало расконспирирование.

Жандармский подполковник Люстих, последний ближайший начальник секретного сотрудника Житомирского, на допросе показал: «Сотрудник, известный мне, под кличкой «Додэ», есть, действительно, доктор Житомирский, получавший большое вознаграждение, потому что он старый сотрудник, находящийся на службе не менее 8 лет, вероятно, даже больше. Первоначально же оклады были выше теперешних. Он начал давать сведения, еще будучи студентом Берлинского университета. Последнее время состоит на военной службе, регулярного жалованья не получал; вре-

мя от времени ему выдавались различные суммы, от 700 до 2000 фр. Этим объясняются скачки в денежных отчетах». При следствии на вопрос, что побудило его, Житомирского, поступить секретным сотрудником охранного отделения, Житомирский отвечал, что никаких объяснений он дать не желает и самый вопрос считает излишним. Впрочем, уличаемый показаниями начальства, Житомирский не отрицал факта своей службы в полиции.

Доктор Житомирский, подобно Азефу, мещанин Ростова н/Д. заагентурен, повидимому, Гартингом в Берлине, в 1902 г. *. Почти несомненно, что донесения Гартинга из Парижа в 1903 г. о донском комитете РСДРП основаны на сообщениях Житомирского. Ему же принадлежат подробные отчеты о социал-демократических съездах, так например, о брюссельском съезде с.-д. 1903 г., изложенные в донесении Гартинга от 4 января 1904 г. и о последующих. Он же, очевидно, был тем сотрудником, который пытался устроить съезд с.-д. в Копенгагене, а не в Лондоне, ибо наружное наблюдение в Копенгагене было легко осуществимо (1907 г.). Съезд, однако, состоялся в Лондоне. При этом Житомирский доносил и на самого себя. Так, в списке 36 кандидатов в члены «Лиги с.-д.» со стороны ленинцев (в 1903 г.) имеется имя и Якова Житомирского. Это делалось на случай, если бы документ попал в руки революционеров **.

Очень своеобразным провокатором-авантюристом был фон-Стааль. Алексей Георгиев Стааль родился в 1881 г., учился в Киевском и Ярославском кадетских корпусах; состоял вольнослушателем в Киевском политехническом институте. В июне 1912 г. предложил свои услуги начальнику одесского жандармского управления для освещения инициативной группы черноморских моряков. Его приняли в число секретных сотрудников под кличкой «Зверев» и назначили содержание 100 руб. в месяц. В октябре того же года Стааль был передан заведующему агентурой в Константинополе. Прекратив сообщение сведений по союзу черноморских моряков, «Зверев» стал освещать пан-исламистское движение, перешел в магометанство и поступил в турецкую армию летчиком. Затем он переехал в Александрию, прекратил сношения с охранкой, но в мае 1913 г., находясь в Марселе, потребовал вознаграждения в 300 руб., которые ему, однако, уплачены не были.

При производстве дознания в Одессе было установлено, что Стааль, состоя сотрудником, передал обвиняемому лицу преступную литературу на пароход «Иерусалим», которая была обнаружена при таможенном осмотре в Одессе. Стааль за это был привлечен в качестве обвиняемого, но за неимением достаточных данных дело было направлено к прекращению.

В феврале 1914 г. Стааль находился в Париже. Посылая его,

* Гартинг с 1902 по 1905 г. заведывал берлинским отделением заграничной агентуры.

** Берлинские доклады Гартинга напечатаны Меньщиковым в сборнике «Минувшее». Париж, 1914, вып. I, стр. 158, 166 и сл.

как секретного сотрудника, Департамент полиции предупредил Красильникова, что «Зверев» производит впечатление человека опасного: «в партийных кругах не считается лицом, заслуживающим доверия, благодаря разгульному образу жизни».

Во время деятельности комиссии Раппа в Париже Стааль, не зная, что комиссией найдено отношение Департамента полиции, прямо уличающее его в секретном сотрудничестве, обратился к Раппу 27 (14) июня 1917 г. с заявлением, где он писал: «по дошедшим до меня слухам от Михаила Бростена и м-м Крестовской я узнал, что в ваших руках находятся документы, приписываемые мне и адресованные в бывшее русское охранное отделение». Стааль просил предъявить ему таковые «для обозрения, так как документы такого рода и назначения никогда мною не выдавались и, вообще, в охранном отделении от меня быть не могут».

Допрошенный того же числа Стааль показал, между прочим, что он уроженец Херсона, в политтехникуме был вольнослушателем, в Кисловодске в 1910—1912 гг. работал в качестве архитектора. Сидел в доме предварительного заключения в Петербурге в 1907—1910 гг., освобожден без предъявления обвинения. В 1912 г. жил в Константинополе и служил в турецкой армии летчиком и принимал активное участие в боях, имея чин полковника. С 1913 г. живет во Франции. «Службу в одесском охранном отделении отрицаю. С моряками Черноморского флота соприкасался и был знаком с Адамовичем. Уехал из России с паспортом, выданным одесским градоначальником в апреле—мае 1912 г. Живя в Константинополе, перешел в мусульманство. В политической жизни Турции участия не принимал. Из Турции уехал в Триполи с турецкой военной миссией, куда проехал через Александрию, здесь и был арестован английскими властями по требованию итальянского консульства. Из Александрии был отправлен в Лондон, но по дороге остался в Париже, где живу до сих пор. В Александрии имел сношения с английским полковником Алеком Гордон, помощником начальника александрийской полиции, который меня держал под домашним арестом и своим личным наблюдением. Письмо от 26 сентября 1914 г., предъявленное мне, писано было мною с целью получить свидание с представителем министерства внутренних дел для перевода моего из иностранного легиона в русскую армию. Имел свидание с полковником Ознобишиным, который меня направил к Красильникову, но этот последний мне свидание не дал, несмотря на неоднократные мои письменные заявления. В заявлениях я, сообщая о всей моей прошлой деятельности, так же, как и о переходе в мусульманство, спрашивал, насколько мне возможен возврат в Россию без риска быть арестованным. Эти заявления были адресованы непосредственно в консульство для передачи представителю министерства внутренних дел. Пароход «Иерусалим» на Черном море мне известен, и я имел с ним сношения, так как командир этого парохода, капитан Долгарев, является моим родственником».

Турецкий полковник Стааль показался во время войны подозрительным для сотрудничества даже Красильникову, несмотря на рекомендацию Департамента полиции.

Из числа лиц, предлагавших свои услуги, можно отметить некоего «Клосса», Землянского и «Брута». Относительно первого подполковник Люстих на допросе сообщил: «В январе 1916 г. лицо, скрывшееся под псевдонимом «Клосс», уверявшее, что знает хорошо Швейцарию, предложило свои услуги по агентуре. Судя по расспросам, это был левый с.-р. или анархист, хорошо осведомленный. Ему было выдано 1000 фр., но в виду того, что он отказался дать какие бы то ни было сведения о своей личности и предъявлял непомерные денежные требования, сношения с ним через 2 месяца были прекращены. Приметы: среднего роста, лет 30, брюнет с небольшими усиками, выдавал себя за бывшего каторжанина и, повидимому, действительно, был в Сибири. Носил длинное серое пальто. Говорит с чистым русским акцентом. Требовал свидания непременно с Красильниковым, ответ условлено было дать объявлением в «Journal». Писал мелким круглым красивым почерком. На основании этих данных бывшие эмигранты в Швейцарии, довольно легко могли бы вскрыть подлинную личность «Клосса».

«Поступало желание сотрудничать от некоего Землянского, — показывал на допросе Люстих, — давшего адрес русской миссии в Стокгольме, куда было написано мною письмо, присланное обратно за неявкою Землянского». Мы можем сообщить об охранном «аспиранте» следующие данные: крестьянин Хвалынского уезда, Адоевщинской волости и села, Иван Федоров Землянский, масленщик, 31 г., привлекался в 1910 г. при бакинском губернском жандармском управлении к дознанию о местной организации с.-р. Судом был оправдан.

17 августа 1915 г. обратился при посредстве русской дипломатической миссии в Стокгольме к начальнику московского охранного отделения с письмом, в котором писал: «будучи осведомлен о некоторых предполагающихся шагах центральных организаций РСДРП, находящихся заграницей... *, предлагаю Вам мое сотрудничество в борьбе с ними». Землянский был рекомендован Департаментом полиции заграничной агентуре, но, по свидетельству Красильникова, соглашение с ним не состоялось.

31 июля 1917 г. уполномоченный Чрезвычайной следственной комиссии Рапп составил следующее постановление: «Из обнаруженных при разборе архива бывшей заграничной агентуры в Париже и из произведенного затем расследования представляется доказанным: одесский мещанин, бывший одесский частный поверенный Ефим Симхов Броуд, проживавший в 1897 г. в Париже, под именем Ефима Карловича Брут, литературный псевдоним «Белов», бывший корреспондент газеты «Русское Слово», а ныне

* Пропуск в подлиннике.

«Русская Воля» и «Утро России», в июле 1916 г. через местного парижского агента Департамента полиции подал в последний письменное заявление с предложением своих услуг в качестве секретного сотрудника по политическому розыску. Предложение это было отклонено товарищем министра внутренних дел Степановым. Опрошенный по этому поводу Брут (Броуд) не отрицал факта подачи указанного заявления и объяснил, что к этому побудили его, с одной стороны, угроза агентов Департамента полиции в Париже разоблачить некоторые компрометирующие его факты из прежней его жизни, а с другой — желание отомстить деятелям политического розыска «путем проникновения в закулисную жизнь охранки».

На допросе 26 июня Брут рассказал следующее: «По приглашению неизвестного мне господина, я пришел к нему на свидание в гостиницу «Терминус», где неизвестный оказался Красильниковым — начальником заграничной агентуры. Красильников, под угрозой немедленного разоблачения грехов и ошибок моей прежней жизни в России, предложил мне оказывать услуги в качестве секретного сотрудника. Со мной сделалось обморочное состояние; Красильников привел меня в чувство и сказал: «Я жду вашего ответа». Поясню, что Красильникову были известны все подробности моей жизни, в том числе и то обстоятельство, что будущий зять мой, Александр Дикгоф, был, по просьбе его партийных товарищей, скрываем мною в моей квартире.

В виду моего состояния психологического аффекта, я не могу припомнить содержания моего заявления. Повторяю, я писал под диктовку Красильникова, который настаивал на том, чтобы вопрос о гонораре был подчеркнут. Затем, осенью 1916 г. по телефонному вызову Красильникова я имел вторичное свидание с ним, при котором он, Красильников, заявил, что в Петрограде сомневаются в искренности моего заявления и смотрят на это, как на ловушку с моей стороны; поэтому Красильников добавил, что наши разговоры не будут иметь никаких последствий. Больше свиданий у нас не было. «Грехи и ошибки» моей жизни, о которых говорилось выше, состояли в том, что я, состоя председателем Конкурсного управления, проиграл в Монте-Карло деньги, принадлежащие Конкурсу, после чего я, боясь преследования по суду, не возвращался в Россию. Сумма растраченных денег была около 3 000—4 000 руб. В прошении на высочайшее имя, которое я передал Красильникову вместе с заявлением моим о предложении услуг в качестве секретного сотрудника, я и ходатайствовал о предании забвению указанного преступления и о возможности беспрепятственного возвращения в Россию, и проживании под именем Брута... Никаких документов, записок и писем Красильникову я не предъявлял при этом разговоре. Добавлю, что неизвестный человек, оказавшийся впоследствии Красильниковым, подошел ко мне на телеграфе Биржи и заявил, при требовании свидания, что ему известно, почему я покинул Одессу. При свидании в гостинице

«Терминус» Красильников заявил, что, если мы не придем к соглашению, то, выходя отсюда, он выпустит летучки в колонии и среди французской прессы, разоблачающие мое прошлое; он добавил, что «мы употребили много усилия, чтобы докопаться до этого». Находясь под этой угрозой Красильникова и будучи принужден принять то или иное решение, я внутренно решил отомстить путем проникновения в закулисную жизнь охранки... По выходе моем из «Русского Слова» у меня сохранились кое-какие сбережения. При свидании моем с Красильниковым материальное мое положение было не блестящее, но, конечно, не это заставило меня пойти на этот шаг. Я вышел из «Русского Слова» в конце 1915 г...».

Красильников, допрошенный днем позже, показал: «С Броудом (Брут) я познакомился так: однажды я получил письмо, в котором мне предлагали деловой разговор, указывая номер телефона. Помнится, письмо было подписано; во всяком случае, я мог догадаться, кто мне пишет; письмо было очень прозрачное в смысле личности. Затем мы договорились о свидании в отеле «Терминус». До того времени я никогда не имел с ним свиданий на телеграфе Биржи. Первое свидание окончилось тем, что я ему предложил изложить письменное содержание его подробного рассказа. Второе свидание произошло вскоре после первого. Третье было после получения ответа от Департамента полиции этот ответ и был сообщен мною Бруту лично. В промежутке я был в отпуску и свиданий с ним не имел. Раньше этого инцидента о Бруте возникал вопрос, по поводу выяснения его настоящего имени; как журналист, он, хотя и не принадлежал ни к какой партии, представлял известную политическую величину. Доклад мой о Бруте был основан исключительно на агентурных сведениях. Мне помнится, что я даже сделал ошибку, определив настоящее имя Брута, как «Белов». О том, чтобы в его прошлом было что-либо уголовное, мне ничего неизвестно. Письмо в Департамент полиции было мною переписано лично, чтобы не доверять дела писцам. Имя зятя Брута упомянуто потому, что для его возвращения в Россию также нужно было помилование; в наших бумагах мы никаких указаний на это лицо не нашли. Ценность Брута для полиции заключалась в близких его отношениях к Бурцеву, в знакомстве с Савинковым, письмо которого, написанное в дружеском тоне, он показал и т. д. Главною целью его ходатайства было, по моему впечатлению, возвращение в Россию».

VI. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О СЕКРЕТНЫХ СОТРУДНИКАХ 1917 г.

Секретные сотрудники в Англии и Франции

В момент революции, 27 февраля 1917 г., в заграничной агентуре работало 32 секретных сотрудника. Из них 27 человек числились по общему списку, а 5 — в специальном распоряжении

Красильникова. По полу они распределялись так: 30 мужчин и 2 женщины. По месту действия провокаторы распределялись довольно неравномерно, в зависимости от величины эмигрантских колоний. Больше всего было сотрудников во Франции — 15 человек (2 женщины); 5 человек было в Швейцарии; 5 в Англии; 3 человека в Северной Америке, один в Скандинавии, один в Голландии. Клички работавших в Париже были: «Шарни», «Гретхен», «Орлик», «Скосс», «Пьер», «Дасс», «Серж», «Ратмир», «Матиссэ», «Луи», «Турист», «Янус», «Гамлет», «Рауль», «Манчжурец». Швейцарские провокаторы назывались: «Лебук», «Шарпантье», «Шарль», «Мартэн», «Пэль». Английские сотрудники укрывались под кличками: «Сименс», «Ней», «Ниэль», «Вебер», «Американец»; в Америке работали: «Гишон», «Люси», «Анатоль»; в Скандинавии был «Женераль», он же «Генерал»; в Голландии — «Космополит».

Расшифрование этих таинственных незнакомцев было делом вовсе не таким легким, хотя американская карточная система, введенная в Департаменте полиции и в заграничной агентуре, сильно облегчила работу по составлению охранной биографии каждого провокатора. Однако, к концу мая были установлены подлинные имена далеко не всех провокаторов, несмотря на параллельную работу Чрезвычайной следственной комиссии и комиссии по разборке политических дел Департамента полиции под председательством П. Е. Щеголева. Поэтому, при отъезде за границу комиссара Временного правительства Сватикова, Временное правительство поручило ему, в числе других дел, расформирование всей политической полиции за границей и производство следствия о секретных сотрудниках заграничной агентуры. Равным образом, Сватиков должен был проверить работы комиссии Раппа и объединить результаты ее работы с данными архива Департамента полиции. В результате этой работы явилось полное расконспирирование секретных сотрудников, хотя с 1909 г. Департамент полиции старался не обозначать на своих карточках подлинные имена провокаторов. Некоторая неполнота сведений о 4—5 сотрудниках произошла в связи с октябрьским переворотом, так как документы, посланные из Парижа на имя комиссара Сватикова через министерство иностранных дел, не были доставлены по адресу. Тем не менее, за исключением «Луи», документы о котором вовсе отсутствуют, все остальные сотрудники освещены достаточно, а некоторые и весьма полно.

Несмотря на то, что «Дасс» был разоблачен Бурцевым еще в 1913 г., он продолжал числиться на службе в охранке до марта 1917 г. Под именем «Дасс» скрывался французский гражданин Евгений Юлиев Гольдендах *. Е. Ю. Гольдендах был сыном известного московского врача и натурализовался во Франции. Он оказал услуги парижской сыскной полиции, а в октябре 1912 г.

* Не смешивать с Давидом Симхою Гольдендахом, известным с.-д., партийная кличка которого была «Рязанов».

был передан начальником «Сюрете» * Красильникову. Слухи о принадлежности Гольдендаха к французской полиции или русской охранке ходили еще в 1908 г. Гольдендах не был политическим эмигрантом, но вращался в кругах русской эмиграции. Вследствие отъезда его в Алжир, в иностранный легион, слухи о нем замолкли, но возобновились осенью 1912 г. по его возвращении в Париж. В этот период (1912—1913 гг.) Гольдендах не был по официальному признанию членом какой-либо революционной партии, но имел связь с лицами, стоящими близко к Бурцеву, почему ему и было поставлено целью освещать последнего. Однако, «Дасс» несколько уклонился от данных ему указаний и ограничился доставлением сведений о деятельности кружка русских хулиганов, к которому принадлежали Познанский — сотрудник агентуры, Алексеев — доносил о мнимом покушении на царя, Леон Берман и Сергей «Стрелок». Названный кружок освещался еще одним из агентов наружного наблюдения. Эта компания была более к лицу Гольдендаху, о котором другой секретный сотрудник агентуры Верецкий писал: «личность темная, из евреев, живет исключительно на средства проституток». По сведениям «Дасса», члены кружка хулиганов замышляли поочередно шантажировать охранку: они проектировали даже, в целях грабежа, устроить похищение «Вальдека» **. Планы эти не получили осуществления, так как «Дасс» скоро провалился.

Бурцев заявил, что Гольдендах еще в 1908 г. состоял агентом французской полиции и стал выяснять, является ли он провокатором или только шпиком. «Дасс» привлек, было, Бурцева к третейскому суду, но затем счел более выгодным привлечь его у мирового судьи 13 участка за клевету, требуя за бесчестье всего 600 фр. Охранка немедленно же возобновила сношения с Гольдендахом и оказала ему нужную денежную поддержку. Гольдендах упирал на то, что он французский гражданин, и что Бурцев, распространяя слухи о принадлежности его к полиции, лишил его заработка от уроков. В первой инстанции суд присудил Гольдендаху 150 фр. Гольдендах должен был участвовать в качестве свидетеля в деле Познанского, разоблаченного Бурцевым, который тоже судился «за бесчестье». Однако, не дожидаясь его, он уехал в Москву, где осенью 1913 г. жил у своей сестры Лидии Юлиевой Гольдендах, получая присвоенное ему содержание — 200 фр. в месяц.

В России «Дасс» соскучился и стал хлопотать о разрешении (он не отбыл полностью воинской повинности) вернуться в Париж.

К выдаче ему заграничного паспорта Департамент полиции отнесся отрицательно, но не встретил в то же время препятствий к самостоятельному переезду границы Гольдендахом в случае, если

* Французская тайная полиция

** Подполковник Эргардт, помощник Красильникова.

бы он смог достать сам себе надлежащий документ. Летом 1914 г. «Дасс» уже находился в Париже, где с ним вел, через посредство Абашидзе, переговоры Бурцев, предложивший ему за «исповедь» хорошие деньги. Сделка не состоялась, так как Гольдендах убедился, что «у Бурцева вообще нет денег и что едва ли представится ему возможность раздобыть хотя бы и обещанные им 3 000 фр.».

Кроме «Дасса», был заподозрен Бурцевым в конце 1913 г. Зиновьев. Свободный художник Александр Зиновьев состоял секретным сотрудником до самого последнего момента, с кличкою «Матиссэ», а ранее «Сенатор», на жалованьи 500 фр. в месяц. До начала 1913 г. освещал Бурцева, у которого состоял секретарем. В декабре 1913 г. Бурцев получил предупреждение, что около него есть провокаторы, и заподозрил Зиновьева, хотя сомневался, потому что Зиновьев в течение второй половины 1913 г. несколько отдалился от Бурцева. В 1914 г. он был в периоде негласного наблюдения и расследования со стороны Бурцева. По показанию Люстиха, Зиновьев 3 года не давал сведений, однако, можно подумать, что он освещал в 1915—1917 гг. русские войска во Франции с точки зрения революционной пропаганды в них. Зиновьев перешел к подполковнику Люстиху от подполковника Эргардта. Призванный французами в 1915 г. на военную службу, Зиновьев состоял в 1917 г. переводчиком 2 полка I русской бригады.

Третий мобилизованный сотрудник заграничной агентуры был Николай Чекан, с.-р., уроженец Харьковской губ., был арестован где-то на юге, — по словам Люстиха, — не интеллигент. В конце 1912 г. был командирован Департаментом полиции за границу «для содействия в деле политического розыска», причем заведующему агентурой указывалось, что при сношениях с «Сережей» * надлежит иметь в виду, что он нуждается «в постоянном и опытном руководстве и что необходимо закрепить его переход на сторону правительства». По поводу клички Чекана нужно заметить, что его звали иногда и «Серж» **. Чекан освещал с.-р., получал 250 фр. в месяц. Осенью 1914 г. проживал в Париже. В 1915 г. поступил во французскую армию, сведений не доставлял, но жалованье ему шло исправно.

Следующий сотрудник был французский журналист Раймонд Рекюли. О нем Красильников показал, что «Ратмир» (агентурный псевдоним Рекюли) был лично его сотрудником, по-русски не говорил и не был сотрудником обычного типа. На его обязанности лежало освещение французской прессы. Рекюли был сотрудником «Revue Parlementaire», писал статьи по рабочему вопросу. Красильников умалчивает, что «Ратмир» освещал связь между русским и французским социализмом, ездил на маневры фран-

* Агентурный псевдоним Чекана.

** Агентурная кличка провокатора Элик Аронова Кагана, с которым не следует смешивать Чекана.

цузских войск. Отсутствие документов из Парижа заставляет нас ограничиться этими немногими строками.

Самым дорогим сотрудником для заграничной агентуры была Мария Алексеевна Загорская, с.-р., работавшая много лет, подобно Жученко и Серебряковой, секретной сотрудницей под кличкой «Шальной», а затем «Шарни», на жалованьи в 3500 фр. в месяц *. В немногие периоды бездействия оклад «Шарни» падал до 2500 фр. в месяц. Вскрыть подлинное имя «Шарни» было особенно трудно. При допросе Красильников дал следующие последовательно изложенные показания: «Шарни» был лично моим сотрудником... «Шарни» был известен лично Виссарионову ** и ротмистру Долгову. Я не желал бы назвать в виду той семейной драмы, которую вызвало бы его разоблачение. Он известен был также директорам Департамента полиции и товарищам министра Золотареву и Курлову и чиновнику особых поручений Троицкому. «Шарни» давал чрезвычайно мало сведений, прежде был деятельнее. Его держали в виду того, что по своему положению и связям, он когда-нибудь одним показанием мог вознаградить все расходы». Очевидно Красильников усвоил наставление, преподанное ему Департаментом по делу сотрудника Чирьева («Кати»).

На вопрос уполномоченного Чрезвычайной следственной комиссии, «думает ли Красильников, что «Шарни» может быть вскрыт на основании бумаг, только что поступивших в распоряжение Комиссии», Красильников ответил, что не уверен в этом. «Первоначально, непосредственно по моем приезде, я не имел никакого дела с «Шарни», переговоры с ним велись, помимо меня, Виссарионовым и Долговым. Я принял «Шарни» от ротмистра Долгова в конце 1910 г. Броецкий *** был здесь в Париже в конце 1910 г., и им представлен был подробный доклад о «сотрудниках», который должен быть в делах Департамента полиции. Заведывавший канцелярией Красильникова Мельников показал: «из частного разговора с Красильниковым я знаю, что сотрудник «Шарни» жалованья за эти пять месяцев не получал».

29 ноября 1910 г. Виссарионов писал Красильникову лично и совершенно секретно: «по приказанию г. товарища министра внутренних дел в дополнение к личным моим переговорам с Вами имею честь просить Ваше высокоблагородие, не признаете ли Вы своевременным вступить в настоящее время в обсуждение вопроса с известным Вам «Шальным» о возможности его выезда в Россию и в частности в Петербург. Инициатива поездки никоим образом не может и не должна исходить от «Шального». Необходимо лишь его согласие в случае предложения ему этой поездки кем-либо из больших людей.

Та роль, о которой я лично говорил с «Шальным» и с Вами,

* «Министерский» оклад — 42 000 фр. в год.

** Вице-директор Департамента полиции.

***Заведующий Особым отделом Департамента полиции, а затем вице-директор Департамента.

представляется для него наиболее соответственной, хотя и может видоизменяться в зависимости от обстоятельств дела. Все средства, которыми мы располагаем, будут обращены к тому, чтобы гарантировать «Шальному» удачное выполнение при исключительно строжайшем соблюдении его положения. Итак, не теряя ни одной минуты, обсудите и сообщите результаты».

Комиссия Раппа колебалась в своих предположениях, готовая заподозрить самых крупных с.-р., живших в Париже. В Департаменте полиции точные указания отсутствовали. Но псевдоним Загорской был взят из названия романа Дюма «Графиня Шарни», что указывало на женщину (такие клички для мужчины, как «Катя» и т. п. очень редки). Были кое-какие указания на то, что в доме Загорской в Париже бывали видные с.-р., и что содержание дома должно было обходиться ей недешево. Поэтому, по приезде в Париж, комиссар Временного правительства за границей при первом же допросе Красильникова предложил ему подтвердить или отвергнуть его догадку. Красильников признался, что «Шарни» — «Шальной» есть действительно А. М. Загорская, но в виду личных отношений с «Шарни» просил от подобных расспросов его освободить.

«Шарни» не могла быть вызвана на допрос, ибо выбыла на юг Франции. Как ценила охранка ее сведения, видно из ее гонорара. Освещала она верхи партии с.-р.

Отсутствуют документы о сотрудниках «Луи» (совершенно) и о «Рауле», «Туристе», «Янусе», «Гамлете», «Манчжурце». С ними имел дело лично Красильников. Однако, мы можем раскрыть здесь, что «Турист» был Рауль Жоливе, француз, бывший агентом наружного наблюдения при Гартинге и Красильникове. Согласно донесению последнего, он «был уволен за надувательство, за посылаемые им ложные донесения, тогда как он находился у своей жены — далеко от места наблюдения». Было это в 1913 г. «Жоливе обратился к Бурцеву и предложил ему продать какие-то документы и сделать разоблачения, но дело не состоялось только потому, что у Бурцева не было денег». А между тем Жоливе, бывший агент парижской полицейской префектуры был отлично рекомендован Красильникову и при расчете с ним, несмотря на изобличение его в обмане, ему, кроме полного расчета, выдано было еще вознаграждение в размере месячного содержания. Мы знаем уже, что несмотря на эту рекомендацию, Красильников все же взял к себе Жоливе в секретные сотрудники, чтобы освещать Бурцева и передавшегося на сторону Бурцева агента Леруа.

«Рауль» был тоже Жоливе, секретный сотрудник, сын предыдущего; освещал Бурцева.

«Янус» — это г-жа Ришар. Освещала Бурцева. Ришар, служа в охранке, давала сведения Бурцеву, а затем, перейдя на службу к Бурцеву, давала сведения о Бурцеве Бинту. В архиве заграничной агентуры имеется много писем Бурцева, доставленных г-жею Ришар.

Охранным мастером на все руки был сотрудник «Гретхен», похитивший кличку у фаустовской Маргариты, на деле же мужчина: Игнатий Мошков, он же Кокочинский, родился в Лодзи в 1881 г., в 1898 г. поступил вольноопределяющимся на военную службу и с этого момента вошел в сношения с революционными организациями Лодзи, распрстранял нелегальную литературу среди солдат и офицеров и скоро занял выдающееся положение в Бунде. Партийная его кличка была «Павел». В августе 1906 г. Кокочинский был отправлен делегатом на 7 бундовский съезд, затем был назначен секретарем центрального бюро заграничной организации Бунда.

В 1910 г. Кокочинский обратился письменнс к Красильникову с предложением своих услуг. Предложение было принято, и с той поры Кокочинский с необычайным усердием осведомлял охранку обо всем, что делается в заграничных партийных кругах. В списках секретных сотрудников записан псд именем «Гретхен». От заграничной агентуры Кокочинский получал жалованья 12—15 тысяч франков в год. Освещал деятельность Бунда, польских социалистических партий, давал обстоятельные доклады о парижских социал-демократических газетах «Голос», «Начало», «Наше Слово» и сообщал подробнейшие сведения о различных заграничных партийных деятелях. Сфера наблюдения «Гретхен» не ограничивалась одной Францией, но распространялась также на Швейцарию. «Гретхен» докладывал также о событиях и партийных делах в России и ездил со специальными поручениями охранки в Польшу. Последние годы (в 1914—1917) Кокочинский не принимал близкого участия в партийных делах, но, несмотря на это, продолжал попрежнему осведомлять охранку о Бунде, меньшевистских организациях, составе редакции и направлении газет «Голос», «Наше Слово» и т. д. Все интересующие охранку сведения Кокочинский получал от некоторых неосторожных товарищей, которые рассказывали Кокочинскому все, что знали о партийных делах и, порой, о самых конспиративных.

На допросе Кокочинский признался в том, что состоял секретным сотрудником заграничной агентуры.

Как запасный унтер-офицер из вольноопределяющихся 39 пехотного Томского полка, уволенный в запас армии 25 октября 1902 г., Кокочинский подлежал в 1915 г. призыву в войска, но Красильников выхлопотал ему отсрочку.

По показаниям Люстиха, известный деятель еврейского социал-демократического рабочего движения, «член ЦК Бунда, Медем был арестован по указанию «Гретхен». Он же показал: «Дня через три после известия о русской революции ко мне явился сотрудник «Гретхен» — Кокочинский — и заявил, что он сам присутствовал при собрании революционеров, на котором было решено захватить бюро заграничной агентуры». Люстих, вместе с женою и заведывавшим канцелярией бюро Мельниковым вынесли ряд важнейших бумаг за последние 5 лет, при чем бумаги эти были воз-

вращены лишь по требованию Раппа значительно позднее. Таким образом, бдительный «Гретхен» продолжал служить верой-правдой и после известия о революции.

Кокочинский не потерял энергии и после разоблачения; он решил найти себе работу в новой сфере деятельности. В сентябре 1919 г. Кокочинский печатает о себе следующее объявление во французских газетах:

«Коммерсант, экспортер, уроженец союзной страны, проживающий в Париже 9 лет, знающий хорошо Восточную и Центральную Европу, говорящий по-русски, по-польски, на других славянских языках и по-немецки, пострадавший от войны, ищет подходящей должности в солидном торговом предприятии». Хотя «Гретхен» «пострадал» не от войны, а от революции, но этому отставному провокатору не придется пропасть. Такие не пропадают!

Красильников, добиваясь освобождения от призыва сотрудника «Скосса» — Деметрашвили, назвал его «серьезным агентом», который без ущерба для дела не может явиться к исполнению воинской повинности. Крестьянин села Карагаджи, Горийского уезда, Тифлисской губ. Андрей Гаврилов Деметрашвили (Димитрашвили), родился в 1886 г. в Земохандики в крестьянской семье, учился в Тифлисской духовной семинарии. Не окончив семинарии, приехал в 1906 г. в Москву, принимал участие в экспроприации у фабриканта Четверикова. Был привлечен к следствию и суду по делу «Московской оппозиции». Сидел в тюрьме в Москве с августа 1906 по 17 октября 1910 г. В 1908 г. был приговорен к 2 годам заключения *. По выходе из тюрьмы был дважды арестован и, по его словам, получил от начальника охранки в это время, под угрозой ссылки, предложение заняться переводом грузинской литературы.

Но, по словам Деметрашвили, он отказался. Уехал в Тифлис, вернулся потом в Москву продолжать учение. Занимался уроками и другими заработками. В это время неизвестное ему лицо (Лев Михайлович) предложило ему переводить грузинскую литературу, письма и прокламации. От перевода нелегальной литературы отказался из опасения провалиться, а остальное переводил, получая в течение года регулярно по 100 руб. в месяц, считая этот заработок слишком высоким и несоответствующим работе, потому и отказался. Затем выехал за границу. По приезде в Париж, в июне 1912 г., Деметрашвили встретил Льва Михайловича на улице и вступил с ним как с частным адвокатом в сношения по переводу писем его клиентов — грузин и получал тоже 100 руб. в месяц. Эти переводы первоначально делал Куцишвили. «У нас с ним возникали сомнения, не агент ли это полиции, но Куцишвили и Копельман полагали, что это действительно ходатай». Потом Лев Михайлович свел, якобы, Деметрашвили с лицом, именовавшим

* Так в подлиннике.

себя переводчиком из консульства, от которого «я получал за переводы по 100 руб. ежемесячно письмами по почте. Я получал деньги до 1916 г., когда отказался от переводов, потому что в это время возникло мое третейское разбирательство с Мадридовым, а потом и дело по поручению делегации партии с.-р. Фактов, относящихся к моим переводам с грузинского в Москве и Париже, я не сообщал на этих разбирательствах». Такие давал объяснения Деметрашвили на втором допросе.

На первом же допросе он заявил, что в охранке под кличкою «Скосс» не служил, и что причастие его к делам охранки является результатом махинаций Бурцева, служившего, по утверждению Деметрашвили, в охранке, или, точнее, имевшего здесь в Департаменте полиции определенную функцию, и махинации Департамента полиции, «которому я был нужен здесь, как грузин-провокатор». — «Так как, — пояснил Деметрашвили, — по мнению Департамента полиции, из грузинской нации им и нужно было иметь меня, как грузина на своей скужбе. Но я на службе не состоял». Далее Деметрашвили излагал, что он имел свидание, по приглашению в консульстве, с неизвестным ему лицом, с которым он потом ушел в кафе. «Это лицо очень осведомленное в социалистических делах (ростом с меня, бритый, лет 40) предложило мне за очень солидную денежную плату согласиться быть проваленным в качестве провокатора. Об этом разговоре и предложении стало известно Бурцеву, потом от него и Мадридову (Николаеву)...»

На втором допросе Деметрашвили объяснил: «причастность Бурцева к охранке для меня стала очевидна, когда из его намеков я увидел, что ему известен мой разговор с указанным выше лицом. Кроме того, некоторое время спустя, т. е. в 1913 г., я видел Бурцева с этим лицом в кафе. Таким образом, серьезно или прикидываясь невинным, Деметрашвили пытался объяснить всеведение Бурцева не изменою охранке ее агентов, а причастностью великого разоблачителя самого к охранке. Впрочем увлекшийся охранник наговорил также на Авксентьева. «У меня еще возникают сомнения относительно Николая Дмитриевича Авксентьева, который посещал одну женщину, где я бывал, ухаживая за этой женщиной. Быть может из чувства ревности, он возбудил у нее сомнения на счет моего здоровья, также сообщил о моих сношениях с лицом, принадлежащим к консульству, и мне кажется, что это имело место до того, как Бурцев был осведомлен о моих сношениях». Так своеобразно пытался Деметрашвили осветить личность Бурцева и Авксентьева. Раз они узнали о его провокаторстве, значит — сами охранники. Иначе, дескать, откуда бы они узнали..

Деметрашвили объяснил еще, что предложение провалиться за высокую плату в качестве провокатора, сопровождалось угрозой в связи с делом об экспроприации, и мой отказ завершился прекращением моей переводческой деятельности. Однако, деньги из охранки «Скосс» продолжал получать исправно до самой революции.

Подполковник Люстих показал на допросе: «Помимо местной, за границей работала и русская агентура по поручениям Департамента полиции и даже отделений; например «Скосс» мне говорил, что у него продолжается переписка с московским охранным отделением. Деметрашвили освещал национальные с.-р. организации, в первую очередь, грузинскую. Жалованья он получал 250 фр. в месяц».

Провокатором, носившим кличку сперва «Петровский», а затем «Пьер», был поручик барон Штакельберг, по партийной принадлежности с.-р., партийное имя «Бронский». В заграничную агентуру он перешел из петроградского охранного отделения на жалованье в 1 300 фр. в месяц. Передача его в ведение Красильникова произошла при следующих обстоятельствах: за границей параллельно с заграничной агентурой работали агенты Департамента полиции и отдельных охранных отделений. Таковы названные нами выше — Т. Цетлин, Синьковский, Верецкий, «Бернар» и др. Товарищ министра внутренних дел Джунковский во время пребывания своего за границей высказал пожелание, чтобы находящиеся за границей секретные сотрудники имперских розыскных органов были бы переданы в распоряжение заграничной агентуры, о чем должно было последовать соответствующее распоряжение. В ноябре 1913 г. подполковник Эргардт получил от начальника петроградского охранного отделения полковника фон-Коттен письмо, в котором последний уведомлял о передаче Эргардту секретного сотрудника «Петровского», который должен будет прислать на известный адрес письмо за подписью «Пьер». Кроме этого, фон-Коттен собщал о возможности получения еще писем от двух лиц за подписями «Осипов» и «Шульц», которые уже в то время находились в Париже, и о скором приезде еще одного лица, некоего «Воскресенского», с которым тоже представится необходимым войти в сношения». Мы не знаем, существовали ли в природе «Шульц» и «Воскресенский», да и заграничная агентура этого не узнала. «Осипов» — это был Верецкий, он же «Бернар». Кроме того, два из числа бывших сотрудников фон-Коттена были переданы лично фон-Коттеном Эргардту в ноябре 1912 г., во время приезда фон-Коттена в Париж. Это были: «Мунт» — он же Высоцкий и «Лежен» — он же Молодой. По истечении года, т. е. в нояб. 1913 г. «Лежен», как не удовлетворяющий требованиям, предъявляемым скеретным сотрудникам, был удовлетворен содержанием по 1 декабря 1913 г. и стоимостью проездного билета до Петербурга; ему было предложено возвратиться в Россию. Оба эти лица были предъявлены в ноябре 1913 г. заведывавшему Особым отделом М. Е. Броецкому, приезжавшему в Париж знакомиться с заграничной агентурой. Последняя, в лице подполковника Эргардта, вошла в сношения с «Петровским», которого Эргардт знал лично, летом 1912 г.

Красильников на допросе показал о Штакельберге следующее: «Пьер» был сотрудником петроградского охранного отделения и

в этой должности до войны приезжал в первый раз за границу. Эргардт виделся с ним по приказанию из Петрограда. В ведении Эргардта «Пьер» состоял до своего отъезда в Россию, где снова состоял на службе петроградского охранного отделения, но позже был оттуда уволен. После смерти подполковника Эргардта «Пьер» перешел к Люстиху. Относительно образа жизни «Пьера», а равно о его имущественном положении мне ничего не известно. Из Монтре «Пьер» приехал в Париж, во всяком случае, за несколько месяцев до его отъезда в Россию». По показанию Люстиха «Пьер» уехал из Парижа в феврале 1916 г. «В России был уволен Департаментом полиции, приехал снова в Париж и желал войти в работу, но вследствие телеграммы Красильникова я уклонился от решительного ответа. За неделю до падения старого режима, имел с ним последнее свидание».

«К сотруднику «Пьеру» мы относились всегда с недоверием, проверяя его сведения через других, оговаривая в конце донесения, что сведения даны именно «Пьером». Тепѐрь я нахожу, что его сведения заслуживали внимания. Освещал он военную организацию с.-р. в прежнее время. Было видно, что он был в курсе дел этой организации. Когда я его принял по наследству, он жил в Монтре (Швейцария). Приехал в последний раз, по-моему, в январе 1917 г. Первое неофициальное свидание с «Пьером» по его возвращении за границу я имел 21 января, второе свидание 6 марта, третье 17 марта, и было назначено свидание на 20 марта, но не состоялось, вследствие получения известия о революции. Последние задания, данные «Пьеру», не касались освещения военных вопросов. Насколько я помню, уезжая в Россию, «Пьер» старался найти работу, которая помогла бы ему проникнуть в военную среду».

По показанию причисленного к военной миссии в Париже полковника Колонтаева «в конце декабря 1916 г. или в начале января 1917 г. прибыл в Париж из России, командированный Главным управлением генерального штаба в распоряжение военного агента во Франции, подпоручик барон Штакельберг и был им назначен в состав особой артиллерийской комиссии». Колонтаев был помощником председателя этой комиссии и выразил недоумение, как в комиссию, где все члены должны назначаться Главным артиллерийским управлением, назначен пехотный офицер без специального образования. Колонтаев заподозрил также и немецкое происхождение Штакельберга. На это Колонтаеву был дан ответ, что барон Штакельберг «стоит вне всяких подозрений, что граф Игнатьев его хорошо знает и что до сего времени Штакельберг находился, так сказать, в недрах самого генерального штаба». Сам граф Игнатьев отвечал Колонтаеву: «Помилуйте, я его (Штакельберга) хорошо знаю». Все попытки Колонтаева выяснить физиономию Штакельберга у графа Игнатьева и в Главном управлении генерального штаба были тщетны. Из всего выше изложенного Колонтаеву «стало ясно, что Штакельберг имеет какие-то тайные

функции, известные Главному управлению генерального штаба и Игнатьеву, и по своим свойствам ничего общего не имеющие с химией», которой занимался в миссии Штакельберг. Колонтаев тогда же заподозрил в Штакельберге агента охранки, посланного, быть может, для наблюдения за нами — членами артиллерийской комиссии. Колонтаева поражала крайняя любознательность Штакельберга, заносившего всевозможные сведения в свою толстую записную книжку по своему и по всем другим отделам.

Штакельберг стремился часто бывать близь фронта, на артиллерийских и газовых опытах. Между тем Колонтаев узнал, что в 1916 г. Штакельберг проживал в Париже, 61, авеню Сюфрен, под именем «Пьер». Владелица газетной лавочки сообщила, что по мнению квартала этот «Пьер» был «германский шпион», вскоре переменил квартиру, переехавши на авеню Шарль Флоке, 24, где также оставил о себе очень подозрительное впечатление.

Колонтаев еще до революции просил Е. П. Раппа обследовать Штакельберга. Но Рапп передал, что наведенные им о Штакельберге через эмигрантов справки — вполне положительного характера, что ему даже передавали поклоны политические эмигранты.

Вслед за известием о революции Штакельберг стал добиваться командировки в Швейцарию. Одновременно Колотаев узнал, что сестра барона Штакельберга, жившая на авеню де Терн, 38, выехала из Парижа на жительство в Швейцарию в начале войны, так как не пожелала расстаться с немкой, жившей с ней и высылавшейся из Франции. И в Россию, и в Швейцарию Штакельберг посылал часто телеграммы, зашифрованные легким шифром, но и после расшифровки они оставались для членов артиллерийской комиссии непонятными «очевидно язык телеграмм был условный».

Штакельберг не был опубликован Раппом по вскрытии, и члены военной миссии узнали о провокаторстве Штакельберга лишь из «Русского Слова» *, полученного в Париже 7 августа. На третий день Штакельберг пытался получить командировку в Италию, но члены миссии воспрепятствовали этому.

Любопытнее всего в этом деле поведение военного агента графа А. А. Игнатьева. Прочитавши о провокаторстве Штакельберга, Колонтаев в разговоре со своим другом, английским военным агентом, полковником де Руа Левис, сообщил ему об этом, высказавши, что подобный офицер не должен бы быть допускаем на фронт, ибо провокатор легко может быть и иностранным шпионом. Английский военный агент не допустил Штакельберга на фронт. Граф Игнатьев, не уволивший немедленно же разоблаченного провокатора, 3(16) августа потребовал от Колонтаева представить ему в письменной форме факты, на основании которых им возводятся подобные обвинения на поручика Штакельберга. При объяснениях Колонтаева, напоминавшего о своих постоян-

* См. номер от 25 июня 1917 г.

ных подозрениях, на которые Игнатьев не обращал внимания, и ссылавшегося на «Русское Слово», Игнатьев повышенным тоном заявил Колонтаеву вновь, что он не хочет допустить подобных обвинений Штакельберга, что провокаторство его не доказано официально и что, во всяком случае, провокаторство не есть доказательство шпионства, если бы таковое и было показано официально. Игнатьев не только сделал вид, что не знает истинной роли провокатора, не только удержал Штакельберга на службе, но и воспретил Колонтаеву отлучаться из Парижа по служебным делам, пока военный комиссар Рапп не доставит ответа на запрос по поводу провокаторства Штакельберга. И даже тогда Игнатьев не собирался выгнать вон провокатора, а предлагал начать свое расследование через контрразведку, во главе которой стоял родной брат военного агента граф П. Игнатьев.

Для характеристики дружеских отношений Игнатьева с Красильниковым приведу развязно-дружеское официальное письмо на официальном бланке, найденное в архиве парижской охранки, адресованное Красильникову. Заголовок: «Attaché Militaire de Russie *, Париж, 20 июля 1916 г. Дорогой Александр Александрович. Не откажите дать мне справку, кто такой г-н Алексеевский, живущий на ул. Антуан Шантэн, 3. По внешнему виду он из эмигрантов, явился к нам вместе с писарем маршевого батальона в Майн, присланный сюда для лечения, и заявил желание поместить его у себя. Граф его, конечно, послал к черту, но желал бы знать, именно, кто он такой. Преданный Вам Д. Ознобишин **.

Наконец, из числа действовавших в Париже сотрудников нужно назвать еще весьма важного, по своему общественно-политическому прошлому, провокатора, работавшего под кличкой «Орлик». Это был Захар Иванович Выровой, столяр, бывший член Государственной думы первого созыва (социал-демократической фракции), родился в 1879 г. Он состоял секретным сотрудником заграничной агентуры под кличкой «Захар» (до октября 1909 г.), «Орлик» и «Кобчик». Получал ежемесячно по 350, а под конец по 400 фр. В июле 1912 г. Выровой думал поехать в Россию, ссылаясь на некоторые обстоятельства частного характера, причем надеялся получить от с.-р. явки и адреса и рассчитывал, что переезд через границу ему будет обеспечен делегацией партии эсеров. Уехал Выровой только в ноябре, с паспортом на имя Михаила Иваненко, направился он в Киев. Прибыв туда, он должен был уведомить начальника местной охранки письмом по адресу: Рейтерская, 5, П. Ф. Боговскому.

Сообщения Вырового касались, главным образом, анархистов. Одно из донесений «Орлика» за 1912 г. было посвящено «Обществу активной помощи политическим каторжанам», учредителем которого он являлся сам, вкупе с анархистом Карелиным. Из этого

---

* Русский военный аташе.

** Полковник, помощник графа Игнатьева.

донесения видно, что на собрании общества Выровой горячо восставал против террористических актов при освобождении арестованных. В августе 1912 г. Выровой работал в Billancourt на постройке аэропланов, что дало ему возможность написать донос на некоторых русских авиаторов (с.-р. Небудек и др.). Дальнейшие сообщения Вырового касались, главным образом, «Братства вольных общинников» и съезда анархистов, который должен был состояться в 1914 г. В это время Бурцевым были получены указания на провокацию среди анархистов. Заподозрен был, однакс, не Выровой и не Долин, действительные осведомители охранки, а Рогдаев — Николай Музиль. На этой почве возникли крупные недоразумения, вызвавшие угнетенное состояние среди членов группы, которые, ища в своей среде предателя, стали бросать в глаза друг другу обвинения в провокации. По этому поводу Красильников с удовлетворением доносил Департаменту полиции: «дело Рогдаева привело к тому, что существование сорганизовавшейся парижской федерации анархистов-коммунистов можно считать поконченным».

Вскоре после этого Выровой вышел из группы анархистов. Весной 1915 г., получив на дорогу 500 фр., он выехал в Россию для отбывания воинской повинности. Жене Вырового, жившей в Париже, выплачивалось после этого в течение года по 200 фр. в месяц. 12 марта 1915 г. Красильников телеграфировал: «Орлик — с.-р., состоял в близких отношениях с Карелиным и группами анархического направления, особого положения в группе не занимал».

Далее Красильников характеризовал его, как преданного делу, заслуживающего доверия: — «намерен продолжать сотрудничество, если позволят условия службы и получит на то соответствующие указания».

Отчасти во Франции, отчасти в Англии работал провокатором «Американец». Это был Антон Попов, конторщик из Баку. Очень разносторонний, он много ездил, отовсюду доставляя сведения для охранки. Красильников отзывался о нем Люстиху, как о «талантливом человеке». Подлинной фамилии его не знал даже его начальник Люстих, сносившийся с ним по адресу Даниэля Семенова; фамилия, по словам Люстиха, безусловно не настоящая.

Попов состоял сотрудником жандармского управления Одессы, приобретен полковником Заварзиным, а затем передан заграничной агентуре. Получал 150 руб., потом 200 руб., в месяц, а под конец около 800 фр. Доставлял обстоятельные сведения о потемкинцах, о союзе профессиональных судовых команд России и т. д. Находился большею частью в разъездах. В феврале 1913 г. находился проездом из Александрии в Париж. В июле 1914 г. «Американец» был командирован снова за границу, но застрял в Варшаве по случаю объявления войны, и поездка его в виду трудности и дороговизны путешествия была отложена. Однако, весной 1915 г. Попов снова появился за границей хлопотать здесь о

пособии в 600 руб., но ему было отказано в этом, так как им не были исполнены все указания руководителей розыска.

С 18 мая по 18 октября Попов был в Англии, затем поехал в Марсель, но захворал и свернул в Ментону. Донесения «Американца» за 1915 г. многочисленны: он сообщал о «Русском морском союзе», о Парвусе, о перевозке в Россию динамита и украинской литературы (дело Клочко, Тарасова и Григория Совы), о ливерпульском кружке русских моряков, о редакторах газеты «Морской Листок» и т. д. Весной 1916 г. Попов опять ездил в Англию и затем возвратился во Францию. За это время им был представлен охранке обширный доклад относительно влияния германской социал-демократии на внутренние дела держав Согласия. В 1917 г. Попов находился в Париже. По показанию Люстиха Попов подозревался французской полицией в сношениях с немцами. Партийная принадлежность — с.-р. Допрошен не был.

Следствием был установлен в Лондоне Бронтман, под кличкою «Ниэль», сотрудничавший в заграничной агентуре. Евсей Григорьевич (Овший Гершов) Бронтман, 30 л., мещанин г. Кишинева, признавшийся чистосердечно и затем представивший свою исповедь, показал, что в 1908 г., под кличкою «Пермяк», он был сотрудником жандармского управления в г. Уфе, а затем, приехавши по распоряжению полковника Мартынова за границу, работал для заграничной агентуры как сотрудник, в Париже, Италии и Англии, под кличкою «Ниэль», на жалованьи в 400, 600 и, наконец, 700 фр. в месяц. В товарищеских кругах кличка была «Саша». Усердно просил не опубликовывать его, ибо семья его вся революционная, работу же для жандармов он начал и продолжал для спасения семьи.

В своей исповеди Бронтман весьма подробно изложил, что его связь с охранкой началась в 1902 г., когда ему было 15 лет, в Одессе. Брат его, Константин Бронтман и его друг Метлихов были арестованы в Одессе за разбрасывание в театре прокламаций. Евсей Бронтман был послан родителями из Кишинева для свидания с братом. Как брату с.-д., сидевшего в тюрьме, 15-летнему Е. Бронтману поручили 1 мая 1902 г. нести красное знамя. Повидимому, жандармы были предупреждены и Е. Бронтман с 32 другими лицами был арестован еще до выступления на бульваре. При личном допросе градоначальник Шувалов приказал избить Бронтмана, не знавшего об аресте с.-д. типографии в доме его родителей в Кишиневе, — за незнание. Около 4 месяцев он сидел в тюрьме, затем жандармский полковник, угрожая 3 годами ссылки в Сибирь, потребовал от мальчика, для спасения его самого и старика отца, (который все еще находился под стражей с Маней Школьник и А. Зайдманом), оказывать услуги. Бронтман согласился и должен был ехать в Кишинев, войти в с.-д. организацию и предать ее. За это его и его отца освободили. Бронтман, не желая стать предателем бежал в Америку, где и прожил до 1907 г. Этим временем родители переехали в Уфу к сосланному туда старшему

брату Борису. Вскоре по приезде Е. Бронтмана в Уфу, были арестованы: он сам, его невестка, брат Борис, сестра Татьяна и ее жених. Жандармский полковник напомнил Бронтману, что он раз уже уклонился от взятой на себя ответственности, но обещал прощение Департамента полиции и спасение его семьи и родителей от ссылки, если он исполнит принятые в 1902 г. обязательства. О родителях было сказано: «мы и старые грехи их еще не забыли, евреи, с лица земли сотрем» и т. п. «Как и в 15 лет, я, — писал Бронтман, — и в 20 лет не нашел мужества и честности, храбрости пожертвовать семьей и спасти свою честь, и согласился, поставивши условием, чтобы от него не требовали вступления в революционную партию. На это ему сказали: «если вы можете быть нам полезны, не будучи членом партии, то это вполне законно, так как Департамент полиции провокацию строго осуждает».

О своей деятельности в качестве сотрудника Бронтман показал на допросе: «Я по освобождении жил в Уфе и говорил жандармам, что мог. Затем жандармское управление командировало меня в Саратов и Баку для заведения знакомств. В Саратове познакомился с Еропкиной. Полковник Мартынов в Саратове посоветовал мне воспользоваться любовью Еропкиной и ехать с ней за границу». Саратовский губернатор выдал фальшивый паспорт на имя мужа и жены Этер или Эттер. Еропкина в Париже как с.-р. через Бартольда вошла в местную организацию. Жандармы потребовали, чтобы и Бронтман вошел туда же, но он отказался. Эргардт настаивал на необходимости войти, если Бронтман желает подниматься по службе. С приехавшей из Саратова дамой Мартынов прислал известие, что эту даму, Бронтмана и Еропкину, заподозрили в Саратове; Еропкину в том, что она была причиной провала архива партии с.-р. в Баку.

Эргардт отправил Бронтмана в Италию, в Кави-ди-Лаванья. Здесь «Ниэль» освещал Е. Е. Колосова, Н. С. Тютчева и др., но слухи дошли и туда. Впрочем, Бурцев опроверг эти слухи. Эргардт повысил Бронтману жалованье с 400 до 700 фр., говоря: «Заграницею нужно брать побольше, там (в России) они наживаются». По истечении года в Лондоне, жандармы стали снова запугивать Бронтмана. Из охранников постоянно имел дело с «Гербертом» — Эргардтом, он же «Лео». В Англии Бронтман «в сущности бездействовал».

В августе 1913 г., по поводу подозрений, возникших у Бурцева, Красильников доносил в Департамент полиции: «по полученным от агентуры сведениям, у Бурцева имеются следующие данные, уличающие «Ниэля» («Пермяка») в сношениях с заграничной агентурой.

В то время, когда «Ниэль» проживал в Кави, там же временно находился и Бессель-Виноградов. Перед отъездом последнего в Париж «Ниэлю» удалось его сфотографировать. Негатив и отпечатанные карточки Бессель взял с собой, получив от «Ниэля» уверение, что этих карточек он никому не давал. Между тем, быв-

ший филер Леоне, перейдя к Бурцеву, вручил ему один экземпляр того же самого снимка, который был сделан с Бесселя и который находился у него, как у агента наружного наблюдения, коему было поручено наблюдение за русскими эмигрантами, проживающими в Италии. Кроме того, тот же Леоне, наблюдая за русскими, в том числе и за «Ниэлем», видел, как последний, выходя из почтового бюро, читал получаемые им письма и тут же их уничтожал. Эти два факта, в связи с бывшими уже ранее подозрениями в отношении «Ниэля», но которые даже Бурцев печатно опровергал два раза на страницах своей газеты «Будущее», побудили последнего самым тщательным образом расследовать и выяснить все неосвещенные стороны партийной и частной жизни «Ниэля», как прошлой, так и настоящей.

Поставленный об этом в известность, «Ниэль» высказал уверенность, что первые два пункта обвинения его не пугают, так как он сумеет по ним оправдаться, но очень озабочивает и беспокоит вопрос, как объяснить, откуда им получаются средства к жизни».

Красильников просил у Департамента полиции 700 фр. на поездку «Ниэля» в Нью-Йорк, где, якобы, живут 2 его тетки, посылающие «Ниэлю» деньги. Эти тетки подтвердят утверждения «Ниэля». Поездка будет объяснена болезнью теток...

Сам Бронтман в исповеди объяснил, что один раз, уже за границей, он пробовал сбросить с себя ярмо. Это было в 1912 г., когда он решил покинуть Кави-ди-Лаванья со своей женой Еропкиной и уехать в Бельгию. Но на вокзале в Генуе тайный агент итальянской полиции задержал его, как, якобы, Гольдберга, а в кордегардии вокзала оказался Эргардт, без согласия которого он пытался уехать. Эргардту снова удалось запугать Бронтмана. «Почему они так дорожили моими услугами, для меня всегда было и остается загадкой», — пишет Бронтман, ссылаясь на отдаленность свою от революционных организаций и незначительность своих сообщений, а также на полную бездеятельность в Англии. Хотя он не послушался приказа и не переехал из Борнемаута в Лондон, ему все же прибавили, без его просьбы, 100 фр. в месяц (вместо 600—700 фр.). Цель отъезда на жительство в Бронемаут Бронтман объяснил желанием развязаться с охранкой, ибо в Бронемауте не за кем следить, и желанием открыть какое-нибудь дело на скопленные от охранной службы 200 фунтов стерлингов (2000 р.). Дело не пошло, и Бронтман потерял все сбережения плюс 300 фунтов кредита. Вероятно, поэтому он продолжал получать жалование до марта 1917 г. Прося о снисхождении, Бронтман ссылается на пережитые страдания и на туберкулез. «Революционеры, — писал в заключение Бронтман, обращаясь к комиссару, — всегда смотрели на сотрудников охранки, как на зверей, которых нужно стрелять, как собак, такое же отношение я ожидал встретить и от вас. Я не думал, что кто-нибудь может отнестись с сожалением к тому, кто вчера еще был охранником, а между тем многие сотрудники,

хотя и вполне заслуживают презрение, все же могут быть жалеемы, так как они были глубоко несчастными людьми... Если бы революционеры посмотрели раньше на сотрудников охранки, как на несчастных людей, достойных сожаления, многие пошли бы к ним раньше с исповедью... Мы всегда были между огнем и водой. С одной стороны — месть охранки, с другой — месть революционеров».

По поводу судьбы Бронтмана нельзя не сказать два слова о заагентуривании. Мы знаем из исповеди Долина, как цепко держался Эргардт за тех несчастных, которых он угрозами вовлек в деятельность охранки. Чины заграничной агентуры тщательно следили за частной жизнью революционеров и не упускали случая забросить удочку, не клюнет ли на охранную приманку новая рыбка. Вот, например, донесение Красильникова директору Департамента полиции: «по полученным от агентуры сведениям известный Департаменту анархист Вениамин Алейников растратил 800 фр. из денег так называемой «Сибирской Кассы», т. е. кассы помощи политическим ссыльным и каторжанам, коей он состоит в Льеже казначеем, причем Алейникову дан был некоторый срок на пополнение растраты под угрозою в противном случае предания ее гласности путем опубликования.

В виду изложенного, мною был командирован в Льеж известный Департаменту «Антон» * с поручением войти с Алейниковым в сношения и, предложив нужные ему деньги, побудить его к оказанию услуг агентурного характера. Поручение это было выполнено, но попытка успехом не увенчалась». Красильников прилагал подробное донесение «Антона», которое может служить показателем, насколько попытки к заагентуриванию за границею всегда могут быть связаны с риском вызвать историю.

Повидимому самая личность «Антона» находилась в большой опасности. Растратчик не всегда способен стать шпионом...

Кроме «Ниэля» в Англии работал сотрудник «Вебер». Эта кличка была присвоена заграничной агентурой Николаю Петровичу Селиванову. (Жалованья в месяц получал 450 фр.). По показанию Люстиха, Селиванов в Париже жил под фамилией «Шебельский», по партийной принадлежности с.-р., по сведениям охранки (до 1914 г.) был секретарем или сотрудником Бурцева. Сын мещанина г. Ельца, 37 лет, обучался в московской мукомольной школе, но ее не окончил; в Париже состоял членом группы с.-р. Охранку осведомлял из Лондона через некоего «Линдена» **. До 1905 г. к дознанию по политическим делам не привлекался. В 1908 г. привлечен по делу с.-р. в Харбине, где служил. Приговором Харбинского Окружного суда, подтвержденном Иркутской судебной палатой приговорен к ссылке на поселение. Пробыл около 5 лет в тюрьме, затем был сослан в Якутскую область. В конце 1911 г.

* «Антон» — чиновник Департамента полиции А. Литвин.
** «Линден» — тот же чиновник Департамента полиции А. Литвин.

вступил в число сотрудников Иркутского губернского жандармского управления под кличкою «Амурец». Причина — во-первых, тяжкие испытания (почти одновременная смерть двух близких лиц; тяжелая личная драма); во-вторых, тяжкая болезнь — воспаление надкостницы, воспаление уха, начало чахотки. В 1912 г. из ссылки бежал в Краков, затем в Париж. Оттуда сам написал письмо жандрамскому полковнику в Иркутск. Вследствие этого письма вызван «Линденом» на свидание в кафе и заагентурен снова, под кличкою «Вебер» за 300 или 450 фр. в месяц. Ему предложено было освещать с.-р. «Я почти умирал, это заставило меня согласиться вторично». По словам Селиванова «отчеты его были фантастичны и в Париже и в Лондоне». Признался, что освещал в Париже с.-р., в Лондоне с.-р. и с.-д. — большевиков, пользуясь сведениями от гражданской жены — большевички, не подозревавшей его роли. Освещал Н. П. Высоцкую, Литвинова, Клышко, Макушина. Боготранца, Максимова, Сомова, который рекомендовал его на завод Виккерса браковщиком от русского правительственного комитета по военным заказам. В Париже был близок с Бурцевым, указал ему на некоторых провокаторов в Сибири: «Франка», «дядю Ваню» и др., но одновременно освещал и самого Бурцева. «О Бурцеве, — показал Селиванов, — охранке я сообщал мало. Бурцев давал мне опускать письма, я их не читал».

Селиванов оказывал услуги и лондонской секретной полиции «Скотланд-Ярду», сообщая сведения о русских революционерах: некоторых из них оговорил, навлекая на них подозрение в военном шпионаже. Селиванов обладает большими сведениями в военной технике. Нередко именовал себя бывшим морским военным инженером. Хорошо знает подробности устройства многих австро-германских крепостей (Кракова, Кенигсберга), планы которых умело исполняет от руки. Жизнь и личность Селиванова подлежали бы более полному обследованию.

В своей исповеди Селиванов заявил, что он — «один из служивших народу, но согнувшихся под тяжелой ношей в момент слабости, но не павших. Нет. Я себя охранником не считаю... и не был им (!).. Я не умаляю своей вины, она велика, но я не охранник. Печально, что революция не протянула руки поскользнувшимся, не помогла встать тем, кто хотел и мог встать». В свое оправдание Селиванов ссылался на чахотку, измученность и угрозы со стороны жандармов выдать его революционерам.

Под кличкою «Ней» работал сперва в Бельгии, потом в Англии Василий Григорьев Гудин, сын крестьянина Муромского уезда, бывший студент Петербургского технологического института; родился в 1880 г. Заагентурен в 1902 г. В 1905—1906 гг. Гудин передал свой паспорт другому лицу — революционеру, студенту путейцу Ессену, на которого сам же донес. Ессен судился и был осужден по делу военной организации к ссылке на поселение под именем Гудина. Долгое время жил в Бельгии, в Льеже. Состоял в

с.-д. группе. Женат на бельгийке Жанне Гейне. Освещал из Бельгии местное рабочее движение и русскую эмиграцию.

Во время войны из Бельгии переехал в Англию, где вскоре, по рекомендации Аладьина, получил место лектора русского языка в одном из колледжей Ливерпульского университета. Состоял в партии с.-д. (большевиков), хотя охранное отделение советовало перейти к с.-р. Сносился с Гартингом и Красильниковым, а в Англии с Литвином. В Англии освещал Литвинова, Покровских, Платона Лебедева, Гольденберга, Аладьина.

На допросе много путал и лгал, но, при предъявлении документов и его же писем к Литвину, признался не только в охранке, но и в том, что он старый секретный сотрудник (с 1902 г.). Получал жалованья 400 фр. в месяц.

Под кличкою «Сименс» в Лондоне работал Алберт Михайлов Цугарман-Орлов, уроженец местечка Коссово, Гродненской губ., 32 лет, жил в Екатеринославле и Варшаве. В 1907 г. бежал от военной службы из Казани, тотчас уехал за границу в Гулль, потом в Лондон. Признал себя виновным в том, что был сотрудником заграничной агентуры на жалованьи сперва 10, а потом 17 фунтов стерлингов в месяц. По его показанию работал с 1912 г. Подполковник Люстих показал: «с сотрудником «Сименсом» я корреспондировал по адресу А. Орлова. Первоначально я его получил под фамилией Сляк в 1912 г. Его настоящая фамилия Цугарман». По показанию Орлова, первые три месяца по поступлении на службу он полагал, что сможет получать деньги, не давая сведений; но затем явился некий Эмиль Лео, который дал ему советы, как они должны работать для охранки, советовал посещать анархистский клуб, узнавать людей и сообщать им сведения о тех лицах, о которых они будут его запрашивать. Такие сообщения он и посылал на имя Эмиля Лео в Париж. Освещал белостокскую анархистку Фриду Финкельштейн, Теплова, Ивана Скулевского, анархиста Григория Исакова Лебедева, Нильсона, главным же образом анархистов. Орлов, по его рассказу, путался наполовину с ворами, наполовину с анархистами. В одной компании он встречался с шайкою в 8 человек: некий Юська, Петр Маляр («Питер Пэйнтер»), Муромцев (вскоре убитый) и др. Орлов был уверен, что последние два — русские охранники. Эта компания ограбила магазин сукна и дала за молчание Орлову несколько костюмов, затем ограбила магазин золотых вещей. Потом произошло знаменитое убийство в Гаунсдиче в Лондоне. Участники дела скрылись. Через неделю Орлова вызвали в Париж телеграммою, и Эмиль Лео потребовал сведений об этом деле, расспрашивал о «Питере Пэйнтере» и приказал, если будут найдены, не выдавать их английским властям. Вернувшись в Лондон, Орлов снова нашел письменный приказ от Лео — не выдавать. Явился к генеральному консулу барону Гейкину, который объяснил, что долг Орлова сообщить все, что знает, английским властям. Орлов так и поступил, за что получил от английской полиции 163 фунта стерлингов (1630 руб.) награды.

Парижская охранка сделала ему выговор и вскоре уволила. Орлов нуждался в деньгах и сам написал об этом Красильникову. Тот вновь принял его. Орлов вскрывал письма Литвина, делал выписки.

После революции написал шантажное письмо Красильникову. Освещавший социальные низы Лондона Цугарман-Орлов — самый низкопробный, полууголовный провокатор.

VII. СЕКРЕТНЫЕ СОТРУДНИКИ В ШВЕЙЦАРИИ, ГОЛЛАНДИИ И АМЕРИКЕ

Секретными сотрудниками в Швейцарии руководил жандармский ротмистр Лиховский, командированный в распоряжение Красильникова 5 июля 1915 г. и находившийся в Швейцарии до 29 марта 1917 г. Последнее время, по его показанию, имеем дело с тремя сотрудниками, ранее их было пять.

По национальным организациям в Швейцарии работал сотрудник «Лебук». Эту кличку носил инженер Минас Степанов Санвелов, он же Санвелян и Самуэлян, армянин, мещанин г. Кизляра, Терской области, 37 лет, не принадлежавший, по его словам, ни к какой партии. По показанию Лиховского, Санвелов проживал в Женеве и заведывал редакцией «Дрошака». Санвелов показал, что редактором «Дрошака» он не был, но в редакции бывал и помогал по хозяйственной части. Как секретный сотрудник «Лебук» получал по 650 фр. в месяц. В 1915 г. «Лебук» уезжал в Россию, на что получил пособие — 600 фр. на дорогу и 800 фр. на семью. Красильников в телеграмме о призыве Санвелова на войну, характеризовал его так: «Лебук — дашнак. Последнее время исполнял особые, порученные ему партией обязанности, имеет солидные связи среди главарей партии; ...преданный делу, заслуживающий доверие сотрудник, готов продолжать сотрудничать, если позволяют условия службы»...

По показанию Санвелова, он действительно давал сведения о политической эмиграции. О своей кличке «Лебук» не знал, сам же подписывался — «Козлов». Вошел в сношения с охранкой в 1910 г. в Баку с полковником П. П. Мартыновым. В жандармском управлении ему предложили за 50 руб. проверять переводы с армянского. На свидания с ним ходил Безсонов, потом Мартынов. Последний потребовал доклад об армянских организациях в Баку, угрожая административной ссылкой. «У меня дней 7—8 тому назад родила жена, я имел малый заработок. Я надеялся одурачить жандармов и согласился. На основании воспоминаний 1901 г. я написал доклад о людях, бывших в то время в Турции. Мне предъявили карточки ряда лиц и зачислили их в Дашнакцутюн». В 1913 г. Мартынов вызвал Санвелова в Варшаву и предложил работать в Галиции. Санвелов отказался. В том же году, от имени какого-то Белецкого, по выражению Санвелова, жандармский железнодорожный полковник Ахмахметьев предложил ему ехать в

Париж. Жалованья было положено 500 фр. и на дорогу 200 руб. Санвелов вызвал из Парижа «Линдена», *, который изъявил согласие на его жительство в Женеве... До апреля 1916 г. Санвелов, по его словам, ходил на рефераты в Женеву и отсылал в Париж издаваемую в Швейцарии революционную литературу. Жалованье ему шло 532 фр. В 1915 г. был добровольцем на Кавказском фронте, но был освобожден по болезни, поехал с Кавказа в Петроград к Глобычу **. Этот дал ему 300 руб. и отправил за границу. Из Женевы снова написал Сартелю ***. Явился молодой человек Адрианов, сказал, что посылать рапорты в Париже по почте невозможно и что он будет посылать их сам.

Это был жандармский ротмистр Келлер, сменивший Эргардта. Сказал мне, что нужно отличать пораженцев от оборонцев. Санвелов имел сношения с женевским консулом Горностаевым и уполномоченным в делах Бибиковым. Последнему Санвелов доносил на турецкого агента Джелал-Абогаджиева. Осведомлял Красильникова «об обществе интеллектуальной помощи военнопленным».

По показаниям Санвелова перед комиссией эмигрантов он освещал журнал «На чужбине», руководителя его Диккера, Баха, «Валериана» (Лебедева), из анархистов Сергея Зегелидзе, Лонтадзе и др. Сообщал фамилии пленных, которым нравились революционные издания. Освещал Бачинского и журнал «Revue Ukrainienne».

Другим женевским сотрудником состоял «Шарпантье», работавший ранее под кличкой «Жермэн». Это был инженер, специалист по сельскохозяйственным орудиям — Абрамов Исаак Леонтьев, он же Ицкох Лейбов, 44 лет, жил в Женеве, не эмигрант. Охранка имела его адреса: в 1912—1914 гг. — Франкфурт-на-Майне, в 1915 г. — Веггис на Фирвальдштетском озере в Швейцарии, вилла Розенгартен, но уже не инженеру Абрамову, а г-же Сарре Абрамовой. По этим адресам посылались «Шарпантье» деньги и распоряжения. При допросе 12 июля женевским комитетом эмигрантов, Абрамов показал эмигрантам Полякову и Назар-Беку, что никогда никакого отношения к охранке не имел, что жил в 1902 г. в Гладбахе и Ганновере, с 1903 по 1909 г. в Берлине, с 1909 по 1913 г. в Мюнхене, в 1914 г. (до апреля) во Франкфурте-на-Майне, с апреля 1914 г. до мая 1915 г. в Вене. Выехал из Вены благодаря Рязанову, который рекомендовал его, как больного товарища — социалиста. С мая по сентябрь 1915 г. жил в Люцерне, с сентября 1915 г. — в Женеве.

При допросе 9 августа 1917 г. в Берне, Абрамов отрицал свое отношение к охранке, но подтвердил последовательно свои адреса и назвал женевский: ул. Бергалон, 7. По утверждению члена следственной комиссии в Париже по этому, именно, адресу посы-

* «Линден» — помощник Красильникова по Англии.

** Глобычев — начальник петроградского охранного отделения.

*** Сартель, 79, ул. Гренель — один из условных адресов заграничной агентуры в Париже.

лались провокатору «Шарпантье» деньги. Абрамов показал, что был в группе содействия с-р. в Берлине и в Мюнхене. Признавал, что вел письменные занятия по группе «Призыв», но отрицал звание секретаря. При предъявлении подписи: «Секретарь И. Абрамов» признал ее своею.

В Парижском архиве заграничной агентуры от 16 сентября 1913 г. сохранилось письмо сотрудника «Жермэн» за подписью «Жрм», следующего содержания: «Вам известно, что я в 1909 г., вместе с многими моими товарищами, был в Берлине выслан из пределов Пруссии за участие в различных политических кружках, собраниях и т. д. словом за, по их немецкому выражению, politische Umtriebe *. В Мюнхене мы спокойно прожили 4 года... Когда же в Мюнхене, с одной стороны, революционная деятельность почти прекратилась, колония ослабевала, приток новых русских студентов приостановился, а с другой стороны, мое пребывание там не могло быть больше мотивировано перед товарищами, то как Вам известно, с Вашего же согласия, я перекочевал сюда и поселился в Оффенбахе близ Франкфурта, хотя езжу туда на работу каждый день, так как это находится уже в герцогстве Гессен — Дармштадском, а не в Пруссии. Как видите, прожил я столько месяцев относительно спокойно. Я говорю относительно потому, что, несмотря на весь «либерализм» гессенского министерства, приходилось каждый день таскаться в полицию из-за разных документов.

Но так как у меня все в порядке, то я и не обращал на это особенного внимания. Как вдруг третьего дня грянул ужасный для меня гром. Меня позвали в полицию и заявили, что в 4-недельный срок я должен оставить пределы Великого герцогства Гессенского... Полиция не слушала никаких резонов, ссылаясь на отношение прусских властей... Безумнее всего то, что высылается и жена, хотя она из Пруссии не была выслана». «Жермэн» видел выход в прошении об отсрочке выезда на 1 год. Кроме того, указывает далее «Жермэн» «необходимо, чтобы русская миссия под видом, якобы, того, что русская заграничная агентура заинтересована следить за мной, просила гессенское «Staats—ministerium» **, чтобы оно, если поступит от меня прошение об отсрочке и т. д., удовлетворило ее. Быть может, этот модус в конспиративном отношении не особенно хороший, но у меня сейчас в голове все идет кругом, и я ничего другого придумать не могу, а дело спешное. Подумайте, мой друг, как меня выручить». При письме был адрес: инж. Абрамов, 66, Грюненбург-вег. Франкфурт-на-Майне.

Таким образом, виновность Абрамова выясняется из сопоставления произведенных выше данных, вопреки его упорному запирательству. Кроме того, имеются показания последнего начальника «Шарпантье», ротмистра Лиховского, который на допросе 30 мая 1917 г. показал, что «Шарпантье» это Абрамов, секретарь

* Политические интриги или происки.
** Министерство внутренних дел.

женевской группы «Призыв», имевший заграничный паспорт, выданный в Одессе 15 лет тому назад, проживал в Женеве». Подполковник Люстих показал 8 июня 1917 г.: «Шарпантье носил раньше кличку «Жермэн», по моему мнению старый сотрудник». Наконец 14 августа Лиховский доложил письменно: «В числе сотрудников бывшей парижской агентуры в Швейцарии у меня находилось лицо под кличкой «Шарпантье». В действительности это есть инженер Исаак Абрамов, происходящий из Одессы, откуда выехал за границу около 15 лет тому назад. Службу в качестве сотрудника начал в Одессе же. Несколько лет проживал в Берлине, затем в Австрии, где был застигнут настоящей войной, задержан в качестве военно-пленного и вскоре, вследствие ходатайства какого-то крупного революционного деятеля перед австрийскими властями, был освобожден и выехал в Швейцарию. По приезде моем туда же, в августе 1915 г., Абрамов проживал в какой-то местности близ Цюриха или Берна и в сентябре того же года, с моего разрешения, переехал в Женеву и вошел в состав эсеровской группы «Призыв», в коей впоследствии исполнял обязанности секретаря, о деятельности последней Абрамов и давал мне сведения»...

Через 6 дней после допроса Абрамов, с паспортом, полученным, видимо ранее, переехал французско-швейцарскую границу, направляясь через Норвегию в Россию. Союзническое бюро в Париже, имея сведения, что Абрамов, покинувши Женеву, побывал в Цюрихе и Люцерне для получения инструкций от новых хозяев, задержало его во Франции.

Следующий российский «швейцарец», носивший кличку «Поль», был латыш Янус Эрдманов Шустер (он же Иван Германов); родился в 1883 г.; происходил из крестьян Эдваленской волости, Виндавского уезда, был привлечен по 100 и 102 ст. Уголовного Уложения газенпотским судебным следователем.

В 1910 г., находясь в Берне, обратился к местному русскому посланнику с письменным сообщением от имени «Волкова» о весьма важном деле — конференции «Воймы» в Цюрихе и пр. В ноябре 1910 г. Шустер уже состоял в числе секретных сотрудников заграничной агентуры под кличкой «Новый», а потом «Поль». Жалованья получал сперва 250 и 300 фр., а потом 600 фр. в месяц. Доклады Шустер представлял сперва жандармскому ротмистру Келлеру, потом Лиховскому. Донесения его касались Цюрихской большевистской группы РСДРП, социал-демократического Союза Латышского края и, за последнее время, вплоть до февраля 1917 г., Женевской группы «Призывовцев».

По официальному свидетельству Красильникова Шустер «отличался своим рвением и усердной работой и заслуживал помощи и поощрения». В феврале 1917 г. Шустер жил около Цюриха. Шустер до разоблачения выбыл в Россию по объявлении амнистии, как политический эмигрант. Ныне находится в России.

За отсутствием документов, неприбывших из Парижа, очень

мало сведений имеется о провокаторе «Мартэн». Эту кличку носил Арон-Яков Хаимов — Ицков Модель, студент-медик базельского университета, ныне врач. В феврале 1916 г. выехал в Россию, где и был зачислен в армию *.

Последний «швейцарец» — это анархист, на самом деле секретный сотрудник под кличкой «Шарль» (по легальному паспорту Полонский), на самом деле, сын купца Бенцион Долин, уроженец Житомира, жил и работал в Цюрихе. Был заагентурен на родине жандармским офицером Эргардтом, который перевел его за границу. Вместе с «Орликом» освещал анархистов. В конце апреля 1917 г. застрелился в Одессе до своего официального разоблачения, изложивши предварительно в Петрограде свою исповедь Бурцеву. Согласно этой исповеди, Долин был юношей, когда его арестовали и обманом вырвали у него сведения, компрометирующие его знакомых. Угрозой раскрыть это его невольное предательство охранники и жандармы начали его тогда же шантажировать и никогда более не оставляли его в покое. За то, что не давал жандармам сведений, Долина не раз арестовывали и длительное время в ужасных условиях держали в тюрьме. Но Долин ни тогда, ни после, никогда не имел мужества признаться своим товарищам, ни в своем первом невольном грехе, ни в том, что он продолжал видеться с охранниками. По словам Долина, он бежал от жандармов за границу, но они и там не оставляли его в покое и под угрозой разоблачения держали его около себя.

«Эргардт, очевидно, имел большой интерес выдавать меня за своего важного агента в глазах начальства и не оставлял меня даже тогда, когда это для него было, казалось, бесполезно».

По словам Долина, он в 1913 г. заявил угрожающе Эргардту, что более давать сведений не будет. До этого Бурцев предупреждал анархистов, что есть какие-то темные указания на охранные сношения Долина, но товарищи горячо защищали Долина.

В октябре 1914 г. в сношения с Долиным вступило одно лицо, которое свело его с братом своим, жившим в Милане под псевдонимом Бернштейна. Последний предложил Долину организовать группу революционеров для совершения в России террористических актов, взрывов мостов и т. д. Переговоры с Бернштейном Долин вел совместно, вначале с Эргардтом, вызванным из Парижа, а затем с Литвином, которые выдавали себя за революционеров.

С Литвином он побывал в Бухаресте, и один уже — в Константинополе, с немецким паспортом купца Ральфа. В Бухаресте имел сношения с немецким военным аташе майором Ф. Шеллендорф, в Константинополе — с военным агентом Ф. Лаферт и сотрудником «Локаль Анцейгера» — Люднером. В декабре 1914 г. Долин делал уже в Петрограде доклад директору Департамента полиции

* С 1908 г. Модель находился на службе у витебского жандармского управления. В заграничную агентуру принят в 1911 г., когда был студентом Лейпцигского университета.

и товарищу министра внутренних дел генералу Джунковскому. В мае 1915 г. Литвин и Долин были уже в Берне у военного германского агента графа Бисмарк. Долину были даны задания — дезорганизовать Архангельский и Мурманский порты, уничтожить дредноут «Мария» и убить министра иностранных дел Сазонова. К маю 1916 г. Долин был в Петрограде и пытался заманить туда германских агентов. Департамент полиции передал, якобы, дело военным властям, но не свел Долина с последними. Тогда тот в конце июля 1916 г. выбыл в Одессу, в сентябре, как ратник II разряда, был принят в дружину, служил в Одессе, а затем в Харькове. 25 февраля освобожден от военной службы по болезни. По словам Долина он разновременно получил от немцев 50 000 фр. Красильникову передал 15 тысяч, директору Департамента полиции Васильеву тысяч 35, а они уже давали на расходы, но в недостаточной мере. Приходилось тратить из собственных средств.

Смысл этой истории заключается в том, что Департамент полиции хотел спровоцировать немецких агентов, но, судя по тому, что «Мария» была взорвана, а Архангельский порт терпел неоднократные взрывы, можно думать, что вышло совсем наоборот.

Красильников дал о Долине следующие показания: «Сотрудник «Шарль» ездил в Россию два раза. Первый раз он ездил с Литвином и вернулся вскоре после смерти Эргардта. При второй его поездке участие Литвина было признано нежелательным, и все дело было передано военной разведке. Точные даты поездок могут быть установлены по телеграфной книге, так как о выезде «Шарля» всякий раз телеграфировалось. Лично я «Шарля» не знал. Его знал хорошо Эргардт, который был с ним знаком по Житомиру. Я увидел «Шарля» впервые после смерти Эргардта. У «Шарля» был произведен обыск, как мне известно от вице-директора Департамента полиции Смирнова; что «Шарль» руководился лично материальными мотивами, меня не удивляет: эта сторона у него сильно развита».

Бурцев считал Долина революционером, жертвою охранки, который стал провокатором по несчастью *.

В Голландии работал во время войны некий «Космополит». Подлинная его фамилия и имя были: Адольф, он же Гермaнт Орловский, бывший студент петербургского Лесного института. С июня 1912 г. значился под названной выше кличкою в числе секретных сотрудников заграничной агентуры; получал ежемесячно по 200, 250 и наконец, 350 фр. Жил в 1913 г. в Брюсселе, в начале войны уехал в Лондон и затем обосновался в Голландии. Орловский освещал круг анархистов. Из Брюсселя он доносил о беспартийном студенческом клубе, участвовал в съезде «Братства вольных общинников», происходившем 4—11 октября 1913 г. в Париже; получил от охранки на поездку по этому делу 275 фр. После этого представил подробный доклад о заседаниях участников съезда.

* См. приложение № 9. (Из исповеди Б. Долина).

Подполковник Люстих на допросе показал, что анархист интеллигент Орловский и есть, именно, сотрудник «Космополит», что его жена близка с Аничкиным, председателем союза моряков и подозревалась в шпионаже в пользу Германии.

Переписка Люстиха, который получал письма на имя Эмиля Лео и Сержа Сартеля от своих сотрудников и отправлял инструкции за теми же подписями, была конфискована французской военной цензурой. Последняя установила, что Орловский в Гааге — агент, получающий инструкции от Эмиля Лео в Париже и регулярно посылающий ему сведения.

Возникшая по этому поводу переписка французской контрразведки привела к тому, что ею был вскрыт еще один агент «Лео-Сартеля», некий Мерке, от которого пришло в мае 1916 г. письмо на имя Сартеля аналогичного с письмами Орловского содержания: сведения о различных лицах, обозначенных инициалами, передача корреспонденции и денег через посредников и т. п., но общий тон, — отмечала контрразведка, — еще более враждебен.

В Северной Америке работали (до осени 1916 г.) «Женераль», «Гишон», «Анатолий» и «Люси». Из них кличку «Гишон» носил Николай Байковский, проживающий в г. Торонто (штат Онтарио) в Канаде, редактор «Родины»; подписывался Н. Рюссо. Поступил при Люстихе, в 1914 г. Получал 750 фр. в месяц. Писал, по отзыву Люстиха, много, но писания требовали тщательной редакции. Освещал «мазепинское движение».

Уманский мещанин Аврум (Абрам) Перцев Каган с июля 1910 по 1913 г. состоял секретным сотрудником при одесском и волынском жандармских управлениях по освещению деятельности социалдемократических организаций. Кличка его была «Анатолий». Вследствие призыва на военную службу прекратил работу. В 1916 г. Каган находился в Нью-Йорке, откуда писал жандармскому офицеру Заварзину, снова предлагая свои услуги. По предложению Департамента полиции заграничная агентура приняла Кагана в число своих агентов. Денежная корреспонденция шла на имя Абрама Каган, через адрес Лернера, т. е. на это имя записывался чек, адрес же оставался указанный выше. «Анатолий» освещал «Бунд», давал сведения о приезде Троцкого и т. д. Таким образом, мы видим, что под кличкой «Анатолий» скрывался Аврум Каган. Жалованья получал он 500 фр. в месяц.

О провокаторстве «Люси», носившем, как мы видим, женскую кличку, подполковник Люстих показал: «Это Жорж Патрик, носивший ранее кличку «Невер». Он освещал с.-р. организации в Америке, также и анархистов. Адрес: Нью-Йорк, до востребования. Получен мною от Красильникова очень поздно, так что я вел с ним переписку 4—5 месяцев. Красильников подтвердил, что «Люси» и «Невер» одно и тоже лицо». Таким образом, в лице «Люси» мы видим старого знакомого, с.-р. Патрика, который в 1913 г. был заподозрен Бурцевым и вынужден был поэтому уехать

в Америку, подальше от взора разоблачителя. В 1913 г. он носил кличку «Невер», а еще раньше женскую кличку «Марго». Старый преданный «сотрудник». Жалованья получал 1500 фр. в месяц.

VIII. СЕКРЕТНЫЕ СОТРУДНИКИ В ИТАЛИИ И СКАНДИНАВИИ. ФРАНЦУЗКАЯ КОНТРРАЗВЕДКА О СЕКРЕТНЫХ СОТРУДНИКАХ

В Италии к моменту революции 1917 г. работали два секретных сотрудника: «Франсуа» на Ривьере (Кави) и «Россини» в Риме.

Крестьянин Рязанской губ., Раненбургского уезда, Солнцевской волости, деревни Соловых, — Алексей Михайлов Савенков, 42 л., выехал из России в ноябре 1913 г. с паспортом на имя А. М. Соколова, выданным московским градоначальником по указанию московского охранного отделения. Отправился за границу по приказу начальника охранного отделения Мартынова с целью освещения политической эмиграции. И в Москве и за границей носил, как секретный сотрудник, кличку «Франсуа». В Париже явился к помощнику Красильникова Александру Владимировичу *, который назначил Савенкову жалованья по 500 фр. в месяц и предложил остаться ненадолго в Париже. Савенков чувствовал себя с.-р., встречался с ними в столовой. С 5 июля 1914 г. жил за Генуей в Кави-ди-Лаванья, получал жалованье от охранки через банк «Кредито Итальяно» в Генуе и Кьявари. Доклады посылал письменно на адрес Сержа Сартель в Париж. Освещал всех, кто жил в Кави, но лишь внешне, по словам Савенкова. Писал об Азанчевской, Колосове, Христиане-Шебедеве, с семьей которого был очень дружен, докторе Мандельберге, члене II Государственной думы, в Нерви, в 1916 г.

Кончил на родине начальное училище, в 1897 г. уехал в Москву, был арестован в 1906 г. в порядке охраны, потом обвинялся по 1 ч. ст. 103 и 1 ч. ст. 129 Уголовного Уложения и приговором Московской судебной палаты 1 мая 1907 г. осужден в ссылку на поселение. Был в селе Рыбном, Енисейской губ. и бежал в 1908 г. в июне, с фальшивым паспортом, полученным от красноярских с.-р. Служил в Москве в городском работном доме с 1910 по 1913 г. под фамилией Н. И. Михальчук. С февраля по июнь 1913 г. скрывался, так как узнал от дворника, что его хотят арестовать. 15 июня был арестован и под влиянием угроз полковника Мартынова и его помощника Д. Знаменского вынужден был ради получения свободы вступить в число секретных сотрудников. «В Москве, — показывал Савенков, — я не выдал никого». Знаменский угрожал арестовать четырех его знакомых: Ирину Дроздову, Г. Г. Юнина, И. А. Аверина и Н. Н. Зинукова. Чтобы спасти их, Савенков пошел в охранку. Сам о себе Савенков пишет: «Я лично никогда не был охранником, все это дело я ненавидел до глубины

* Очевидно Эргардту.

души, я был жертвой охранки, и она, я скажу правду, ничего от меня не получила». В январе 1916 г., уезжая из Кави, Е. Е. Колосов оставил ему свой адрес, который он, по его словам, не передавал Красильникову, просматривал же только раз с В. Лебедевым. Это было в связи с приездом итальянца Аверницы, которого подозревали в шпионстве *.

Римский осведомитель Красильникова был сотрудник «России», он же Яков Ефимов Вакман, он же Янкель Хаимов, 37 лет, мещанин Кишинева, окончивший ряд учебных заведений: в 1904 г. техникум в Вормсе (на Рейне), юридический и экономический факультет Женевского университета, доктор прав Римского университета и адвокат в Италии. Прослушал в Риме курсы уголовного розыска. Предложил свои услуги Гартингу из Швейцарии в ноябре 1906 г. По партийной принадлежности с.-р., освещал и из Швейцарии и (с 1912 г.) из Италии все группы, но, преимущественно, с.-р. Вслед за провалом Азефа был делегирован от с.-р. на конференцию, так что преемственность охранки по партии с.-р. не была прервана. Жалованья получал 600 фр. в месяц. Одно время за бездеятельность был наказан сокращением жалованья вдвое, но потом оклад был восстановлен. Освещал М. А. Ильина (Осоргина), Е. Е. Колосова и др. Пользовался большою любовью товарищей. Для многих из них разоблачение роли Вакмана было большой трагедией. Состоял до 9 августа 1917 г. членом Римского комитета политических эмигрантов. В качестве такового представился комиссару Временного правительства, при первом допросе лгал, отрицая вину, признаваясь только в переписке с «Сергеем Даниловичем Сартель» по вопросу об отбывании воинской повинности. На втором допросе, вынужден был признать свою службу в охранке с 1906 г. В исповеди ссылался на тяжелое материальное положение в 1906 г., на попытки уйти потом из охранки, остановленные боязнью оглашения сотрудничества со стороны самих жандармов. Сотрудником, по официальному отзыву, был довольно бездеятельным и вялым. Изъявил желание покончить с собою... путем поступления в сербскую действующую армию. Опубликованный в Риме эмигрантским комитетом возобновил свои связи в реакционно-посольских кругах и стал обвинять эмигрантский комитет в недобросовестном использовании сумм, предназначенных для возвращения эмигрантов на родину, а опубликовавших его товарищей — в занятии политическим сыском.

По сведениям эмигрантов, Вакман примкнул к тайному обществу «Святая Русь» **, поставившему своею целью реставрацию России. В своей исповеди Вакман изображает себя жертвой охранки, ссылается на большую помощь, оказывавшуюся им из охранного жалованья своим товарищам. Одною рукою он предавал, а

* Здесь Савенков говорит об итальянском агенте наружного наблюдения Инвернизи или Инверниццы, служащем Красильникова.

** Черносотенная, монархическая организация, образованная весной 1917 г. из числа русских монархистов в Риме.

другой — помогал. В прошении к военному министру, полученном 17 октября 1917 г., Вакман ссылался на то, что окончил 3 факультета, слушал уже 2 года четвертый, медицинский, просился в русскую армию, выражая уверенность, что и своим примером храбрости зажжет сердца товарищей по оружию (!). В оправдание свое в исповеди ссылался на то, что предал, собственно, всего лишь двух товарищей, которых ему тяжко называть; в общем же освещал лишь группы, а не отдельных лиц. Подполковник Люстих называет его (в 1915—1917 гг.) «слабым по лености сотрудником». Красильников назвал деятельность Вакмана бледной. Вакман много говорил, что кончит жизнь самоубийством: верный признак, что не сделает этого!

Скандинавской агентурой заведывал жандармский ротмистр Левиз-оф-Менар, проживавший по паспорту Беренса. Отдел был, в сущности, в периоде реорганизации. Однако, политическая эмиграция освещалась в Стокгольме секретным сотрудником заграничной агентуры, носившим кличку «Генерал» или «Женераль». Подлинное имя сотрудника, носившего столь генеральский охранный псевдоним, было Берко Янкелев (Гейсефов) Каган, он же Борис Осипов и Борис Вениаминов Коган, он же Залмон Ханмов Бергер, он же Андрей Максимович Андерсен, гражданин Соединенных Штатов Америки.

Ротмистр Левиз-оф-Менар получал от него доклады устно и письменно и знал его, как Андерсена. Подполковник Люстих показал на допросе: «Сотрудник «Генерал» раньше был в Америке, в Торонто, ныне (1917 г.) в Стокгольме. Мне известен под фамилией Андрей Андерсен; письма обычно шли на poste restante *. Был если не окончательно провален, то тронут, еще до переезда в Стокгольм. Освещал, преимущественно, Бунд. Никогда его не видел; женат, жена его, кажется, актриса в России. Получен мною по наследству от подполковника Эргардта. По-моему впечатлению Андерсен не настоящая его фамилия»... По отзыву Красильникова, очень старый сотрудник. Работу начал, повидимому, еще в России.

На допросе 7 сентября 1917 г. в Стокгольме показал, что родился в 1879 г. в местечке Креславка, Двинского уезда, Витебской губ. До 14 лет учился в Двинском ешиботе **, потом там же в еврейском ремесленном училище, откуда был исключен. В революционную организацию вступил 18 лет, все время (до 1917 г.) работал в Бунде, до 1902 г. в бундовской организации щетинщиков в Креславке в качестве организатора. В начале 1902 г. был арестован в Двинске, после 3 месяцев тюрьмы выпущен под надзор полиции. До октября 1902 г. работал в Минске, в организации щетинщиков, снова был арестован, сидел в минской тюрьме 1 год, оттуда сослан в Сибирь (Канский уезд, Енисейской губ.) на 3 года.

* До востребования.

** Ешибот — еврейская духовная семинария.

После 4 месяцев пребывания в с. Уринском бежал. Вернувшись в Минск, стал жить и работать в Бунде по паспорту Залмона Хаимова Бергер, причем в Кишиневе состоял при Комитете Бунда в транспортном отделе. Был арестован в 1903 г. под фамилией Бергер, сидел до конца 1904 г. в кишиневской тюрьме. Сослан в Восточную Сибирь на 8 лет. Вследствие войны, вместо Якутской области, попал в Енисейскую губ., откуда через 6 месяцев бежал и в мае 1905 г. прибыл в Двинск, а оттуда за границу. Побывал в Женеве. На допросе утверждал, будто бы жил там при типографии Бунда, но свидетель Мутник, член Бунда, категорически опроверг это показание. В 1905—1907 гг., вернувшись в Россию, разъезжал по Северо-Западному краю, состоя повидимому, уже секретным сотрудником. Затем в 1907—1909 гг., как член организации Бунда, жил в Париже, работая у Гартинга. По словам свидетеля Мутника, Каган много ездил это время по Франции, Швейцарии, Италии и Испании, хотя сам он говорил, что никуда из Парижа не выезжал. По словам Мутника, «объехал Каган все эти места со своей невестой, какой-то певицей, ныне живущей в Петрограде (фамилию ее тщательно скрывал) и жил на ее средства».

Из Парижа уехал в Америку в 1909 г. Во время проживания в Париже Красильникова не знал. «Его еще тогда не было», как выразился Каган, поправившийся затем: «о нем узнал только в Америке из разоблачений Бурцева». Прожил в Америке с 1909 по 1916 г. Зарегистрировался в Нью-Йорке, как Андрей Андерсен, и через 5 лет получил право американского гражданина под этим вымышленным именем. Из этих 6 слишком лет прожил 2 года в Канаде, в г. Торонто и затем жил в Детройте. По показанию Кагана, он жил в Америке до 1 июля 1916 г., откуда, якобы, 14 июля прибыл в Стокгольм, желая проехать в Россию за невестой, чтобы ехать вместе в Америку. Свидетель Мутник показал, что Каган приехал в Стокгольм не 14 июля, а 19 июня 1916 г. Задержался Каган в Стокгольме, якобы из-за торговых дел. С октября 1916 г. был членом бундовской организации, а затем и членом эмигрантского комитета в Стокгольме. В комитете Каган состоял до самого допроса его комиссаром Временного правительства (в сентябре 1917 г.), хотя в газете «Речь» в начале августа и было напечатано, что в Стокгольме есть секретный сотрудник Каган.

По поводу предъявленного к нему обвинения, Каган-Андерсен «заявил категорический протест и требовал немедленной реабилитации». Однако же, на другой день после допроса, бежал в Гетеборг и сел на пароход, идущий в Америку...

Каган не подозревал, что, кроме прямых, обличающих его показаний его прямого начальства, имеется дело французской контрразведки по поводу перехваченной военной цензурой переписки его с подполковником Люстихом (он же «Эмиль Лео»). В этом «деле» обозначено: «Корреспонденция некоего Эмиля Лео (Париж, 79, ул. Гренель), с его агентом в Швеции, Голландии и

Америке. В одном письме, захваченном ранее, в июне 1916 г. Андрей Андерсен писал Эмилю Лео, сообщая, что он только что прибыл из Америки в Стокгольм и просил у него инструкций и денег. Он делал ему отчет о своем путешествии, о встрече на пароходе с некоторыми подозрительными личностями и о встречах в Стокгольме с многочисленными русскими подданными, прежними знакомыми по революционным и сионистским группам. Он проявлял большое беспокойство, боясь увидеть свое истинное имя разоблаченным кем-либо из своих старых друзей, с которыми он, повидимому, вошел в сношения по прибытии и которые приняли его довольно холодно, ибо приезд его из Америки, под предлогом свидания с родными, казался им подозрительным»...

Подробность, которую отмечала французская контрразведка: «Некоторые из этих революционеров, почти все занимались деятельно коммерческими делами (прилагаемое письмо устанавливает точно этот факт, в частности, торговлю с Германией)».

Наконец Андрей Андерсен уведомлял Эмиля Лео, что он, к несчастью, уничтожил партийные документы, бывшие в его распоряжении, потому что он думал, что должен вернуться в Россию... По этому поводу можно высказать предположение, что Каган-Андерсен, едучи из Америки, не знал, что его ждет в Стокгольме приказ из Парижа — остаться для освещения в Скандинавии.

Во втором письме, равным образом перехваченном цензурою, Андрей Андерсен давал отчет Эмилю Лео о своей деятельности в Стокгольме и настойчиво просил у него денег, ибо истратил все, что имел, на свое путешествие и пребывание в Стокгольме. Он проявлял снова живое беспокойство по поводу разоблачений, которые ему угрожали со стороны старых товарищей и единоверцев. Он давал важное сообщение, полученное им при посещении выше названных революционеров; «один из русских депутатов, принимающих участие в думской делегации, посланной для посещения союзных стран, привез в Стокгольм ряд политических и административных документов, похищенных из министерства внутренних дел и военного министерства в России, и передал эти сведения и похищенные документы русским революционерам в Стокгольме, которые предполагали опубликовать их в форме брошюр, чтобы опозорить русское правительство в глазах мира».

Из-за недостатка нужных средств, опубликование не осуществилось, и Андерсен сообщал, что он дал им совет послать эти документы в Америку, где они легче могли бы быть опубликованы. «Таким образом, — писал он Лео, — мы, может быть, сумеем заполучить документы, ибо все путешественники обыскиваются в Англии»... Французская контрразведка отмечала «антинациональные тенденции корреспондентов Лео, которые почти все — русскоподданные евреи (некоторые из них, как Андерсен, например, пишут по-русски неправильно)».

Французская контрразведка считала нужным отметить:

«1. Сердечный тон и очевидное товарищество Эмиля Лео и его корреспондентов в их взаимных письмах.

2. Посылку относительно крупных сумм денег Эмилем Лео его агентам.

3. Факт, что все эти русские революционеры — почти без исключения еврейского происхождения и имеют этические, религиозные и даже коммерческие причины предавать Россию в пользу Германии»...

Из двух писем, захваченных ранее и полученных в настоящее время, французская контрразведка делала вывод, что Андерсен в Стокгольме и Орловский в Гааге суть агенты, получающие от Эмиля Лео инструкцию и регулярно посылающие ему донесения. Андрей Андерсен, кажется, кроме того, возвратился из Америки для исполнения специального поручения.

«Возможны два объяснения:

1. Эмиль Лео и его агенты могут служить русскому правительству, наблюдая за революционерами за границею благодаря отношениям, которые создаются у них с революционерами в качестве единоверцев.

2. Эмиль Лео и его агенты могут создавать революционное предприятие, и их деятельность среди русских групп в Швеции, Голландии и т. д. может иметь целью собирание сведений и исполнение специальных поручений.

В первом случае (служба русскому правительству) следовало бы получить официальное уведомление по поводу этой переписки, дабы она была немедленно освобождена от почтовой цензуры».

24 июля 1916 г. прибыло из Америки и подверглось вскрытию заказное письмо на адрес Сержа Сартеля, 79, ул. Гренель. Но это — констатировала контрразведка — адрес Эмиля Лео, который в своей переписке с Орловским (агентом в Голландии) подписывался «Сер», т. е. тремя первыми буквами имени «Серж». «Отсюда ясно, что Эмиль Лео и Серж Сартель — одно и тоже лицо». Отсюда ясно, что и Меркс из Голландии, тоже агент Лео, ибо он писал на адрес Сержа Сартеля. Тон письма Меркса и тон письма из Америки показался французской контрразведке слишком враждебным России, так что она заподозрила, не работают ли эти люди и на революцию, предавая ее, и на правительство, предавая его революционерам.

Дело, конечно, выяснилось, французское военное ведомство узнало то, что знало давно французское министерство внутренних дел, т. е. факт существования бюро Красильникова в здании консульства.

Итак, как мы видим, наглое заявление Кагана-Андерсена, упорно отрицавшего свою виновность, опровергается не только заявлениями его начальства, но и документами, совершенно несомненными. Каган-Андерсен очень дерзкий, наглый и хитрый, бесчестный человек. Живет теперь в Америке. Имеет родственников в Нью-Йорке.

—·ООО—

Подводя итоги в цифровом отношении, мы должны отметить, что нами даны выше более или менее достаточные сведения о восьмидесяти трех сотрудниках заграничной агентуры, работавших на охранку в течение преимущественно последних 10 лет (1907—1917). По национальностям провокаторы и предатели распределяются следующим образом: из 85 человек — русских 32, евреев 32, неизвестной национальности 5 чел., французов — 4 чел., латышей — 3, литовцев — 2 и по одному — итальянцу, грузину, армянину, украинцу, поляку, румыну; кроме того, один немец (барон Штакельберг).

По партийной принадлежности, или точнее — по партиям, которые освещались «сотрудниками», последние распределялись так: больше всего было сотрудников, освещавших социалистов-революционеров, — 39 чел., причем, преимущественно с.-р. занимались 30 сотрудников, три человека вышло из среды с.-р. максималистов; двое освещали и с.-р. и с.-д. большевиков; трое стремились освещать «террористов» вообще, под которыми они понимали и могли понимать лишь социалистов-революционеров; один освещал с.-р. и военные организации.

На первом месте за с.-р. по степени привлекаемого ими внимания тайной полиции, шли анархисты и с.-д. — по 10 сотрудников, причем 7 чел. освещали с.-д. вообще, а 3 чел. — большевиков. Специально «Бунд» освещался одним провокатором. Исключительно Бурцева пытались освещать 9 человек (два из них освещали и с.-р.). По одному провокатору было в грузинском, армянском и украинском движении. Один освещал и польское движение, хотя о поляках получались сведения от ряда других сотрудников (попутно). Три человека освещали эмигрантов вообще. Специально два человека следили за морскими организациями. Функции четырех не вполне ясны. Один освещал связь французского и русского социализма.

По морально-общественному значению провокаторов, на первом плане нужно поставить зловещую фигуру Евно Азефа. За ним идут такие люди, как член I Государственной Думы Выровой, Абрам Гекельман-Ландезен-Гартинг. За ними — старые многолетние партийные работники: с.-д. Житомирский, с.-р. Загорская, с.-р. Абрамов и многие другие.

Кроме регулярных сотрудников, было немало и предлагавших услуги, тех, о ком народоволец Клеточников, проникший в 1880 г. в 3 отделение, писал товарищам-революционерам «такой-то просится в шпионы».

ЗАПИСКА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАЧКОВСКОГО *

Потомственный дворянин, действительный статский советник Рачковский, получив образование домашнее и не имея чина, поступил на службу в 1867 г. младшим сортировщиком Киевской губернской почтовой конторы, затем состоял на службе в канцеляриях: Одесского градоначальника, губернаторов Киевского, Варшавского и Калишского, а также в канцелярии X департамента правительствующего сената; в 1877 г. был назначен судебным следователем по Архангельской губернии, а в 1878 г. от этой должности уволен по прошению. Оставшись вследствие того без средств, Рачковский поместился в качестве воспитателя в доме генерал-майора Каханова и вместе с тем стал заниматься литературным трудом, посылая корреспонденции в разные газеты, с апреля же 1879 г. взял на себя заведывание редакцией вновь появившегося тогда журнала «Русский еврей». В 1879 г. в III отделении собственной его императорского величества канцелярии были получены сведения о близком знакомстве Рачковского с некими Семенскими, которые обвинялись в укрывательстве Мирского после совершения им покушения на жизнь генерал-адъютанта Дрентельна; кроме того, имелись агентурные сведения, что Рачковский пользуется в студенческих кружках репутацией выдающегося революционного деятеля. В виду этого он был подвергнут обыску, аресту и привлечению в качестве обвиняемого к дознанию о государственном преступлении. Дело это в том же году было прекращено, так как Рачковский выразил готовность оказывать государственной полиции агентурные услуги.

Рачковский вслед за этим был разоблачен, как секретный агент, революционным кружком при содействии одного из членов этого кружка Клеточникова, служившего в III отделении собственной

---

* Записка была найдена в бумагах Плеве и 24 января 1905 г. представлена товарищем министра внутренних дел Дурново Николаю II. На записке имеется следующая надпись рукой Николая II: «Желаю, чтобы вы приняли серьезные меры к прекращению сношений Рачковского с французской полицией раз навсегда. Уверен, что вы исполните приказание мое быстро и точно».

его величества канцелярии, поэтому вынужден был скрыться на некоторое время в Галицию, где проживал около 2-х лет. В 1881 г., после злодеяния 1-го марта с учреждением в гор. С.-Петербурге так называемой Священной дружины Рачковский принимал в ней деятельное участие (отсюда его близкое знакомство с князем Белосельским). В 1883 г. Рачковский был причислен к министерству внутренних дел с откомандированием в Департамент полиции и весной 1884 г. послан в Париж для заведывания заграничной секретной агентурой означенного Департамента. В первое время пребывания в Париже* Рачковский доставлял Департаменту полиции весьма ценные данные, касающиеся революционного движения не только за границей, но и в России. Завязав агентурные сношения во Франции, Швейцарии, Лондоне и Берлине, Рачковский был весьма осведомленным о составе и планах подпольных кружков. Создав себе в Париже весьма авторитетное положение, Рачковский сумел добиться преследования преступных замыслов против русского правительства и за границей. Так, в 1890 г., благодаря собранным им и сообщенным французским властям сведениям, в Париже были арестованы и подвергнуты тюремному заключению лица, изготовившие разрывные метательные снаряды для отправки их в Россию. Благодаря своему положению в Париже, Рачковскому посчастливилось сыграть известную роль в деле укрепления дружественных отношений России с Францией. Под влиянием успеха в этом Рачковский стал злоупотреблять своею близостью к лицам, стоявшим во главе французского правительства, и позволять себе вмешательство в дела международной политики. Приписывая себе несоответствующее его положению значение руководителя отношений между Россией и Францией, Рачковский стал весьма небрежно относиться к своим обязанностям по Департаменту полиции. В течение нескольких последних лет доставлявшиеся им в этот Департамент сведения стали отличаться крайней скудностью, вращаясь в области общих отзывов о подпольных течениях и греша отсутствием указаний на конкретные факты. Кроме того, в нарушение долга подчиненности, не только без разрешения, но и без ведома министерства внутренних дел предпринял в минувшем 1902 г. в Париже газетную кампанию от имени несуществующей «Лиги спасения русского отечества», стремившуюся, по его соображениям, укрепить наш союз с Францией и обратить ее общественное мнение против проживающих во Франции русских эмигрантов-революционеров и их преступных замыслов. Недостойные авантюристы, с которыми он сошелся для этой цели, отсутствие серьезного основания в его предприятии и ничем не ограниченная уличная реклама, к которой он прибегал и в которую он дерзнул облечь даже священное имя державного создателя двойственного союза,

* В течение восьми лет Рачковский, служа в Париже, получал до 12 000 руб. в год жалованья и значительные суммы на секретные расходы; в последние годы на эти расходы отпускалось около 90 000 руб. в год.

создали Рачковскому, как русскому чиновнику в Париже, положение, весьма недостойное, вызвали в заграничной прессе целый ряд оскорбительных для русского правительства статей и заметок, а вместе с тем самая мысль о необходимости борьбы с русским подпольным движением, таким исключительным способом, какой изобрел Рачковский, дала повод к тому, чтобы в общественном мнении за границей создалось представление о том, что Россия находится накануне революции и что государственному ее строю грозит серьезная опасность.

Таковы сведения о прошлом Рачковского и его служебной деятельности по сведениям Департамента полиции, на данных его делопроизводства основанных. Независимо от этих сведений у министра внутренних дел есть данные, по внутреннему их достоинству находящиеся на рубеже области достоверного и фактов, требующих еще исследования. В ряду этих данных следует отметить:

1) Разоблачения, сделанные арестованным в Бельгии анархистом Яголковским (русский поляк): а) относительно пособничества, оказанного Рачковским совершению анархистских преступлений, между прочим — взрыву собора в Льеже и б) относительно участия одного из агентов Рачковского в убийстве в Париже генерала Сильверстова.

2) Сведения об услугах, оказанных Рачковским без ведома своего начальства министру финансов по делу о краже у известного Циона документов, относящихся к финансовым делам.

3) Участие Рачковского в устройстве из-за личной выгоды разных иностранных коммерческих предприятий в России, и

4) Продолжающиеся и после отставки Рачковского сношения его с французской полицией, через которую он имел возможность сводить личные счеты с неприятными ему людьми.

13 июля 1903 г.

Приложение № 2

ПРОТОКОЛ

Германия, Австро-Венгрия, Дания, Румыния, Россия, Сербия, Швеция, Норвегия, Турция и Болгария, проникнутые необходимостью противопоставить энергичное сопротивление развитию анархического движения и признавая, что самым верным средством достигнуть намеченной цели есть поддержание прежде всего согласия, так счастливо между ними состоявшегося на этот предмет и всем вместе заявить об общем интересе, который они принимают в репрессиях всех анархических преступлений и покушений.

Нижеподписавшиеся, имеющие надлежащие разрешения своих Правительств, согласились на нижеследующие мероприятия:

1) Каждый анархист, высылаемый из одной из договариваю-

щихся стран, должен быть сопровождаем кратчайшим путем в страну, подданным которой он состоит.

Если родина высылаемого не граничит непосредственно со страной, которая высылает, то высылаемого сопровождают до границы смежного государства, находящегося на кратчайшем пути между страной, откуда высылают, и страной, откуда происходит родом высылаемый.

Сдаче высылаемого анархиста на границе страны, откуда он родом, должно быть предпослано уведомление местным полицейским властям этой страны.

Если страна, из которой происходит высылаемый, не граничит с территорией страны, которая высылает, высылаемый должен быть кратчайшим путем доставлен на территорию страны или стран промежуточных и заботами властей этих последних он доставляется далее, разве только правительство этой страны предпочтет разрешить высылаемому жить в границах своей территории. Если доставка анархиста на границу его родины потребует перевозки его по одной или по нескольким промежуточным странам, власти соседней страны будут всегда предупреждены своевременно о прибытии транспорта; власти родины высылаемого также будут своевременно уведомлены как о высылке, так и о направлении следования транспорта.

Общий список начальствующих лиц, которые должны быть уведомлены о высылке и о перевозках анархистов, а равно и пограничных пунктов, куда анархисты должны доставляться, сохраняется в тайном условии между договаривающимися странами.

Расходы по перевозке, за исключением возможных частных соглашений между заинтересованными странами, лежат на каждой стране в размере расхода, причиняемого перевозкой высылаемого по ее территории.

II) В каждой стране будет основано Центральное полицейское бюро, назначение которого — собирать сведения об анархистах, а равно и об их деяниях.

III) Центральной власти каждой страны будет принадлежать право решать, каким способом компетентные органы будут доставлять в Центральное полицейское бюро нужные сведения на анархистов, находящихся на их территории, а также и о их действиях.

IV) Каждое Центральное бюро должно уведомлять бюро договорившихся стран:

1) а) ... о высылке;

б) ... о добровольном выезде анархиста, находящегося на его территории.

2) Это уведомление должно быть сопровождено описанием примет, заметками о прошлой жизни и, если возможно, фотографией анархиста. Очень желательно, чтоб в сообщении указывалось место и время проезда анархиста в соседнюю страну и по

возможности в кратчайшее время, чтоб облегчить скорейшую организацию наблюдения.

3) Если анархист тайно покинул район одного из Центральных бюро и его местопребывание неизвестно, все другие бюро должны безотлагательно быть об этом уведомлены, дабы облегчить его розыск.

4) Если место на границе, через которое должен проехать анархист в случае его высылки или его добровольного проезда, известно заранее, было бы полезно уведомить об этом не только Центральное бюро, но также и пограничную власть соответствующей страны. Центральное бюро каждой страны обязуется сообщать во все остальные бюро список пограничных властей, к которым в данном случае и надлежит обращаться.

V) Каждое Центральное бюро обязано сообщать без промедления во все бюро договорившихся стран все имеющиеся сведения о преступных заговорах, имеющих анархический характер.

VI) Каждое Центральное бюро обязано сообщать во все другие бюро в течение не более 6 месяцев все сведения, касающиеся выдающихся событий, имеющих отношение к анархическому движению и произошедших в его районе.

Все бюро обязаны, кроме того, отвечать без опоздания на все вопросы, имеющие отношение к анархистскому движению, которые им могут быть сделаны из других бюро.

Объявленные меры будут приведены в исполнение со дня подписания настоящего протокола.

Все подписавшиеся державы обязуются без замедления войти в сношение с каждой из других подписавшихся держав, согласно постановлению настоящего протокола.

Державы, которые не подпишут этот протокол, могут изъявить свое согласие с его постановлениями отдельным актом.

Согласие каждой державы сообщается дипломатическим путем русскому правительству и через него всем государствам, как подписавшимся, так и присоединившимся.

Оно допускает по праву принятие всех вышеперечисленных обязательств.

В силу этого настоящий протокол, который есть и будет неукоснительно секретным, был подписан и печатью скреплен полномочными представителями перечисленных держав.

Составлено в С.-Петербурге 1. 14 марта 1904 г. в единственном экземпляре, который будет храниться в архивах русского министерства иностранных дел, и удостоверенные копии которого будут дипломатическим путем доставлены всем подписавшимся и присоединившимся государствам.

За Германию — Альвенслебен,

За Австрию и за Венгрию — Австро-Венгерский посланник Л. Эренталь,

За Данию — П. Левенерн,

За Румынию — Г. Розетти-Солеско,

За Россию — граф Ламздорф,
За Сербию — Стоян Новаковие,
За Швецию и Норвегию — Авг. Ф. Гильденстольпе,
За Турцию — Хузни,
За Болгарию — Стоянов.

Добавление

к протоколу от 1/14 марта 1904 г.

Во время самого подписания протокола по поводу международных мероприятий против анархистов турецкий посланник и министры Дании, Румынии, Швеции и Норвегии сделали министру иностранных дел следующие словесные заявления:

А) Его превосходительство маршал Хузни Паша. Нижеподписавшийся чрезвычайный посланник и полномочный министр его величества Оттоманского государя, подписывая сегодняшний протокол по вопросу международных мероприятий против анархистов, ссылается на декларацию императорского Оттоманского правительства, объявленную Римскому кабинету 6 сентября 1899 г. и делает оговорку, что статьи вышеприведенного протокола абсолютно ни в чем не затрагивают соглашения, существующие между высокой Портой и русским правительством в вопросе, касающемся возвращения некоторых категорий армянских эмигрантов, находящихся в России.

С.-Петербург 1/14 марта 1904 г.

Хузни.

Б) Господин П. де Левенерн.

Нижеподписавшийся чрезвычайный посланник и полномочный министр его величества короля Датского, подписывая сегодняшний протокол, касающийся международных мероприятий против анархистов, объявляет от имени своего правительства, что обязанности, присвоенные пунктами от II до VI вышеприведенного протокола Центральному бюро, будут исполняться полицией города Копенгагена. С.-Петербург 1/14 марта 1904 г.

Л. де Левенерн.

В) Господин Г. Розетти-Солеско.

Нижеподписавшийся чрезвычайный посланник и полномочный министр его величества Румынского короля, подписывая сегодняшний протокол, касающийся международных мер против анархистов, объявляет, что Румынское правительство сохраняет свое исключительное право признать анархистский характер каждого субъекта, против которого оно призывается применять предусмотреные мероприятия, и что, вообще, каждый раз что проявилось бы расхождение во взглядах между правительством, на тер-

ритории которого находилось бы данное лицо и правительством которого он являлся подданным, то первому из них надлежит признать анархистский характер. С. Петербург 1/14 марта 1904 г.

Розетти-Солеско.

Г) Господин граф Гильденстольпе.

Нижеподписавшийся чрезвычайный посланник и полномочный министр его величества короля Швеции и Норвегии, подписывая сегодняшний протокол, касающийся международных мер против анархистов, объявляет от имени своего правительства, что обязанности, присвоенные пунктами от II до VI вышеупомянутого протокола Центральному бюро, будут исполнены в Швеции начальником полиции в Стокгольме, а в Норвегии полицией в Христиании. С. Петербург, 1/14 марта 1904 г.

Авг. Ф. Гильденстольпе.

Приложение № 3

ДОКЛАД ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ ТРУСЕВИЧА МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ. 31 июля 1907 г.

28 сего июля, согласно извещению императорского российского посольства в Берлине, я приступил к переговорам с представителями германского правительства по поводу мер, которые было бы желательно принять для борьбы с революционным движением, в развитие постановлений, изложенных в протоколе тайного международного соглашения в С.-Петербурге 1/14 марта 1904 г. Делегатами со стороны германского правительства были назначены: директор полиции Экгардт и чины министерства иностранных дел — тайный советник д-р Ленце и имперский советник Эркерт.

Совещание наше происходило в помещении названного министерства в течение 28—29 июля (10—11 августа н. ст.).

Прежде чем приступить к переговорам с германскими уполномоченными, мне предстояло наметить те пожелания русской власти, которые могли бы быть предъявлены германскому правительству в интересах совместной работы на почве борьбы с революционными предприятиями. В этом отношении единственным руководящим указанием для меня служила предварительная переписка нашего министерства иностранных дел с германским правительством, в каковых сношениях, начатых еще в январе 1906 г. по инициативе нашего министерства иностранных дел, было высказано лишь общее пожелание придать распространительное толкование акту 1/14 марта 1904 г. в видах применения его не только к анархистам, но и к революционным деятелям других категорий. Таким образом, надлежало для начатия переговоров установить

детальные положения, в которых выражались бы практические мероприятия к достижению указанных целей. Основываясь на высказанных ранее нашим высшим дипломатическим учреждением соображениях, а равно приняв во внимание и германское материальное и процессуальное право и практические методы политического розыска, я изготовил две записки (на немецком языке), из коих в одной изложил все соображения, доказывающие полное сходство тактики крайних русских революционных партий с образом действий анархистов, причислив к таким организациям социалистов-революционеров, социалистов-революционеров-максималистов и социал-демократов, допускающих террор. Во второй записке я поместил определенные пожелания русского правительства, вытекающие из положений первой записки, разбив эти пожелания на две категории: 1) вопросы принципиальные и 2) технические приемы расследования. В первой группе предположений мною было высказано, что под понятие анархистов, в силу тактических приемов революционной борьбы, должны быть подводимы: а) все лица, стремящиеся к изменению государственного строя или определению части государства (специально в виду польского вопроса в Германии) и прибегающие для достижения этих целей к террору; б) лица, принадлежащие к тайным сообществам, преследующим те же задачи указанными способами, и в) лица, проповедывающие идеи, направленные к достижению описанных выше целей путем террора.

Предложение мое не встретило серьезных возражений со стороны германских делегатов, при чем я с своей стороны просил их, чтобы окончательное решение по сему предмету было сообщено нашему министерству иностранных дел, по почину коего возникло обсуждение этого вопроса, а равно и в виду того, что указанное толкование протокола 1/14 марта 1904 г. должно быть отнесено к сфере международных, хотя бы тайных, соглашений и может быть даже использовано в отношении правительства тех государств, которые участвовали в подписании означенного акта. Таким образом и согласно упомянутому протоколу, если германское правительство примет наше предложение, оно примет на себя обязательство высылать в распоряжение русских властей не только анархистов, но и революционеров поименованных выше категорий. Окончательное разрешение этого вопроса будет зависеть от высшей местной власти, вероятно, в лице всего кабинета кн. Бюллова.

Вторая группа предъявленных мною пожеланий обнимает собою технические приемы сношений и меры, вытекающие из постановлений протокола 1/14 марта 1904 г. В этой области мною предложено: 1) установить сношения по розыскной части не только между полицей-президиумом и Департаментом полиции (Центральные бюро Германии и России по протоколу 1/14 марта), но также и между подчиненными органами в случаях экстренной необходимости, при чем я с своей стороны указал для этой цели

районные охранные отделения в Риге, Вильне, Варшаве и Киеве. Предложение это вызвало одно замечание со стороны германских представителей, сводившееся к тому, что подобного рода непосредственные сношения подчиненных учреждений не предусмотрены упомянутым международным актом, признающим право сношений лишь за определенными органами правительств. В результате мы пришли к соглашению, что одновременное извещение центральных учреждений и местных не является нарушением протокола 1/14 марта, при чем пока решено предоставить берлинскому полицей-президиуму право в экстренных случаях доставлять сведения одновременно Департаменту полиции и названным охранным отделениям. Что же касается до снабжения такими же полномочиями отдельных германских учреждений, то вопрос этот будет доложен министру внутренних дел.

Вторым предложением с моей стороны было принятие на себя полицейскими органами обязательства производить расследования по просьбам заинтересованных властей по поводу лиц, упомянутых в первой части моей записки. На это директор полиции Экгардт возразил, что подобного рода обязательство уже предусмотрено в п. VI протокола 1/14 марта 1904 г. С своей стороны, я заметил, что в этом пункте говорится только о доставлении сведений, каковая мера не охватывает вопрос о производстве расследований, в силу чего практика сношений с некоторыми государствами на почве означенного протокола сводится к чисто формальным отпискам справочного свойства. В силу этих соображений мои собеседники решили включить этот пункт в доклад министру.

Третьим приемом взаимных расследований было выставлено мною пожелание в том смысле, чтобы полицейские учреждения, по просьбам органов договаривающихся сторон, устанавливали наружное наблюдение за разыскиваемыми или исследуемыми революционерами и чтобы такое наблюдение могло производиться агентами заинтересованного правительства в соседней стране. Этот вопрос вызвал сильные дебаты. Директор полиции Экгардт заявил, что германские полицейские учреждения не обладают такого рода агентами и что особенно это невыполнимо в провинции, где все полицейские отлично известны всему населению. Это объяснение г. Экгардта едва ли искреннее, так как мне с положительностью известно, да это и было признано в конце косвенно и самим оппонентом, что берлинская политическая полиция имеет бригаду филеров. Однако же уличать директора полиции я не счел нужным и в конце концов мы пришли к соглашению, что берлинский полицей-президиум будет сообщать Департаменту полиции о передвижениях интересующих лиц и особенно о поездках их по направлению к русской границе, при чем, в случае возможности, будут назначаться и наблюдательные агенты для передачи наблюдения на границе. К этому я добавил, что расходы по таким командировкам Департамент примет на себя и с своей стороны обя-

зуется всегда и неукоснительно провожать из России даже до Берлина немецких анархистов, хотя бы взаимного содействия в этой области со стороны германских властей и не последовало. Заявление это, повидимому, в значительной степени подействовало на весьма сухо настроенного директора полиции.

Вторая часть рассматриваемого вопроса выдвинула на очередь одно несомненное недоразумение, которым, вероятно, и объяснялось холодное отношение к нам со стороны берлинской политической полиции. В 1901 г. в Кенигсберге было возбуждено уголовное дело против некоторых политических выходцев из России по обвинению их в преступной пропаганде. Процесс этот дал тогда же вождям германского социализма повод поднять крайне острую агитацию против тогдашнего кабинета как в прессе, так и в парламенте, при чем правительству было предъявлено обвинение в том, что оно выслуживается перед Россией и открыто допускает существование в Германии целой организации русской полиции. Статс-секретарь министерства внутренних дел косвенно признал это последнее обстоятельство в парламенте. Вслед затем произошел в Берлине какой-то случай с эмигрантом доктором Вечесловом, предъявившим обвинение к агенту русской полиции в производстве обыска в его квартире. Повидимому, все эти происшествия повели к тому, что находившийся при русском посольстве чиновник Департамента полиции (Гартинг) был отозван. Обстоятельства эти, очевидно, и до настоящего времени волнуют министерство внутренних дел и к этому, кроме того, присоединяется также профессиональная ревность местной полиции, для которой едва ли симпатична мысль о существовании чужеземной агентуры в столице. В силу этих, очевидно, соображений директор полиции Экгардт поставил мне прямо вопрос, желаю ли я восстановления прежнего положения русской агентуры и полюбопытствовал даже узнать, не существует ли она фактически в Берлине. На это я ему прежде всего пояснил, что русское правительство не позволило бы себе учредить вновь должность особого политического чиновника в Германии без ведома местного правительства, и что если в Берлине могут находиться наблюдательные агенты по делам своей службы, то это может быть известно только их ближайшему начальнику, при чем они, конечно, никакими полномочиями официального характера не снабжены. Далее я заявил, что в предложении моем отнюдь не упоминается о восстановлении в Берлине должности агента Департамента, но раз он, Экгардт, поднял этот вопрос, то я весьма рад исчерпать его в настоящем совещании. В этом моем предложении я руководствовался как интересами Департамента и неоднократно выраженными мне словесно нашим послом в Берлине графом Остен-Сакеном настояниями о необходимости иметь в Берлине представителя Департамента в виду крайне частых случаев, требующих справок и расследований для посольства, которое весьма затруднено сношениями и переписками с нашим парижским агентом. Представители министерства

иностранных дел высказались в мою пользу, при чем г. Экгардт решил представить этот вопрос на усмотрение министра внутренних дел. По этому поводу я заметил, что положительное разрешение настоящего случайно возникшего обстоятельства было бы очень желательно в тех именно целях, которые служат предметом нашего совещания.

Далее я предложил обсудить, не представляется ли целесообразным настолько координировать работу наших и германских центральных учреждений в деле политического розыска, чтобы действия одного из них не наносили вреда интересам другого, и чтобы в то же время означенные установления снабжали друг друга сведениями по текущим расследованиям. При крайней подвижности революционных деятелей как внутреннее, так и наружное наблюдение за ними постоянно перебрасывается не только в пределах империи, но и за границу. Между тем, германские власти весьма склонны к принятию административных мер высылки по отношению к иностранцам и, не обладая достаточною осведомленностью в этой среде, наносили и впредь будут наносить серьезные удары интересам нашего розыска арестами и высылками лиц, находившихся в наблюдении или питавших весьма ценными данными внутреннюю агентуру. В видах устранения этих неудобств я предложил установить на будущее время, чтобы центральные политические учреждения полиции обоих государств, прежде принятия следственных мер против подданных соседней страны, запрашивали о них подлежащее установление, которое с своей стороны должно сообщить как о том, не состоит ли данное лицо в текущем наблюдении, так и все имеющиеся данные о его личности и связях за границей. По этому предмету директор полиции Экгардт помнил, что соблюдение такого правила в отношении лиц, подлежащих судебному преследованию, не представляется возможным, так как аресты и обыски производятся по распоряжению прокурорской власти и что, если указанные выше условия положить в основу действий полиции по делам о высылке иностранцев, то и это едва ли оказалось бы исполнимым, так как задержало бы исполнение означенных административных мер. В виде примера директор Экгардт указал на то, что распоряжение о высылке иностранца за произнесение на собрании речи преступного характера приводится у них в исполнение в течение 24 часов после совершения подобного деяния. Однако же в виду моих указаний на то, что подобное явление едва ли может исчерпывать все случаи высылок, коим в большинстве этих мер предшествует более или менее продолжительное расследование, дающее возможность предварительных сношений хотя бы по телеграфу, совещание нашло целесообразным представить министру внутренних дел ходатайство о том, чтобы берлинский полицей-президиум в тех случаях, когда по ходу дела позволяет время, извещал Департамент полиции о предполагаемых высылках для получения указанных выше сведений. В виде мотивировки подобного распоряже-

ния я обратил внимание моих собеседников на то, что рекомендованная мною мера может быть полезною, вероятно, не столько для нас, сколько для германских властей, так как наш Департамент полиции, обладая широко поставленной агентурой, может по получении известий о намеченных к высылке лицах, доставить президиуму своевременно, до обысков, данные и о сношениях этих лиц, в силу чего германские власти всегда получат возможность более полного освещения дела и изъятия сообщников обнаруженных уже революционеров. В связи с рассматриваемым вопросом Ленце высказал мысль о желательности установить более быстрый способ сношений между полицейскими органами, при чем упомянул о возможности выработки особого кодекса для телеграфной переписки. С своей стороны я выразил полную готовность заняться этим делом и затем войти по сему предмету в соглашение с президентом полиции в Берлине фон-Борриэсом.

Следующим моим предложением было пожелание, чтобы центральные уполномоченные органы сообщали друг другу результаты обысков по политическим делам в тех случаях, когда таковые касаются соседнего государства, при чем особое внимание следовало бы обратить в этом отношении на адреса. Заявление это вызвало несколько возражений со стороны директора полиции Экгардта. Прежде всего он пояснил, что указанная мера не может быть применена в тех случаях, когда обыски производятся на предмет судебного преследования, так как по местным законам полиция на месте обыска опечатывает все вещественные доказательства (по требованию обыскиваемого и его печатью) и в таком виде передает следственной власти материалы обыска. Формально я должен был признать справедливость этого отвода, хотя имел полную возможность возражать по существу, так как еще ранее, изучая специально данный вопрос в его практическом применении, я в президиуме узнал, что прокуратура никогда не препятствует полиции основательно изучить вещественные доказательства до передачи таковых судебной власти. В виду совершенно доверительного характера этих сведений, я воздержался от возражений г. Экгардту. Независимо от сего последний заявил, что рекомендуемая мною мера, которую можно было бы применить к делам об административной высылке, едва ли осуществима на практике, так как при обысках у русских отбираются почти исключительно письменные произведения на непонятном местным органам русском языке. По поводу этого замечания я счел необходимым сообщить участникам совещания, что при обысках, например в Петербурге, обнаруживаются рукописи не только на европейских, но даже на азиатских языках, при чем местные органы полиции всегда находят лиц, могущих переводить означенные произведения. Вместе с тем я предложил г-ну Экгардту вопрос, неужели в берлинском полицейском учреждении, сделавшем недавно около 30 обысков у членов русской колонии, лежат в значительном количестве рукописи и заметки, содержание коих до

сего времени остается неизвестным полиции? Вопрос этот был, очевидно, достаточным ответом на заявление директора полиции, который, в виду полной поддержки моим соображениям со стороны чинов министерства иностранных дел, признал возможность формулировать предположенное соглашение в том смысле, чтобы центральные учреждения обеих стран, в тех случаях, когда в распоряжение полицейской власти поступают вещественные доказательства, могущие интересовать такие же власти соседнего государства, сообщали подлежащие данные в форме точных копий, а при возможности и в фотографических снимках.

Последним моим предложением, принятым без возражений, было пожелание, чтобы все проистекающие из настоящих переговоров меры сохранялись в абсолютной тайне подведомственными учреждениями.

В заключение я заявил, что Департамент полиции, в случае благоприятного исхода наших совещаний, не преминет поручить подчиненным ему органам обратить особое внимание на расследование обстоятельств, могущих быть полезными для германского правительства, и в частности в области польского движения.

На поставленный мне вопрос о том, поскольку является обеспеченным выполнение мер, предлагаемых по нашей инициативе, в случае необходимости их применения в интересах Германии в России, я удостоверил, что в пределах взаимности и даже более того, в видах успеха борьбы с нашим революционным движением, Департамент полиции, прямых функций коего касаются все намеченные мною вопросы в порядке исполнительном, будет неукоснительно придерживаться принятых на себя обязательств, о чем мною доложено г-ну министру внутренних дел.

Относительно порядка санкционирования предположенных мер в среде германских правительственных учреждений, а равно закрепления таковых в той или иной форме, мною было высказано, что все вопросы, касающиеся техники сношений и розыска, едва ли требуют участия министерства иностранных дел, как не относящиеся к сфере дипломатических соглашений. Это соображение было поддержано г. Экгардтом, который пояснил, что окончательное решение германского министра внутренних дел может быть сообщено мне в форме письма берлинского президента полиции, при чем, однако, в это извещение едва ли может быть включено лишь мнение по вопросу о деятельности русских агентов в Германии. Я не возражал против такой постановки дела, пояснив, что относительно приведенного выше особого пункта ответ мог бы быть дан словесно германским послом в Петербурге. Со своей стороны, д-р Ленце высказал, что извещение по этому особо деликатному предмету возможно передать мне и словесно в нашей столице, например, путем командировки туда директора Экгардта, на что я ответил готовностью предоставить последнему в таком случае полную возможность ознакомиться с организацией

русской политической полиции, имеющей за собой долгий и тяжелый опыт.

Обращаясь к оценке совещания, в коем я имел честь участвовать, а главное — к возможным его результатам, я не могу не отметить нижеследующих соображений.

Согласно общему впечатлению, вынесенному мною из бесед с различными представителями германской правительственной власти, они глубоко уверены в том, что существующее в Германии социалистическое движение никогда не приобретет такого острого революционного характера, который оно получило в России, и что поэтому местной судебной и полицейской властям не придется вести столь тяжелой борьбы с этим явлением, как в России. Эта уверенность, основанная на тактике немецких социал-демократов, настолько глубоко вкоренилась среди лиц, ведающих политической полицией, что они, естественно, смотрят на предпринятые русским правительством шаги к обследуемому ныне соглашению, как на попытку с нашей стороны использовать услуги германской полиции для своих местных интересов в форме односторонней сделки, в которой Германия явится контрагентом, дающим, но ничего не получающим. Едва ли все доводы с нашей стороны в пользу необходимости для германского правительства вступить на путь совместной борьбы с польскою опасностью и угрозою будущих революционных выступлений социалистов поколеблет сделанные уже полицией и министерствами выводы из фактической деятельности лояльных немецких социал-демократов. Поэтому в основание результатов предстоящего соглашения, разработанного в моем совещании с поименованными выше чинами германского правительства, будет положено последним не сознание в серьезной необходимости такого соглашения, а дружеское отношение к соседнему государству. Понятно, что подобный принцип растяжим и неустойчив, а потому я поневоле смотрю с некоторой неуверенностью на те решения высшей германской власти, в которые выльются окончательно любезные уверения моих коллег по берлинскому совещанию 28—29 июля 1907 г. Несомненно, в этом направлении могло бы иметь значение благоприятное для соседнего государства разрешение поднятого германским правительством несколько лет тому назад (кажется по поводу упомянутого Кенигсбергского процесса) вопроса о наказуемости преступлений, учиненных в России, но направленных против государственных интересов Германии. В своих заявлениях по этому предмету Берлинский кабинет своевременно указывал на то, что, согласно германским законам Strafgesetzbuch, §§ 102—104), наказываются более тяжкие преступления, направленные против дружественных государств (посягательства против главы государства, попытки изменить насильственно государственное устройство, отторгнув часть государства, подстрекательство к этим преступлениям путем печати и слова и т. п.). Между тем, в русском законодательстве таких постановлений не имеется и, таким образом,

всякие злоумышления, возникающие и подготовляемые в России против Германии, остаются ненаказуемыми. На этот недостаток взаимности указал мне также и д-р Ленце, выразивший пожелание, чтобы в наших правительственных сферах было обращено внимание на означенный вопрос, на что я ответил, что не премину доложить о сем подлежащему начальству, хотя считаю своим долгом отметить, что указанное дополнение русского уголовного законодательства может встретить затруднения в Государственной Думе. С своей стороны, я полагал бы, однако, целесообразным возбудить по сему предмету официальные сношения с министерством юстиции, при чем инициатива в этом могла бы принадлежать нашему дипломатическому ведомству.

В заключение не могу не удостоверить, что при исполнении возложенной на меня задачи я встретил самую деятельную поддержку в нашем после графе Остен-Сакене, и что назначенные для совещаний со мною представители германского правительства проявили самую корректную предупредительность и благожелательность, в виду чего представлялось бы весьма справедливым отметить это отношение их к нашим существеннейшим интересам соответственными почетными наградами. Особенное в этом направлении внимание заслуживает д-р Ленце, руководивший своими коллегами в переговорах и высказавший чрезвычайно симпатичную отзывчивость к заботящему российское правительство предмету.

При сем представляются: подлинная записка моя на немецком языке по революционному движению и формулировка моих предложений, внесенных на обсуждение предварительного совещания в Берлине 28—29 июля 1907 г. Кроме сего, мною вручены германским делегатам переводы нескольких изданных русскими революционными организациями брошюр и прокламаций, выясняющих тактику этих групп по отношению к соседним государствам.

Действительный Статский Советник Трусевич.

Приложение № 4

ДОКЛАД ЗАВЕДУЮЩЕГО ЗАГРАНИЧНОЙ АГЕНТУРОЙ ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ 11/24 июня 1910 г.

Вследствие предписания от 5 января с. г. за № 104121, имею честь представить вашему превосходительству доклад о постановке в настоящее время заграничной агентурой наружного наблюдения и о причинах, вызвавших затруднение в осуществлении оного.

До августа месяца 1908 г. наружное наблюдение за границей за русскими эмигрантами и пришлым революционным элементом осуществлялось в Париже и других местностях Европы, по возможности, согласно преподанной Департаментом полиции инст-

рукции о «ведении наружного наблюдения», препровожденной при циркуляре 1902 г. за № 6899 и применительно к указаниям, данным в периодических записках Департамента за №№ 83 и 86—1904 г.

Измена наблюдательного агента заграничной агентуры Леруа, в связи с предшествовавшими с революционерами сношениями сына наблюдательного агента Леблача, ознакомившего революционеров с практикою филеров, нанесли весьма существенный вред осуществлению заграничной агентурой наружного наблюдения.

Вопреки данной подписке о сохранении в тайне служебных секретов, Леруа, при участии Савенкова, незамедлил войти в сношения с Бурцевым, которого и посвятил во все ему, Леруа, известное как о наблюдательном и личном составе агентуры, так и о способах осуществления ею наружного наблюдения.

Большинство агентов заграничной агентуры, перешедших на службу из Парижской полицейской префектуры, не было в лицо известно революционерам и могли поэтому с успехом вести за ними наблюдение. Леруа их всех поочередно показал Бурцеву и его сотрудникам, вследствие чего работа наблюдательных агентов из нормальной сделалась весьма трудной.

Осуществление неотступного и регулярного наблюдения в Париже вследствие большого движения и многочисленности разнообразных способов сообщений, а подземной железной дороги в особенности, представляется и вообще то весьма нелегким, когда же Леруа открыл революционерам всю технику и приемы наблюдения, то вести таковое неотступно стало почти совершенно невозможно и часто приводило к открытым столкновениям с наблюдаемыми.

Стремясь научить революционеров лучше парализовать действия русской полиции, Леруа было составлено нечто вроде руководства для революционеров, в коем рекомендовались самые практические способы к избавлению от слежки. К этому указателю прилагался детальный список имеющихся в Париже пассажей, тупиков, частных дворов (cités) с выходами на разные улицы и перечень общественных зданий и учреждений с свободным входом и несколькими выходами на разные улицы.

Подробное ознакомление революционеров с практикующимися приемами наружного наблюдения незамедлило также отозваться на избрании ими местожительства в Париже. Они стали постепенно переселяться из кварталов с густо населенными улицами на мало застроенные окраины города, где применение наблюдения представляет большие затруднения. Большинство русских революционеров жило (Савинков, Бурцев, Бакай) и живет (Аргунов, Кузьмин, Чернов, Ракитников и др.) в условиях, не допускающих установки наблюдения близ их домов.

Леруа сообщил имена, приметы и адреса своих бывших сослуживцев по заграничной агентуре и самые подробные сведения о

прошлом и интимной их жизни, причем он даже передал и фотографии некоторых из них.

После разоблачений Леруа Бурцев поручил ему сформирование «революционной полиции», в состав коей вошли русские молодые выходцы-революционеры и несколько французских социалистов и анархистов.

Сорганизованная «революционная полиция» имела задачей фактически установить существование «русской политической полиции», выяснить лиц с ней соприкасающихся, воспрепятствовать ее деятельности и удостоверить сношения ее с французской полицией.

Преследуя эти цели, Леруа и его помощниками было учреждено систематическое, неотступное наблюдение не только за зданием императорского посольства в Париже, где помещалась канцелярия заграничной агентуры, но даже за частной квартирой г. Гишара, заведующего полицейской бригадой, специально ведающей наблюдением за анархистами и заподозренного революционерами в сношениях с русской полицией.

В силу этих осложнений, делавших почти невозможным как наружное наблюдение по месту жительства, так и при передвижениях наблюдаемых по городу, и в виду того, что наблюдение на северном вокзале не достигало цели, ибо отъезжающие в Россию могли свободно пользоваться окружной дорогой для пересадки за город на соответствующие поезда, то заграничной агентурой был организован надзор на пограничной с Францией Бельгийской станции Эркелин, где наблюдательные агенты обходили вместе с таможенными чинами прибывающие из Франции поезда.

Однако после присылки в Париж партии петербургских и московских филеров и этот способ наблюдения стал известен революционерам благодаря измене Луриха и Баркова.

В результате всего изложенного создались те крайне трудные условия, в которых приходится ныне агентуре осуществлять наружное наблюдение, причем, кроме того, оно вообще затрудняется еще и тем обстоятельством, что в Париже, как и всюду за границей, русские эмигранты и революционеры именуются в партии только кличками, а проживают под чужими именами, которые обыкновенно агентуре неизвестны, тогда как по месту жительства, конечно, не знают их партийных кличек, в результате чего, если не имеется налицо достаточно характерных примет, постоянно возможны ошибки в личностях наблюдаемых.

Способы осуществления наблюдения практикуются в настоящее время следующие:

1) Наем в гостиницах и частных квартирах комнат, расположенных против или около жилых помещений, занимаемых революционерами, или подъездов домов ими обитаемых;

2) В отдельных случаях, требующих особо тщательного наблюдения, филеры агентуры прибегают к найму закрытых извоз-

чиков и автомобилей, благодаря чему имеют возможность проследить входы и выходы из данного дома;

3) Когда тому представляется возможность, наблюдательные агенты входят в сношения с привратником домов, в коих живут наблюдаемые и за плату получают от них нужные сведения о жильцах; способ этот часто устраняет надобность в постоянном, безотлучном нахождении агента на улице у дома наблюдаемого;

4) При получении агентурных сведений о предстоящем отъезде кого-либо из наблюдаемых филеры сконцентрировываются таким способом в местности их жительства, чтобы отъезжающий, направляясь на один из вокзалов, не мог миновать контроля наблюдения.

5) При благоприятных условиях применяется тщательная, но крайне осторожная проследка наблюдаемого по городу и филирование его при отъезде и в пути;

6) В исключительных случаях заграничная агентура обращается к содействию полицейской префектуры, которая и предоставляет в ее распоряжение нужное число агентов;

7) Ввиду трудности осуществления наблюдения в Париже за отъезжающими, я намерен, если окажется возможным, возобновить практиковавшийся ранее контроль на пограничных станциях, из коих важнейшей является Бельгийская Еркелин, и для сношения по этому поводу с властями поименованной станции я только ожидаю разрешения моего ходатайства о скорейшем награждении начальника этой станции Эрнеста Прео, который был представлен к пожалованию орденом св. Станислава 3 ст. еще в январе 1909 г. (письмо от 28 января, 10 февраля 1909 г. за № 81).

Озабочиваясь более нормальной и успешной постановкой деятельности наружного наблюдения и в то же время убедившись по примерам инцидентов с Озанном и Демайлем в опасности давать каждому из числящихся на службе в агентуре филеров фактические данные считать себя на службе у русского правительства, а следовательно и возможность в случае чего шантажировать агентуру, я совершенно изменил существовавшие до сих пор порядки: в здании посольства была нечто вроде сборной филёров, которые являлись туда ежедневно и группами просиживали в очень тесном помещении, отведенном заграничной агентуре. Туда же на различные имена адресовывались все рапорты по наблюдению.

Такое хождение агентов не могло не быть заметным даже для публики, посещающей консульство, и весьма понятно, что оно возбуждало неудовольствие посольства, положение которого в данном случае нельзя не признать действительно деликатным.

Вместе с тем, свободно являясь ежедневно в посольство, адресуя туда свои доклады, у агентов не только складывалось понятие, но и имелись все доказательства, что они служат непосредственно посольству и чуть ли не входят в состав оного, причем при малости помещения заграничной агентуры они прекрасно могли видеть и слышать все, что там делалось.

Признавая такой порядок, безусловно, вредным, а нежелательную для императорского посольства видимость существования в его здании заграничной агентуры совершенно для существа дела не нужной, я не только не допускаю более филеров с докладами в здание посольства, но и строго запрещаю им туда являться, а всю свою корреспонденцию агенты направляют теперь не на официальный адрес агентуры, а конспиративный. Точно также и вся секретная корреспонденция теперь получается по особым конспиративным адресам вне посольства. Заведующий наблюдением ежедневно знакомится и докладывает мне содержание донесений наблюдательных агентов, а затем при личных свиданиях с ними в условленных местах, вне помещения агентуры, получает от них лично дополнительные сведения, дает им все нужные инструкции и передает им мои приказания.

Руководствуясь вышеизложенными соображениями я задаюсь целью все дело мало-по-малу обставить таким образом, чтобы впоследствии филеры совершенно не могли считать себя на службе у императорского посольства или русского правительства, а только на службе у частного лица, занимающегося розыском, или так сказать, частной полицией, каковых предприятий в Париже имеется не мало и как на пример можно указать на частную полицию бывшего начальника французской тайной полиции Горона, а также, что сама полицейская префектура поручает иногда одному известному мне частному розыскному бюро, пользующемуся ее доверием, те расследования и наблюдения которыми префектуре почему-либо заняться неудобно.

В данном случае таким, якобы, предпринимателем должен явиться заведующий личным составом наружного наблюдения, который будет ведать филерами от своего имени в качестве частного лица, что нисколько, конечно, не изменит хода самой службы наблюдения, ибо оно по существу своему будет попрежнему руководиться и направляться заведывающим заграничной агентурой, но только в качестве постороннего лица, пользующегося услугами розыскного бюро, хозяином-предпринимателем которой будет являться заведующий наружным наблюдением.

Само собою разумеется, что филеры по роду поручаемого им наблюдения будут понимать и знать для кого именно они работают, но даже зная, что они работают для русского правительства, они, однако, не будут иметь ни права считать, ни основания и возможности доказывать, что они состоят у русского правительства или его посольства непосредственно на службе.

Даже при нападениях в парламенте на русскую политическую полицию не отрицалось право русского правительства осведомляться о происходящем среди русских эмигрантов и революционеров, и главная атака велась только против существования во Франции собственной у русского правительства политической полиции, — при предполагаемой же мною постановке дела подобное обвинение сделается беспочвенным, а следовательно и исчезнет

основание для каких-либо по этому предмету со стороны агентов угроз и вымогательств.

Намечаемая реорганизация наружного наблюдения, конечно, может быть осуществлена лишь постепенно, по мере обновления личного состава, в пополнении какового уже ощущается надобность, но в виду необходимости подыскать людей, вполне отвечающих действительным требованиям службы и заслуживающих достаточного доверия, я до сих пор еще не имел возможности пополнить число наблюдательных агентов и мною принимаются все меры к тому, чтобы для этой цели найти людей опытных и на которых можно было бы в достаточной мере положиться.

Чиновник особых поручений КРАСИЛЬНИКОВ.

Приложение № 5

ИНСТРУКЦИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ВЕДЕНИЮ ВНУТРЕННЕГО (АГЕНТУРНОГО) НАБЛЮДЕНИЯ *

§ 1.

На обязанности лица, ведающего политическим розыском, лежит прежде всего приобретение и сбережение внутренней секретной агентуры, — единственного вполне надежного средства, обеспечивающего осведомленность.

На приобретение и сбережение внутренней агентуры должны быть направлены все усилия лица, ведающего розыском.

Наружное наблюдение является лишь вспомогательным и притом весьма дорогим средством для разработки агентурных сведений и для прикрытия конспиративности агентурного источника.

§ 2.

Для успешной работы в деле политического розыска и руководства внутренней агентурой лица, ведающие розыском должны знать программы революционных партий, быть знакомы с историей революционного движения, положением сего движения в данный момент и следить за революционной литературой.

§ 3.

Лица, заведывающие агентурой, должны руководить сотрудниками, а не следовать слепо указаниям последних. Обыкновенно сотрудник выдающийся — интеллигентный и занимающий вид-

* Ни имя составителя, ни время издания инструкции неизвестны. Некоторые особенности дела, в котором она хранится дают основание говорить, что в ее разработке принимал участие Рачковский, и издана она была до 1911 г.

ное положение в партии — стремится подчинить своему авторитету лицо, ведущее с ним сношения и оказывать давление на систему розыска. Если для сохранения отношений возможно оставлять его в убеждении, что такое его значение имеет место, то в действительности всякое безотчетное увлечение сотрудниками приводит к отрицательным результатам. Лицо, ведающее агентуру должно составлять себе план расследования и стремиться извлечь из агентуры все данные для его осуществления. Поэтому, никогда не открывая своих карт перед сотрудником, надлежит давать ему поручения, вытекающие из плана розыска. При этом следует с особенным вниманием относиться к выяснению или закреплению в памяти таких фактов, которые могли бы быть впоследствии использованы как судебные улики и подтверждены доказательствами, лежащими вне соприкосновения с сотрудником. Эти задачи розыска (в общих чертах) могут быть указаны сотруднику, дабы и он приучился к собиранию данных, пригодных для судебного расследования и прикрытия агентуры.

§ 4.

Лица, ведающие розыском, должны твердо помнить, что «сотрудничество» от «провокаторства» отделяется весьма тонкой чертой, которую очень легко перейти. Они должны знать, что в умении не переходить эту черту и состоит искусство ведения успешного политического розыска. Достигается это только безусловно честным отношением к делу и пониманием целей розыска, а не погоней за открытием и арестом отдельных средств пропаганды (типография, склады оружия, взрывчатые вещества и проч.)

Лица, ведающие розыском, должны проникнуться сознанием, что лучшим показателем успешной и плодотворной их деятельности будет то, что в местности, вверенной их надзору, совсем не будет ни типографии, ни бомб, ни складов литературы, ни агитации, ни пропаганды. Последние результаты будут достигнуты, если они при серьезной осведомленности о революционной деятельности и умением систематически и планомерно пользоваться этими знаниями достигнуть того, что революционеры вынуждены будут прекратить в данной местности свою преступную работу.

§ 5.

Секретные сотрудники должны состоять членами одной из революционных организаций (о которых они и дают сведения), или, по крайней мере, тесно соприкасаться с серьезными деятелями таковых, т. к. только тогда сведения их будут ценны. Лица, не состоящие в революционных организациях и не соприкасающиеся с ними, особенно различные местные «старожилы», принадлежащие иногда к крайним правым партиям, зачастую не только не бывают полезны в деле политического розыска, но даже и вредны.

т. к. заставляют неопытных и неосведомленных лиц, ведающих розыском, направлять таковой в ложную сторону и совершенно непроизводительно тратить силы и средства. Изложенное отнюдь не значит, что сведениями таких лиц надлежит пренебрегать, — не следует лишь на последних возлагать больших надежд и считать таких лиц «секретными сотрудниками», а сведения их «агентурными». В деле розыска нельзя пренебрегать никакими сведениями, но нужно научиться давать им надлежащую оценку и не считать их без проверки (дающего сведения лица и самых сведений) достоверными.

№ 6

Секретные сотрудники должны быть постоянными и получать определенное жалованье (помесячно), а не за отдельные сообщения, т. к. только при имении постоянной агентуры можно быть в курсе деятельности революционных организаций и только постоянная агентура может относиться с интересом к делу розыска.

В сотруднике, начавшем работу по материальным соображениям, надлежит по возможности создавать и поддерживать интерес к розыску, как орудию борьбы с государственным и общественным врагом — революционным движением. Особенно ценны в этом отношении сотрудники, взявшие на себя эту роль по побуждениям отвлеченного характера.

При удачных ликвидациях, являющихся результатом сведений и разработки, постоянного сотрудника следует поощрить денежной наградой.

§ 7.

Сведения приходящих, требующих платы за каждое отдельное указание на то или другое революционное предприятие (штучники), конечно должны быть использованы в интересах дела, в особенности сведения о предполагаемых экспроприациях совершаемых часто лицами, не имеющими никакого отношения к революционным организациям, но к таковым сведениям нужно относиться с большой осторожностью и тщательно проверять их всеми способами. Зачастую сведения эти бывают провокаторскими, а иногда прсто «дутыми». При этом всегда надлежит стремиться использовать лицо, дающее отдельные сведения, в целях учреждения при его посредстве систематической агентуры.

§ 8.

Состоя членами революционных организаций, секретные сотрудники ни в коем случае не должны заниматься так называемым «провокаторством», т. е. сами создавать преступные деяния и подводить под ответственность за содеянное ими других лиц, игравших в этом деле второстепенные роли. Хотя для сохранения своего положения в организациях им приходится не уклоняться

от активной работы, возлагаемой на них сообществами, но они должны на каждый отдельный случай испрашивать разрешения лица, руководящего агентурой и уклоняться во всяком случае от участия в предприятиях, угрожающих серьезною опасностью. В то же время лицо, ведающее розыском, обязано принять все меры к тому, чтобы совершенно обезвредить задуманное преступление, т. е. предупредить его с сохранением интересов сотрудника. В каждом отдельном случае должно быть строго взвешиваемо, действительно ли необходимо для получения новых данных для розыска принятие на себя сотрудником возлагаемого на него революционерами поручения, или лучше под благовидным предлогом уклониться от его исполнения. При сем необходимо помнить, что все стремления политического розыска должны быть направлены к выяснению центров революционных организаций и к уничтожению их в момент проявления ими наиболее интенсивной деятельности, почему не следует «срывать» дело розыска только ради обнаружения какой-либо подпольной типографии или мертво-лежащего на сохранении склада оружия, помня, что изъятие подобных предметов только тогда приобретает особо-важное значение, если они послужат к изобличению более или менее видных революционных деятелей и уничтожению организации.

§ 9.

Секретных сотрудников надлежит иметь в каждой из действующих в данной местности революционных организаций и по возможности, по несколько в одной и той же организации. Лицо, ведающее розыском, не должно упускать ни одного случая, могущего дать хотя бы слабую надежду на приобретение секретного сотрудника. Каждое лицо, подающее надежду, надлежит расположить к себе и использовать в целях агентуры, причем нужно помнить, что дело приобретения секретных сотрудников очень щекотливое и требует много терпения и осторожности. Малейшая неосторожность или форсировка часто вызывает решительный отпор.

§ 10.

Секретные сотрудники приобретаются различными способами. Для приобретения их необходимо постоянное общение и собеседование лица, ведающего розыском, или опытных подчиненных ему лиц, с арестованными по политическим преступлениям. Ознакомившись с такими лицами и наметив тех из них, которых можно склонить на свою сторону (слабохарактерные, недостаточно убежденные революционеры, считающие себя обиженными в организации, склонные к легкой наживе и т. п.), лицо, ведающее розыском, склоняет их путем убеждения на свою сторону и тем обращает их из революционеров в лиц преданных правительству. Этот сорт сотрудников нужно признать наилучшим. Помимо бесед с лицами, уже привлеченными к дознаниям, удается приобретать

сотрудников и из лиц еще не арестованных, которые приглашаются для бесед лицом, ведающим розыском, в случае получения посторонним путем сведений о возможности приобретения такого рода сотрудника.

Независимо от сего при существовании у лица, ведающего агентуру, хороших отношений с офицерами корпуса жандармов и чинами судебного ведомства, производящими дела о государственных преступлениях, возможно получать от них для обращения в сотрудники обвиняемых, дающих чистосердечные показания, причем необходимо принять меры к тому, чтобы показания эти не оглашались. Если таковые даны словесно и не могут иметь серьезного значения для дела, то желательно входить в соглашение с допрашивавшимся о незанесении таких показаний в протокол, дабы с большей безопасностью создать нового сотрудника.

§ 11.

Кроме того можно использовать тех лиц, которые, будучи убеждены в бесполезности своей личной революционной деятельности, нуждаются в деньгах, и хотя не изменяют коренным образом убеждений, но ради денег берутся просто продавать своих товарищей.

§ 12.

Сотрудники, находящиеся в низах организации, могут быть путем постоянной совместной работы с лицом, ведающим розыском, а равно арестами более сильных работников, окружающих его, проведены выше.

§ 13.

Вновь принятого сотрудника всегда следует незаметно для него основательно выверить наблюдением и постараться поставить под перекрестную агентуру.

§ 14.

Лицо, ведающее политическим розыском, должно осмотрительно относиться к приезжим заявителям, разъезжающим по охранным отделениям и жандармским управлениям с единственной целью выманивать деньги. Такие лица (в большинстве случаев из провалившихся сотрудников), зачастую довольно развитые, развязные, будучи осведомлены о личном составе некоторых охранных отделений или управлений и знакомы с деятельностью некоторых революционеров, вводят в заблуждение даже опытных лиц, давая им заявления о готовящихся террористических актах и других выдающихся преступлениях и тем заставляют вести розыск в ложном направлении. Личность каждого такого заявителя и его нравственные и служебные качества надлежит немедленно проверить путем сношения по телеграфу с начальни-

ком подлежащего управления или отделения, прежде чем предпринимать что-либо по его указанию.

§ 15.

Самое прочное, хотя и не всегда продуктивное, положение сотрудника есть то, когда он находится в организации в роли пособника и посредника в конспиративных делах, т. е. когда его деятельность ограничивается сферой участия в замыслах или приготовлениях к преступлению, что фактически неуловимо формальным дознанием и следствием и дает возможность оставлять на свободе сотрудника и близких к нему.

§ 16.

Секретные сотрудники ни в коем случае не могут посвящаться в сведения, даваемые другими сотрудниками. С особою осторожностью следует относиться вообще к ознакомлению сотрудника с ходом розыска, а также деятельностью и личным составом розыскного учреждения. При сношениях с сотрудником нужно получать от него все необходимое и, по возможности не разоблачать перед ним ничего. В противном случае лицо, ведущее агентуру, быстро окажется в руках сотрудника, из коих очень многие склонны вести двойную игру, а в случае разрыва отношений с ними, розыскному делу и лицам, ведущим его, будет всегда угрожать крайняя опасность.

§ 17.

Никто кроме лица, заведывающего розыском и лица, могущего его заменить, не должен знать в лицо никого из секретных сотрудников.

Фамилию сотрудника знает только лицо, ведающее розыском, остальные же чины учреждения, ведающего розыском, имеющие дело со сведениями сотрудника, могут в необходимых случаях знать только псевдоним или номер сотрудника. Чины наружного наблюдения и канцелярии не должны знать секретного сотрудника и по кличке. Он им должен быть известен лишь как действительный революционный деятель по кличке наружного наблюдения если он вошел в сферу последнего.

§ 18.

Секретные сотрудники ни в коем случае не должны знать друг друга, так как это может повлечь за собою «провал» обоих и даже убийство одного из них.

§ 19.

Сведения, даваемые секретными сотрудниками, должны храниться с соблюдением особой осторожности и в строгой тайне

§ 20.

Сведения, полученные от секретных сотрудников, обязательно проверяются, если к тому представляется возможность, наружным наблюдением.

§ 21.

Заведывающему агентурой рекомендуется ставить надежных сотрудников к себе в отношения, исключающие всякую официальность и сухость, имея в виду, что роль сотрудника обыкновенно нравственно очень тяжела и что «свидания» часто бывают в жизни сотрудника единственными моментами, когда он может отвести душу и не чувствовать угрызений совести. Только при соблюдении этого условия можно расчитывать иметь преданных людей.

§ 22.

Никогда не следует заставлять сотрудника форсированно добывать сведения, т. к. это часто вызывает провалы. После ликвидации необходимо дать сотруднику возможность на время прекратить активные сношения с товарищами.

§ 23.

Никогда не следует арестовывать всех окружающих сотрудника лиц, оставляя его одного на свободе, но надлежит оставлять около него несколько лиц, более близких и менее вредных, или дать ему возможность заранее уехать по делам партии, или, в крайнем случае, арестовать и его самого, освободив впоследствии с близкими к нему и наименее вредными лицами по недостатку улик. О предстоящем аресте сотрудника всегда нужно войти с ним в соглашение. Арест сотрудника допустим лишь в случаях неустранимой необходимости.

§ 24.

Производство обысков и арестов по агентурным сведениям нужно совершать с большой осторожностью и осмотрительностью, дабы не «провалить» секретного сотрудника, почему, предварительно ликвидации, надлежит тщательно предусмотреть все то, что может повлиять на целость агентуры и отвести последнюю от возможности подозрения.

§ 25.

В ликвидационных записках никогда не следует помещать конспиративных кличек сотрудников, а также указывать вообще на лицо, давшее сведения, а употреблять для этого выражение «по имеющимся негласным сведениям». Агентурные сведения, известные лишь одному секретному сотруднику или очень тесному кругу лиц, помещать в такие записки не надлежит вовсе.

Ликвидацию следует начинать с тех мест и лиц, где могут быть серьезные вещественные доказательства или «техника», т. к. таковое, как поличное, дает возможность привлекать по обвинению в участии в революционном сообществе лиц, даже застигнутых без вещественных доказательств на их квартирах и дает возможность прикрыть агентуру. Лучше всего удается прикрыть агентуру, если начинать ликвидацию с ареста установленной наблюдением сходки хотя бы некоторых из подлежащих ликвидации наиболее видных лиц, т. к. такой прием придает ликвидации вид случайности. Для взятия типографий или мастерских бомб хорошо начинать с задержания на улице, под благовидным предлогом, кого-либо из проживающих в намеченной квартире лиц, чем и объясняется последующий обыск квартиры.

§ 26.

Вознаграждение сотрудника находится в прямой зависимости от ценности даваемых им сведений и положения, занимаемого им в организации.

§ 27.

Секретные сотрудники, если они не живут на партийные средства, обязательно должны иметь какой-либо легальный заработок, т. к. неимение такового немедленно возбуждает в организации подозрение относительно источника средств к существованию. Устраиваться на службу сотруднику следует рекомендовать самому, без посредства лица, ведающего розыском, т. к. посредничество это, хотя бы и через промежуточных лиц, рано или поздно неминуемо ведет к «провалу» сотрудника. При наличности скудного легального заработка секретного сотрудника надлежит обращать самое серьезное внимание на то, чтобы он не давал повода заметить другим, что он живет выше своих средств. В особенности следует обращать внимание на несоответствие легальному заработку платья, обуви и т. п.

§ 28.

Во время ареста жалованье сотруднику должно быть обязательно сохранено и по возможности даже увеличено. Провалившихся сотрудников следует стараться устраивать на месте (кроме службы в розыскных учреждениях) и первое время поддерживать их материально.

§ 29.

Раставаясь с секретным сотрудником, не следует обострять личных с ним отношений, но вместе с тем не ставить его в такое положение, чтобы он мог в дальнейшем эксплоатировать лицо, ведающее розыском, неприемлемыми требованиями.

§ 30.

Свидания с секретными сотрудниками должны происходить на особых («конспиративных») квартирах. Невыяснившемуся секретному сотруднику не следует показывать «конспиративную» квартиру; лучше иметь для таковых особую квартиру или номер в гостинице, или же назначать свидания с такими лицами в ресторанах и т. п. местах.

§ 31.

Конспиративная квартира не должна помещаться в таких местах, где удобно установить за ней наблюдение (соседство трактира, сада, мелочной лавочки, стоянки извозчиков, трамвайного павильона, общественного заведения и пр.). Она должна иметь обязательно два выхода, не находиться во дворе, быть по возможности ближе к канцелярии и в такой части города, где живет поменьше революционных деятелей.

§ 32.

Конспиративных квартир для свиданий с сотрудниками нужно иметь по возможности больше, и на одной и той же квартире назначать свидания в разные дни и часы сотрудникам разных партий, чтобы предупредить не только весьма вредные последствия, но и самую возможность встречи двух сотрудников.

§ 33.

Чтобы предупредить возможность встречи двух сотрудников, из коих один пришел в назначенный час, а другой по какому-либо экстренному делу, квартира должна быть устроена так, чтобы сошедшихся всегда можно было изолировать друг от друга.

§ 34.

Наилучшей конспиративной квартирой может служить квартира безусловно верного семейного лица, служившего в охранном отделении или в жандармском управлении на должности, по которой его мало знали в городе, живущего на покое, в отставке, без прислуги, и не имеющего никакого другого отношения к розыскному учреждению.

§ 35.

Обыкновенно же конспиративная квартира устраивается у лиц, служащих в отделении или управлении, пользующихся особым доверием, которые не занимают показных должностей (которых меньше знают) и которых никто из служащих, известных в городе и в особенности в форменном платье, не посещает.

§ 36.

Следует принять за правило запирать на ключ комнату, в которой происходит свидание с секретным сотрудником, или в которой он находится один. У зеркала или окна сотрудника никогда сажать не следует. Не следует также иметь в комнате, посещаемой сотрудником, никаких бумаг, записок и т. п. документов, относящихся к деятельности отделения или управления. Вообще в целях предупреждения различных неудач не следует пренебрегать никакими предосторожностями до мелочных включительно.

§ 37.

Самое ничтожное сведение о подозрении в «провале» конспиративной квартиры должно служить основанием к немедленной ее перемене.

§ 38.

На каждого секретного сотрудника заводится особая тетрадь (книжка), куда заносятся все получаемые от него сведения. В конце тетради должен быть алфавит, в который заносятся все имена, упоминаемые сотрудником, с ссылкой на страницу тетради, на которой имеются о них сведения. В этот же алфавит заносятся и установки лиц с ссылками на первоначальное имя или революционную кличку.

§ 39.

Со всех алфавитов пишутся листки, которые нанизываются на дугу (общий архив) или регистратор всех лиц, проходивших по внутреннему и наружному наблюдению. На каждое лицо может быть несколько листков по различным кличкам и установке, но со ссылкой на другие листки, например «М о р т и м е р» (кличка в организации Самуила Рысса), Регистр. С. Р. т. 1. См. Н и к о л а е в Иван Петров (нелегальный паспорт Рысса). — См. Р ы с с Самуил Янкелев — действительная фамилия Николаева («Мортимера»). См. «С а м о н я» — (имя Рысса в семейном кругу). См. «Б е р л и н с к и й» — (кличка наблюдения Рысса) и т. п

Таким образом имея отдельный лист на каждую из кличек со ссылкой на остальные, всегда можно по каждому из них найти нужное лицо. На этих листках, кроме кличек и установок и ссылки на регистратор агентуры или № сотрудника, который дает сведения о данном лице, ничего не пишется.

§ 40.

Все сведения об одном лице, поступающие от различных сотрудников, заносятся из книжек на особый лист, на котором сосредоточиваются решительно все агентурные сведения о данном лице. (Форма приложена к инструкции).

Все листки со сведениями о членах одной и той же организации нанизываются на отдельный регистратор, на который и делается ссылка в листке, находящемся на дуге. (Напр. «Рег. С. Р. т. 2»).

§ 41.

О лицах, бывших секретными сотрудниками и зарекомендовавших себя с отрицательной стороны, следует незамедлительно сообщать в Департамент полиции, а также во все розыскные учреждения и жандармские управления.

Приложение № 6

ДОКЛАД ЗАВЕДУЮЩЕГО ЗАГРАНИЧНОЙ АГЕНТУРОЙ КРАСИЛЬНИКОВА ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ БЕЛЕЦКОМУ

1911 г.

Агенты наружного наблюдения, отлично осведомленные о том положении, в которое поставлена агентура, далеко не являются людьми, верными своему долгу, способными сохранить служебную тайну; наоборот, большинство из них за малым исключением, к числу которых следует отнести, главным образом, англичан, готовых эксплоатировать в личных интересах не только все то, что им могло сделаться известно, но и самый факт нахождения их на службе у русского правительства.

Или, как они выражаются, для придачи этому более компрометирующего значения — на службе у русского посольства.

В результате получается совершенно ненормальное положение: агенты наружного наблюдения находятся на службе Департамента полиции, хорошо Департаментом оплачиваются, а между тем, в силу существующих условий, приходится с ними считаться, постоянно имея в виду, что каждый из них не только может, но и вполне способен при первом случае поднять шум, вызвать инцидент, который поставит заграничную агентуру в затруднительное положение.

Пока агент исполняет свои обязанности добросовестно, все идет хорошо, но когда он от этого уклоняется и приходится с него взыскивать, в особенности же в случаях увольнения, тогда «волк показывает зубы», и начинается всякого рода шантаж, или прямо измена.

Принимая во внимание, что агентов много и всякое попустительство по отношению к одному служит отвратительным примером для других, то безусловная дисциплина необходима в столь важном и ответственном деле. Заведующему заграничной агентурой необходимо строго преследовать всякое от нее уклонение, но, с другой стороны, ему постоянно приходится считаться с рис-

ком вызвать неприятную историю в случае неповиновения или мести провинившегося агента, являющегося, как и все его товарищи, носителем служебных тайн и личным участником нелегальной деятельности заграничной агентуры. Когда же такие инциденты начинаются, то положение становится тем тяжелее и неприятнее, что приходится итти на компромиссы, вместо того, чтобы ответить виновному по достоинству.

При вступлении моем в заведывание заграничной агентурой мне пришлось вести переговоры с бывшим агентом Озанном, угрожавшим разоблачениями и требовавшим уплаты ему 5 000 франков.

После многих перипетий и при содействии некоторых чинов префектуры удалось привести Озанна к согласию удовольствоваться 3 500 фр., которые и были Департаментом ему уплачены.

После этого начались требования бывшего агента Демайлля, тоже угрожавшего разоблачениями. Департаментом было уплачено ему 750 фр.

Чтобы насколько возможно обезопасить себя от повторения подобных инцидентов, мною, с разрешения Департамента, при увольнении агентов, выдавалась им индемнизация в размере трехмесячного оклада жалованья, но, однако, и это вознаграждение не мешало некоторым агентам в той или другой степени стараться вредить делу, которому они прежде служили.

Лучшим примером, яркой иллюстрацией всего того, что я имею честь докладывать выше, является дело с Леоне, который, будучи уволен за самое недобросовестное исполнение служебных обязанностей и всякие неблаговидные поступки, тем не менее все же получил вознаграждение в 750 фр., выдав расписку в полном удовлетворении.

Этот же Леоне через год заявляет о своем желании быть вновь принятым на службу; сначала просит, затем требует, наконец, угрожает и, в конце концов, идет к Бурцеву, который при помощи его, поднимает против заграничной агентуры целый поход. При этом оказалось, что Леоне за все время своей службы тщательно отмечал себе все, что могло представлять интерес, сохранил некоторые письма, другие сфотографировал, утаил доверенные ему фотографии, одним словом, все время систематически готовился к будущей измене.

Когда же момент этой измены наступил, то этот итальянец, ни разу не ступавший на французскую территорию, никогда меня не видавший и не получавший от меня ни слова, заявляет всюду и везде, что он состоит на службе у русского посольства в Париже и что я был его начальником, и это, несмотря на то, что взятая с него, при выдаче ему 750 фр. вознаграждения, подписка, собственноручно им написанная на французском и итальянском языках, гласит, что он «состоит на службе в справочном бюро Биттар-Монена, от которого и получил полное удовлетворение».

Ясно, что наименование себя агентом русского посольства в

Париже было для Леоне необходимо, чтобы придать важность своим разоблачениям, ибо кому, кроме Бурцева, могла бы быть интересна деятельность частного справочного или даже розыскного бюро, тогда как обвинение русского посольства в розыскной деятельности, в содержании агентов для наблюдения за эмигрантами являлось делом громким, имеющим уже политическое значение, а потому могущим найти поддержку и среди французских социалистов, как повод к выступлению против правительства.

Необходимо при этом отметить и тот факт, что Леоне встретил поддержку и содействие со стороны бывших агентов заграничной агентуры, которых он разыскал в Париже.

Несмотря на то, что эти бывшие агенты, получившие при увольнении особое вознаграждение по 750 фр., отлично знали выступление Леоне, один из них — Геннекен — помогал ему деньгами, без которых он бы не прожил в Париже, другой—Робайль,— кроме денежной помощи, еще сообщил ему все неизвестные Леоне, а известные ему Робайлю, имена и адреса агентов наблюдения; эти адреса Леоне тотчас же сообщил Бурцеву.

После Леоне, другой агент, уволенный за надувательство, за посылаемые им ложные донесения, тогда как он находился у своей жены — далеко от места наблюдения, — Жоливе — тоже обратился к Бурцеву и предложил ему продать какие-то документы и сделать разоблачения, и дело не состоялось только потому, что у Бурцева не было денег. А между тем Жоливе, бывший агент парижской полицейской префектуры, был мне отлично рекомендован: при расчете с ним, несмотря на изобличение его в обмане, ему, кроме полного расчета, выдано было еще вознаграждение в размере месячного оклада содержания.

К сожалению, должен доложить, что все эти примеры не есть исключение и что повторения подобных инцидентов можно ожидать постоянно по тому или другому поводу; более того, мне отлично известно, что многие агенты тщательно записывают все то, что делают сами, и то, что поручается их товарищам, службою коих они постоянно интересуются. Цель такого интереса и этих записей понятна сама собою — создать себе материал для использования в будущем.

Принимая во внимание все изложенное, нельзя не притти к заключению, что является необходимым такому положению вещей положить конец, а это достигнется только тогда, когда наблюдение будет осуществляться вполне легально.

Когда в 1901 г. во Франции был издан закон, воспрещающий заниматься воспитанием юношества монашеским орденам, то последние тотчас же преобразовали свои учебные заведения, после чего продолжали попрежнему свое преподавание, но только под личиной школ, содержимых частными лицами или обществами.

Нечто подобное было бы необходимо предпринять для дальнейшего осуществления во Франции наружного наблюдения, создав для этого легально функционирующий орган, который бы не

подлежал шантажу, основанному лишь на том, что наблюдение это ведется нелегально.

В донесении от 11/24 июня 1910 г. я уже имел честь докладывать о необходимости поставить дело наружного наблюдения таким образом, чтобы филеры не могли считать себя на службе у русского императорского посольства, и что мною принимаются к тому все меры.

Прекратив допуск агентов в здание посольства, запретив посылку по адресу его донесений наблюдения и вообще всякой конспиративной корреспонденции и объявив, наконец, всем филерам, путем предъявления им письменного разъяснения, что императорское посольство, как дипломатическое учреждение, полицейским делом и розыском не занимается и никаких агентов не содержит, я вместе с тем старался все обставить таким образом, как будто агенты находятся на службе у Биттар-Монена, частного лица.

Однако, несмотря на то, что вся «видимость» была за эту версию, все же агенты наблюдения при каждом нужном для них случае заявляли, что они находятся на службе в русском посольстве.

Инцидент Леоне показывает, что одна «видимость» совершенно недостаточна и что необходимо по самому существу дела все поставить таким образом, чтобы подобного рода заявления противоречили самой очевидности, которую в случае надобности можно было бы установить документально.

Эта же цель может быть достигнута только совершенной ликвидацией всего состава наружного наблюдения во Франции и Италии, которому было бы объявлено, что в виду инцидентов последнего времени и повторяющихся случаев измен, заграничная агентура прекращает окончательно свое существование, что никого не удивит, ибо филеры сами понимают, что дальше такое положение продолжаться не может.

Эта ликвидация с соблюдением всех формальностей — выдачею увольняемым агентам их документов, получением от них расписок в полном удовлетворении и т. п. — составила бы первый пункт той программы, которую необходимо было бы ныне выполнить, чтобы достичь указанной выше цели.

Второй же пункт состоял бы после этого в организации с наблюдением всех требований французского закона, частного розыскного бюро, которое бы, как многие другие подобные предприятия, уже существующие в Париже и во Франции вообще, могло бы заниматься розыскной деятельностью и наблюдениями вполне легально.

Бывший начальник парижской сыскной полиции Горон, выйдя в отставку, открыл розыскное бюро, существующее до сих пор, и зарабатывает большие деньги. Заведывавший когда-то наблюдением при заграничной агентуре Альфред Девернин тоже занимается ныне частным розыском, и никто не будет удивлен, если теперь, после окончательной ликвидации, старший агент Бинт объявит другим филерам, что, чувствуя себя еще в силах рабо-

тать и сделав за 32 года своей службы кой-какие сбережения, он намерен тоже открыть розыскное бюро по примеру Горона, Девернина и других.

При этом Бинт предложит некоторым из агентов и только лучшим из них пойти к нему на службу, выработает с ними условия и заключит с каждым из них договор найма, который будет зарегистрирован согласно закона.

Выполнив затем все требующиеся законом формальности, Бинт устроится в нанятом для его бюро помещении, начнет свою частную деятельность, делая, по примеру других частных полицейских бюро, соответствующие рекламные объявления в некоторых газетах, с указанием адреса бюро, телефона и т. д., приблизительно такого содержания: «Генрих Бинт, бывший инспектор сыскной полиции. Дознание, розыск, частные наблюдения».

Если на такое объявление кто-нибудь отзовется, то Бинт не будет отказываться первое время от исполнения предложенных ему посторонних дел, так как возможно, что некоторые обращения частных лиц в его бюро будут делаться с целью проверки, действительно ли он занимается общим розыском в коммерческих интересах.

Главная же и, в сущности, исключительная деятельность розыскного бюро Бинта будет состоять в осуществлении тех наблюдений, которые будут мною ему указываться.

Характер этих наблюдений не удивит агентов потому, что Бинт уже при соглашении с ними объяснит что, открывая свое бюро, он рассчитывает исполнять поручения Департамента полиции, что во внимание к его 32-летней службе и заслуженному им доверию, Департамент предпочтительно будет обращаться к нему, чем к кому бы то ни было другому.

Если же впоследствии даже было бы установлено, что бюро Бинта, главным образом, наблюдает за русскими эмигрантами, то никто не может ему в этом воспрепятствовать, равно как и доказать, что наблюдение это ведется по поручению Департамента полиции, так как никаких следов сношений с Департаментом в делах бюро не будет.

В случае же каких-либо агрессивных действий со стороны контрреволюционной полиции, перед которой ныне приказано отступать агентам заграничной агентуры из боязни инцидента, могущего вызвать нежелательное осложнение, то агенты розыскного бюро Бинта этой боязни иметь уже не будут и смогут дать насильникам отпор, открыто заявляя о своей службе у частного лица и сами обвиняя их в самоуправстве.

Конечно, допустимо, что впоследствии и среди агентов Бинта тоже могут оказаться изменники, но измена их не будет иметь того значения и, при невозможности воспользоваться для создания политического инцидента, не представит ни для кого интереса, кроме как разве для...*

* Так в подлиннике.

На что, главным образом, следует в данном случае обратить внимание, это на то неприятное положение, которое создает французскому правительству каждый инцидент, указывающий на существование во Франции русской политической полиции.

При повторении таких инцидентов французское правительство может, в конце концов, действительно, оказаться вынужденным заявить о желательности прекращения во Франции полиции, находящейся на службе у русского посольства.

Когда произошел инцидент Леоне с Фонтата и я был вызван утром по телефону в министерство внутренних дел, новый директор «Сюрете Женераль» г-н Пюжале, расспрашивая меня о подробностях происшедшего, просил сказать, что ему доложить министру, который требует по этому делу экстренный доклад, имея в виду возможность интерпелляции социалистов палаты. Передав суть дела, я предъявил г-ну Пюжале выданную Леоне при увольнении от службы собственноручную расписку, в коей он признавал, что состоял на службе агентом у частного предпринимателя Биттар-Монена, и при этом я сказал г-ну Пюжале, что расписка эта опровергает заявление Леоне, что он состоял агентом русского посольства в Париже. Правительство в случае интерпелляции может утверждать, что все дело сводится к личной ссоре двух агентов частного розыскного бюро.

Директору «Сюрете Женераль» очень понравилась эта мысль, и он сказал, что именно в этом смысле он сделает доклад министру.

В дальнейшем разговоре по этому поводу директор «Сюрете Женераль» высказал, что, вообще, раз вопрос касается деятельности частного розыскного бюро, то правительству никаких объяснений давать не приходится, и достаточно ему об этом заявить, чтобы инцидент оказался исчерпанным.

С другой стороны, когда появился в газете «Matin» разговор редактора этой газеты с агентом Фонтана, заявившим, что он состоит на службе у частного лица г. Биттар-Монена и к русскому посольству никакого отношения не имеет, то заявление это вызвало неудовольствие Бурцева и депутатов Жореса и Дюма, усмотревших в нем «ловкий полицейский маневр», могущий помешать им использовать инцидент Леоне — Фонтана, как доказательство существования во Франции русской полиции.

Раз же розыскное бюро будет учреждено с выполнением всех формальностей и требований закона и все будет удостоверяться зарегистрированными актами, то, если социалисты и утверждали бы, что все это есть «только маневр» и бюро Бинта субсидируется, даже содержится русским Департаментом полиции, утверждения эти останутся чисто голословными, тогда как французское правительство сможет ответить на них доказательно, заявляя, что не имеет возможности воспрепятствовать действию правильно организованного частного предприятия, как и права доискиваться, кто именно является его клиентами.

В качестве директора-владельца розыскного бюро я полагал бы более подходящим избрать Генриха Бинта, вместо нынешнего заведующего наружным наблюдением Биттар-Монена, имя которого приобрело за последнее время слишком большую известность вследствие упорной против него кампании Бурцева.

32-летняя служба Бинта в заграничной агентуре с самого начала ее организации дает основание отнестись с доверием как к личной его честности и порядочности, так и к его розыскному опыту, созданному многолетней практикой не только во Франции, но и в других государствах Европы: Германии, Италии и Австрии.

Кроме того, по натуре своей, несколько тщеславной, Бинт наиболее подходит к предстоящей ему роли.

Имея в виду в будущем всякие случайности, я полагал бы необходимым приобщить к Бинту помощника, который являлся бы в общем их предприятии равноправным с ним компаньоном, причем между ними заключен бы был формальный компанейский договор, устанавливающий, что, учреждая совместно розыскное бюро, в случае смерти одного из них, весь актив их общего предприятия, как-то: обстановка бюро и деньги, могущие оказаться в кассе налицо, переходят в собственность другого.

Контракт о найме квартиры под бюро должен быть заключен на имя обоих компаньонов.

В качестве компаньона Бинта я полагал бы избрать старшего, последнего по времени службы Альберта Самбена, на порядочность, скромность и честность которого тоже вполне можно положиться.

Самбен, как и Бинт, был бы посвящен во всю суть дела и находился бы в сношениях со мною, тогда как все остальные служащие бюро не должны знать об этих сношениях.

Один из компаньонов обязательно должен жить в помещении бюро.

Из числа 38 филеров, французов и итальянцев, состоящих ныне на службе, я полагал бы удержать в качестве агентов частного розыскного бюро одиннадцать французов и одного итальянца, так что общий состав бюро, вместе с Бинтом и Самбеном, будет равняться 14 человекам.

Такое сокращение состава наблюдения, хотя бы на первое время, является необходимым, главным образом, для того, чтобы отбросить весь мало-мальски ненадежный элемент, а также, чтобы придать более вероятности факту учреждения розыскного бюро частным человеком, который, конечно, не мог бы сразу брать себе значительное число служащих.

По мере надобности и нахождения соответственных людей, состав этот может быть впоследствии увеличен.

Кроме того, я имею в виду использовать еще и нижеследующее обстоятельство:

В настоящее время, вследствие реорганизации парижской полицейской префектуры новым префектом полиции Геннисном,

многие из членов префектуры, выслужившие уже право на пенсию и недовольные новыми порядками, выходят теперь в отставку.

Большинство из них, не намереваясь поступать на постоянную частную службу, не прочь, тем не менее, при случае увеличивать свои средства дополнительными заработками, и я имею в виду, что, по мере надобности, розыскное бюро будет использовывать их для ведения временных наблюдений или исполнения других поручений.

Список агентов, намеченных в состав розыскного бюро, с указанием получаемого ими в настоящее время содержания:

Бинт Генрих — директор бюро (800 фр.), Самбен Альберт — помощник директора (400 фр.).

В качестве агентов французы: Дюрен Генрих — 300 фр.. Фонгэн (Гамар) Поль — 300 фр., Казаюс Жорж — 250 фр., Рим (он же Муссонэ) Жорж — 250 фр., Делангль Шарль — 250 фр., Готтлиб Жорж — 250 фр., Фежер Луи — 250 фр., Лоран Бернар — 250 фр., Пушо Август — 250 фр., Ружо Франсуа — 250 фр., Друша Берта — 200 фр., Инвернизи Евгений, итальянец — 200 фр.; всего 4 300 фр.

Список агентов, предположенных к увольнению, с указанием получаемого ими ныне содержания:

Французы: Фохт Морис —300 фр., Бартес—250 фр., Бониоль — 250 фр., Бертольд—250 фр., Шарле—250 фр., Дюссосуа—250 фр., Годар — 250 фр., Фантана — 250 фр., Генри — 250 фр., Левек — 250 фр., Рио — 250 фр., Совар — 250 фр., г-жа Ришар — 250 фр., г-жа Тиерселен — 200 фр.

Итальянцы: Фрументо — 250 фр., Розерон — 250 фр., Отт-Гиец — 150 фр., Туннингер, австриец — 265 фр.; всего 4 365 фр.

Помещение для бюро в четыре комнаты я полагал бы необходимым нанять в одном из людных центров Парижа и в таком доме, где другие конторы или коммерческие предприятия, посещаются посторонней публикой. Думаю, что подходящее помещение может быть найдено за цену 3 000—2 500 фр. в год. При расчете с агентами с каждого из них будет взята подписка в том, что, состоя на службе у г. Биттар-Монена, содержателя частного розыскного бюро, ныне ликвидировавшего свое дело, он от него весь расчет и полное удовлетворение получил. Ничего нет невозможного в том, что некоторые из уволенных агентов по получении всего, что им следут, обратятся потом к Бурцеву, но это будут те, которые рано или поздно все равно нашли бы к нему дорогу, а в данном случае сообщения их в общем мало интересны, будут относиться уже к «прошлому», так как волей-неволей им придется сообщить о происшедшей окончательной ликвидации.

В виду необходимости, как при ликвидации прежнего состава наблюдения, так и при учреждении и организации частного розыскного бюро, соблюсти все требования закона и соответственно редактировать расписки и указанные выше разного рода акты, придется поручить всю эту сторону дела юристу, и я полагал бы

пригласить для этой цели адвоката Жеро Карройона, уже выступавшего по делам заграничной агентуры.

Организация наблюдения на новых началах столь же необходима в Италии, как и во Франции, инцидент с Леоне служит тому лучшим доказательством, но определенный доклад по этому предмету я буду иметь возможность представить только после поездки моей в Рим, где вопрос этот придется предварительно обсудить с местными властями.

Наблюдение в Англии функционирует правильно, без всяких инцидентов и осложнений, и я полагал бы никаких изменений в организацию оного не вводить.

Заведующий наблюдением Поуелль ведет дело умело, агенты-англичане по природе своей отличаются порядочностью и заслуживают доверия.

Кто же касается Германии, то там, а именно в Берлине, имеются только двое старо-служащих агентов: Нейхауз и Вольтц, хорошо известные и местным властям, как состоящие на службе в русской полиции, и так как их только двое, то не представляется надобности вносить какие-либо изменения в их служебное положение.

Приложение № 7

СПРАВКА

об организации заграничной агентуры *

После обнаружения в 1909 г. во Франции деятельности заведывающего заграничной агентурой Гартинга и заявления во французском парламенте председателя Совета министров Клемансо об отсутствии во Франции иностранной полиции, возник вопрос о возможности дальнейшего существования за границей секретного заграничного бюро.

Вследствие сего было решено, после необходимых перемен в личном составе служащих в секретном бюро, деятельность последнего не прерывать. Но подобное неофициальное положение нашего розыскного бюро за границей, в связи со случаями разоблачения его деятельности со стороны агентов наружного наблюдения, при крайней чувствительности французской полиции ко всяким инцидентам, могущим поднять вопрос о продолжении деятельности означенного бюро во Франции, создало не только чрезвычайно трудное положение для осуществления возложенной на бюро розыскной деятельности, но могло вынудить французское

* Составлена Департаментом полиции министерства внутренних дел 16 февраля 1916 г.

правительство к заявлению о желательности прекращения во Франции всякой деятельности русской полиции.

Для выхода из этого положения и в целях сохранения для нас возможности вести за границей политический розыск, признано необходимым преобразовать постановку русского заграничного розыскного бюро на таких началах, когда, при возникновении вопроса о деятельности нашей политической полиции, французскому правительству не придется давать объяснений по вопросу о воспрепятствовании действию организованного и субсидируемого Департаментом предприятия.

В этих целях Департаментом полиции в конце 1913 г. русское заграничное бюро по политическому розыску было преобразовано на следующих основаниях:

1. В Париже организовано на средства Департамента, с соблюдением всех требований французского закона, частное розыскное бюро «Бинт и Самбен», которое, подобно другим существующим частным предприятиям, занимается розыскной деятельностью вполне легально.

2. Деятельность этого частного бюро подчиняется статскому советнику Красильникову, являющемуся в действительности заведующим всем секретным политическим розыском за границей, организованным министерством внутренних дел.

3. В качестве директора — владельца частного розыскного бюро — назначен Генрих Бинт, а в качестве его помощника Альберт Самбен, бывшие агенты наружного наблюдения.

4. В личный состав служащих частного розыскного бюро, за увеличением всего прежнего состава наружного наблюдения, включено 18 из уволенных агентов, считая в том числе Бинта и Самбена.

5. Из личного состава служащих в частном бюро в сношениях с статским советником Красильниковым находятся только Бинт и Самбен, остальные служащие не должны знать о существовании этих сношений.

6. Заведующий заграничной агентурой именуется в переписке: «Командированным министерством внутренних дел за границу для сношения с местными властями и российскими посольствами и консульствами», при чем положение его в Париже легализировано, как представителя от министерства внутренних дел.

7. В непосредственном распоряжении заведующего заграничной агентурой находятся агенты для охраны пребывающих заграницей высокопоставленных лиц.

8. Сношения с секретной агентурой и руководством последней производятся при посредстве командированных в распоряжение заведующего заграничной агентурой лиц.

9. Для исполнения разного рода отдельных поручений по сношениям с чинами французской полиции по текущим делам назначен бывший заведующий наружным наблюдением Битар-Монен.

Личный состав

Заведующий заграничной агентурой чиновник особых поручений при министре внутренних дел статский советник Александр Александрович Красильников.

Командированные в его распоряжение: а) отдельного корпуса жандармов ротмистр Люстих, б) отдельного корпуса жандармов ротмистр Лиховский и в) губернский секретарь Литвин.

Чины канцелярии

1. Титулярный советник Мельников. 2. Губернский секретарь Бобров. 3. Губернский секретарь Волховский. 4. Г. Чашников.

Секретная агентура

1. «Шарни». 2. «Американец». 3. «Матиссе». 4. «Ратмир». 5. «Космополит». 6. «Серж». 7. «Дасс». 8. «Пьер». 9. «Скосс». 10. «Гретхен». 11. «Поль». 12. «Мартен». 13. «Лебук». 14. «Шарпантье». 15. «Россини». 16. «Женераль». 17. «Луи». 18. «Гишон». 19. «Вебер». 20. «Ниэль». 21. «Ней». 22. «Сименс». 23. «Франсуа». 24. «Орлик». 25. «Шарль».

Наружное наблюдение

Во Франции осуществляется частным розыскным бюро «Бинт и Самбен».

а) В Лондоне — 4 агента.

б) В Италии — 5 агентов.

Агенты охранной команды

4 агента.

Содержание заграничной агентуры

Сметный годовой отпуск — 687 613 фр. (258 542 руб.).
Израсходовано в 1914 г. 595 651 фр.

Приложение № 8

ДОНЕСЕНИЕ СЕКРЕТНОГО СОТРУДНИКА А. ЛИТВИНА

заведующему заграничной агентурой А. Красильникову, 1 июня 1915 г.

Доношу, что 11—12 мая текущего года лично я и секретный сотрудник «Шарль» явились в германское посольство в Берне, где были приняты военным атташе посольства полковником фон-Бисмарком с целью переговоров по известному делу.

Последнему мы заметили, что в ноябре месяце прошлого года были командированы в Россию и были связаны по делу с Кон-

стантинопольским послом, с майором Ляфертом, полковником Шеллендорфом и Люднером. Возложенное на нас поручение мы выполнили, по независящим от нас обстоятельствам, лишь в ночь на 1—14 апреля месяца текущего года, но что независимо от сего дела мы завязали сношения с Охтенским заводом, в котором нам удалось произвести известный взрыв, происшедший 16—19 апреля с. г.

За все время нашего отсутствия мы вышеупомянутым лицам посылали с разных мест нахождения нашего в России письма и телеграммы по данным нам адресам, но не знаем, были ли получены наши письма и телеграммы.

Вслед за совершением взрыва моста нами было послано в Бухарест специальное лицо, которое нами было лично уполномочено подробно переговорить с полковником Шеллендорфом и Люднером в Бухаресте, но лицо это провалилось и задержано на границе. Вследствие этого случая, из боязни личного задержания, мы пробрались в Финляндию, откуда через Англию и Францию добрались до Швейцарии, как пункта, более удобного для дальнейших переговоров.

В подтверждение всего вышеизложенного мы представили французские газеты с описанием взрыва моста в России, имеющего стратегическое значение, и вырезки из газет об Охтенском взрыве. Мы объяснили, что, вероятно, по цензурным условиям, о взрыве моста сообщено в русских газетах не было, так как это произошло далеко от центра России, а сообщение о взрыве мастерской завода объяснили тем, что это произошло в столице, так сказать, на виду у всех, и что поэтому скрывать это происшествие было невозможно, и что для оправдания этого фокта нужно было издать правительственное сообщение, которое указало в происшествии, как причину, несчастный случай.

Во время рассказа немецкому полковнику фон-Бисмарку о взрыве мастерской в Охтенском заводе, я заметил его удивление и тонкую ироническую улыбку, не сходившую с его лица за все время нашего повествования об этой мастерской. Для меня стало ясным, что об этом происшествии у него имеется какое-нибудь совершенно определенное понятие, и что нашим словам он не верит.

Психологические мои догадки подтвердило дальнейшее поведение Бисмарка, который, не интересуясь вовсе взрывом мастерской, быстро перешел к расспросам о мосте. Показывались газеты с заметками о взрыве; говорилось, что со всех мест России посылались телеграммы по данным нам адресам; указывалось на массу препятствий, какие пришлось преодолеть, пока удалось совершить взрыв моста; упоминалось, что в первоначальной организации этого дела произошел провал взрывчатых веществ, которые были захвачены полицией, вследствие чего само совершение взрыва моста пришлось оттянуть до более удобного момента, которым и воспользовались 1—14 апреля с. г. и т. д.

После этих объяснений, повидимому, создалось более или менее благоприятное впечатление, вернее, не чисто деловое, официальное, так как он сказал, что, к сожалению, майора Ляферта уже нет в Константинополе, откуда он переведен. Куда переведен, не сказал. Спрашивать было неудобно. После всего этого он нам обещал немедленно послать телеграмму в Берлин за указаниями, высказав предположения, что о нас последуют запросы и в Константинополь, но что ответ о нас последует, вероятно, дней через 5.

Для сношения с нами я дал ему адрес до востребования в гор. Цюрих на имя Тибо. При этом просил посылать только простые письма, так как у меня нет паспорта, и эта фамилия вымышленная. Адрес этот я собственноручно записал карандашем (измененным почерком) в записную книжку упомянутого немецкого полковника, который, вынув книжку из кармана, попросил записать меня свой адрес. Я пояснил, что живу в Цюрихе, но что буду там через 3—4 дня, а что теперь я еду в Женеву, где должен буду иметь свидание с некоторыми товарищами, которых думаю пригласить с собою в будущем на дела. В этот момент полковник Бисмарк заметил мне: «Сколько уже лиц являлось по делу этой Охты», и махнул при этом рукой, усмехнувшись. Мы сделали удивленное лицо и ответили, что очень хотели бы видеть этих лиц.

На основании вышеизложенного у меня сложилось убеждение, что у немцев по делу взрыва на Охтенском заводе имеется какое-нибудь, как я уже говорил об этом, совершенно определенное понятие, а именно:

1) либо им известно, что это происшествие, действительно, несчастный случай;

2) либо, что это дело рук их агентов, хорошо им известных.

При таких обстоятельствах мы расстались. Не получая никакого ответа в течение 9 дней, я решил еще раз повидаться с Бисмарком и поторопить последнего с ответом, исходя из тех соображений, что Бисмарк в разговоре может о чем-нибудь проболтаться, что может оказаться полезным для наших соображений общих. Отсутствие ответа из Берлина я начал истолковывать тем, что немцы через свою агентуру наводят справки относительно взрыва моста в России. Во второй раз мы сначала спросили его по телефону, не получено ли им каких-либо известий для нас. Узнав, что у него ничего для нас не имеется, попросили его назначить нам время для личных переговоров, так как мы хотим оставить ему наш новый адрес. После некоторого колебания он согласился нас принять, и мы были приняты вторично 16—29 мая с. г. в субботу, в 5 ч. пополудни, в той же самой комнате посольства, но в присутствии какого-то господина, который занимался в той же комнате какими-то чертежами. Судя по внешности и манерам, господин этот производил впечатление военного. В наш разговор он не вмешивался.

При этом вторичном свидании фон-Бисмарк любезно объяс-

нил, что его роль в данном случае сводится только к посредничеству, что он своевременно сообщил в Берлин обо всем по телеграфу и что неполучение ответа, вероятно, задерживается массой работы и рассылкой нужных людей, поэтому нам надлежит терпеливо ждать. Если же нам нужны деньги, то он еще раз протелеграфирует в Берлин и испросит указаний.

В ответ на это мы ему возразили, что деньги нам пока совершенно не нужны, и что этот вопрос нас меньше всего интересует.

Следуемые нам деньги мы сможем получить впоследствии, так как мы взялись за исполнение их поручений не по материальным расчетам, а из побуждений политического характера, как революционеры. В виду этого мы настаиваем на скорейшем свидании с кем-либо из их среды, с целью продолжения других дел и установления связей на этот предмет. Все это делается потому, что средства сообщения теперь затруднительны, время идет, а каждый день ожидания только тормозит дело.

Разговор этот произвел на полковника Бисмарка очень выгодное впечатление, и он сказал, что вновь обо всем телеграфирует в Берлин.

При таких обстоятельствах мы расстались вторично. В виду неопределенного положения я уехал, сказав «Шарлю», чтобы последний дальнейшие отношения вел самостоятельно и лишь в крайнем случае, в добывании агентурных сведений, обращался за помощью к нам, — в моем лице, — и ни в коем случае не соглашался ехать для переговоров, если таковые последуют, в Австрию или Германию.

Я думаю, что немцы, несомненно, наводят справки по делу взрыва моста и что после этих справок к нам могут отнестись в лучшем случае, как к шантажистам, а в худшем — вплоть до самых неприятных последствий, но в интересах розыскного дела, преследуя исключительно надежды добыть хоть какие-нибудь полезные сведения, при таком положении, можно было бы рискнуть доказывать немцам, что их агентура и сведения не верны, или они просто не осведомлены, так как взрыв мастерской Охтенского завода произведен только благодаря нам, и что в доказательство этого мы можем, находясь в Швейцарии, непосредственно связать немцев с нашим товарищем-революционером, служащим в конторе Охтенского завода, который устроил взрыв в заводе и может организовать еще лучшие взрывы и дать немцам полное объяснение всего, что их может интересовать там.

Исполнение такой ссылки немцам можно было бы осуществить помещением в контору Охтенского завода какого-либо агента полиции, который нами мог бы быть указан, как наш товарищ — революционер.

Такой вымысел дал бы возможность обнаружить немецких агентов, находящихся в России, если бы таковые обратились к указанному нами им лицу.

ИЗ ИСПОВЕДИ Б. ДОЛИНА

...Приблизительно в октябре этого года * ко мне обратился один знакомый, выходец из России, с просьбой познакомить его брата с кем-нибудь из русских революционеров; он обратился ко мне, так как лично у него в этой среде нет никаких связей. Он просил меня самого также переговорить с братом о деле, сущности которого он лично совсем не знал. Он указал, что брат проживает в Милане и, будучи занят торговыми делами, в Цюрих приехать не может. Он предложил ехать в Милан за его счет.

Я поехал, не зная ясно сути дела и полагая, что оно носит коммерческий характер. В Милане я по указанному адресу встретил господина, проживавшего в гостинице (не помню, какой) под именем Бернштейн. Назвавшись братом моего цюрихского знакомого, он рассказал мне, что уже несколько лет, как он покинул Россию, поселился в Турции, натурализовался там и постоянно проживает в Константинополе.

Эта встреча произошла незадолго до объявления русско-турецкой войны.

Бернштейн заявил, что в Константинополе он сошелся с деятелями младотурецкого комитета, который, будто бы, командировал его за границу с миссией войти в сношения с группой русских революционеров, которая согласилась бы по определенным указаниям совершать в России разные террористические акты, направленные к дезорганизации русской военной мощи. Группа, которая возьмется за выполнение этих планов, должна будет действовать совершенно самостоятельно как в смысле выполнения предуказанных заданий, так и в смысле добывания технических средств и нахождения пособников.

Первым пробным делом должен был явиться взрыв железнодорожного моста через реку Енисей. На мой вопрос, какое это отношение имеет к войне, Бернштейн ответил, что этот взрыв должен затруднить перевозку военных грузов из Японии в Россию. Бернштейн предложил мне взяться за это дело, т. е. организовать группу, поехать в Россию и т. д.

Я попросил несколько дней на размышление и на переговоры с подходящими людьми, в случае, если бы я решил принять предложение.

Вернувшись в Цюрих, я телеграфно вызвал из Парижа в Швейцарию ротмистра Эдгардта, который тогда был помощником начальника русской политической полиции в Париже — Красильникова, и спустя несколько дней мы встретились в Женеве.

Изложив ему суть дела, я спросил об его мнении. Эдгардт мне ответил буквально следующее:

---

* Б. Долин говорит о 1914 г., когда он находился в Цюрихе.

— Если этот тип не безусловный жулик, то дело чрезвычайно серьезное. Ни я, ни мой начальник в Париже Красильников не сможет сам решить этот вопрос. Запросим инструкций из России. Пока же постарайтесь под благовидным предлогом оттягивать окончательный ответ Бернштейну, дабы он не делал каких-нибудь поисков в этом направлении.

Спустя несколько дней получился ответ из России, предписывавший мне переговоры с Бернштейном продолжать, и в случае надобности в людях или в поездах приказывалось оказывать содействие людьми, служившими в парижской русской полиции.

Бернштейн к тому времени переехал из Милана в Рим, куда направились к нему я и Эдгардт. В Риме Бернштейн лично подтвердил Эдгардту все вышеизложенное и потребовал, чтобы до поездки в Россию я и Эдгардт, выдававший себя за моего товарища по организации нужной группы, поехали вместе с ним, Бернштейном, в Константинополь, где он нас представит лицам, командировавшим его в Италию.

За это время Турция успела объявить войну России, и на вопрос Эдгардта, как сможем мы, русские, проникнуть в Турцию, Бернштейн нас заверил, что с этой стороны никаких препятствий не встретится.

Условившись с Бернштейном и выяснив, что именно ему нужно, Эдгардт вызвал из Парижа телеграммой своего подчиненного Литвина, чиновника Департамента полиции, до сих пор мне неизвестного господина, лет 40, весьма жадного к деньгам, как оказалось потом, человека мало интеллигентного, но не глупого, более способного, по-моему к уголовному сыску, чем к политическому, который должен был вместе с нами и Бернштейном ехать в Константинополь, а сам Эдгардт отправился обратно в Париж, заверив Бернштейна, что едет также в Россию, но только северным путем.

Доехав через Бриндизи до Салоник, где Бернштейн должен был достать нам документы для выезда в Константинополь, мы, т. е. я и Литвин, решили дальше не ехать, так как Бернштейн нужных документов нам не добыл. Уступая усиленным просьбам Бернштейна, мы все-таки согласились проехать до Бухареста, откуда он сам отправился в Константинополь. Мы же остались ждать результатов его поездки.

По дороге нам из расспросов Бернштейна, который, кстати, оплачивал все расходы по поездкам, стало ясно, что он если не врет из каких-нибудь неизвестных нам побуждений, то действует не от имени младотурецкого комитета и даже не от имени турецкого правительства, а является немецким агентом.

Через три дня после отъезда Бернштейна из Бухареста, в ноябре 1914 г., туда приехал из Константинополя господин, который назвал себя сотрудником немецкой газеты «Local Anzeiger» по фамилии Людпер, и, переговорив с нами о предложении, сделанном Бернштейном нам, потребовал, чтобы мы с ним поехали в

Константинополь. Посоветовавшись между собой, я и Литвин решили, что нам обоим туда ездить нельзя, и с Люднером поехал я один.

Ко времени отъезда Люднер принес мне паспорт, выданный немецким посольством на имя Ронэ Ральфа, взамен русского паспорта на то же самое имя, который я ему отдал, и который я сам получил от Эдгардта, при чем Люднер мне заявил, что я свой паспорт получу обратно в Бухаресте, у военного атташе немецкого посольства майора фон-Шеллендорфа.

В Константинополе я пробыл всего несколько дней и убедился, что Люднер, помимо своей журнальной деятельности, находится на службе у немецкого военного атташе в Константинополе фон-Лаферта, с которым Люднер в свое время сносился по телефону и к которому очень часто ездил на квартиру. Фон-Лаферт лично не счел нужным видеться со мной, очевидно, вполне доверяя Люднеру. Таким образом, моя поездка в Константинополь ничего нового не внесла, оказалась излишней, и я оттуда вскоре уехал обратно в Бухарест, получив от Люднера деньги на расходы по предполагавшемуся предприятию, в сумме около 6 000 фр.

В Бухаресте я обменял свой немецкий паспорт на русский и вместе с Литвином поехал в Россию через Унгени, я под именем Ральфа, а Литвин — под своим именем. Приехали мы в Петроград в начале декабря 1914 г. Литвин сделал подробный письменный доклад бывшему директору Департамента полиции Брюн-де-Сент-Ипполиту, а также вместе с вице-директором того же департамента Васильевым был принят генералом Джунковским, бывшим тогда товарищем министра внутренних дел.

Обсудив подробно создавшееся положение, перечисленные лица решили пустить спустя некоторое время заметку в иностранной печати приблизительно следующего содержания: «Неизвестными злоумышленниками был взорван железнодорожный мост, имеющий некоторое стратегическое значение. Разрушения невелики. Расследование производится».

Местонахождение моста не было указано. Это было около 1-го мая 1915 г. напечатано в газетах «Journal», «Matain» и др.

Возникновение мысли о целесообразности подобной заметки я ставлю в связь с фактом взрыва на Обуховском заводе, а также с некоторыми действительными попытками со стороны неизвестных взрывать железнодорожные мосты в царстве Польском.

Из разговоров с вышеупомянутыми начальствующими лицами у меня сложилось твердое убеждение, что они безусловно заинтересованы в том, чтобы подобные явления устранялись во что бы то ни стало.

Общий план был следующий: создать у немцев впечатление, что они имеют в нашем лице дело с хорошо сорганизовавшейся и безусловно им преданной группой, которой они могут вполне доверять.

Весной 1915 г. я и Литвин разновременно опять уехали за

границу: он в Париж, я — в Цюрих. Достав упомянутую выше заметку, напечатанную во многих французских газетах, я и Литвин поехали к военному атташе немецкого посольства в Берне фон-Бисмарку. Прочитав заметку фон-Бисмарк попросил нас подождать несколько дней, пока он снесется по данному поводу с Берлином. Очевидно, из Берлина ответ получился вполне удовлетворительный, так как при нашем вторичном посещении его он нам передал, что для дальнейших переговоров с нами едет из Берлина специально командированный человек. Таковой действительно приехал. Первое свидание с приехавшим состоялось на квартире у Бисмарка приблизительно в мае 1915 г. Приезжий отрекомендовался американским гражданином Джиакомини. На самом же деле в нем, как по выправке, так и по произношению, легко было узнать немецкого офицера. По почтительному обращению с ним майора Бисмарка можно было заключить, что он занимает видное место.

Джиакомини привез с собой целый список русских фабрик и заводов, которые ему было бы приятно уничтожить. Помимо этого списка, как первоочередную задачу, он выставляет покушение (хотя бы и безрезультатное) на жизнь бывшего министра Сазонова, которого они с Бисмарком считали злейшим врагом немцев, и разрушение некоторых угольных копей в Донецком бассейне.

Джиакомини, сносно говривший по-русски, сказал нам, что он собирается выехать в Россию, где будет руководить нашей дальнейшей работой. Литвин тут же дал ему адрес: Невский, 55 и назвал какую-то фамилию, которую я теперь не помню.

Расставшись с Джиакомини Литвин немедленно протелеграфировал в Петроград, в Департамент полиции данный им Джиакомини адрес и фамилию, прося немедленно посадить там филера под такой кличкой.

Вернувшись в Париж, мы спросили Департамент полиции, как нам быть дальше. В ответ получилась телеграмма о том, чтобы в Россию выехал один только я.

Приехав в Петроград, я обратился к бывшему вице-директору Департамента полиции Васильеву, который меня и ознакомил с тем, что им было предпринято по этому делу.

Они под указанной Литвиным фамилией и по данному адресу посадили филера, устроили наружное наблюдение, сообщили подробные приметы Джиакомини начальникам пограничных пунктов, с указанием такого на границе не задерживать, но иметь над ним неусыпное наблюдение. Из разговора с Васильевым я вынес впечатление, что он этим делом очень интересуется и безусловно будет рад, если удастся таким образом открыть несомненно существующую в России немецкую агентуру.

Ожидания наши были напрасны. Джиакомини в Россию упорно не приезжал. Прождав все сроки и еще несколько дней сверх

того, мы запросили по телеграфу фон-Бисмарка о причине неприезда Джиакомини.

Была отправлена следующая телеграмма на французском языке: «Беспокоюсь отсутствием отца. Телеграфируйте как быть дальше. Ральф».

Для ответа были даны фамилия и адрес, данные для свидания Литвиным (Невский, 55).

В ответ пришла следующая телеграмма: «Выехал. Не ждите. Дело продолжайте. Ральф».

Спустя дней пять после получения этой телеграммы произошел следующий неожиданный случай: какой-то чиновник министерства иностранных дел, впоследствии оказавшийся душевнобольным (фамилии не помню, — кажется Шаскольский), ворвался в кабинет товарища министра иностранных дел Ператова, замахнулся на него топором и едва его не убил, но был во время удержан.

Этот непредвиденный нами случай мы использовали следующим образом. Нами была отправлена Бисмарку телеграмма: «Подряд взят. Пришлите управляющего в Стокгольм». Впоследствии выяснилось, что ответная телеграмма пропала в пути, но я все же выехал в Стокгольм. Здесь в германском посольстве узнал, что меня уже ждут. Вместо Джиакомини приехал другой, который мне и заявил, что Джиакомини поехать в Россию не мог, по непредвиденным обстоятельствам (эти обстоятельства мне до сих пор неизвестны), что работой нашей они довольны, и что нужно было бы приняться за более серьезные дела, мобилизовать для этого все силы.

Этим более серьезным делом оказалось следующее: ввиду того, что, как известно немцам, еще в 1905 г. в черноморском флоте было революционное движение, выразившееся в памятном мятеже на броненосце «Князь Потемкин»; ввиду того, что во флоте сохранился антиправительственный дух, желательным является, подняв мятеж матросов, внушить им увести судна: «Мария» и «Пантелеймон» в Турцию. Мне был предоставлен целый план обеспечения личной свободы и материального благосостояния для тех офицеров и матросов, которые приняли бы участие в акте, а также и указания, как поступить с сопротивляющимися, при чем из этой последней категории офицеров надо бросать в воду, а матросов только связывать.

Было также предложено организовать отдельную группу, которую надлежало отправить в Архангельский порт и на Мурманскую жел. дор. В Архангельске важно было возможно больше мешать правильному сообщению пароходов, курсирующих между Архангельском, Англией и Америкой.

Замечу кстати, что это происходило в период зарождения военнопромышленных комитетов, которые были для немцев очевидной угрозой. В частности, рекомендовалось в Архангельске устраивать пожары на территории порта и по возможности пор-

тить прибывающие туда пароходы, не останавливаясь и перед взрывами таковых.

Что касается Мурманской жел. дор., то рекомендовалось всячески препятствовать постройке ее. Способы: устраивать забастовки рабочих и в крайнем случае портить механические материалы.

Приняв изложенное к сведению, я уехал в Стокгольм и на дорогу получил 30 000 фр., которые вручил вице-директору Департамента полиции Васильеву. Ездил я под именем купца Ральфа.

За весь период моего последнего пребывания в России после свидания с Джиакомини с мая по сентябрь 1915 г. Васильевым в курс дела был введен заведующий контрразведкой подполковник Федоров, проживавший в Петрограде.

Приехав в Петроград, я сделал Васильеву подробный доклад о своей поездке, и, обсудив с ним положение, мы пришли к тому заключению, что в ближайшем будущем ничего делать не нужно. В этом наше решение одобрено и бывшим директором Департамента полиции Брюн-де-Сент-Ипполитом.

Осенью 1915 г. в середине октября я выехал в Цюрих. Перед отъездом я еще раз побывал у Васильева, который уже тогда собирался выходить в отставку. Добавляю здесь, что полковник Федоров одобрил каждый наш шаг и не предпринимал сам ничего самостоятельно. Васильев посоветовал мне в дальнейшем держаться следующей тактики: самому к немецким агентам не показываться, а если кто-нибудь из них обратиться ко мне, то сказать, что, вследствие сильного провала в России, ничего теперь сделать не удалось, и что обстоятельства работы в России теперь таковы, что навряд ли можно ожидать каких-нибудь положительных результатов, при чем просил в случае возникновения каких-нибудь новых предложений со стороны немцев, не принимая их, категорически от них не отказываться и о каждом отдельном предложении извещать его. В январе 1916 г. в Цюрих приехал опять тот же Бернштейн и сказал мне, что для них представляется в данный момент очень важным прекратить производство взрывчатых веществ на Шостенском и Тульском патронных заводах. Я, руководствуясь данной инструкцией, дал уклончивый ответ, который в общих чертах сводился к тому, что в ближайшее время по выяснении положения дел в России, ничего предпринять нельзя, а что я постараюсь навести справки. Это оттягивание шло приблизительно до марта 1916 г. В марте я получил приглашение приехать в Берн для личных переговоров по очень важному делу. Приехав туда, я был у Бисмарка, и он сказал мне, между прочим, следующее:

«У русских одно преимущество перед нами на Черном море — это «Мария». Постарайтесь убрать ее. Тогда наши силы будут равны, а при равенстве сил мы победим. Если нельзя окончательно ее уничтожить, то хоть постарайтесь выбить ее из строя на несколько месяцев».

Затем он передал, что сейчас со мной будет говорить их посол, но чтобы я не подал виду, что знаю с кем говорю.

Когда пришел этот незнакомый мне господин, посол, то он завел разговор об общем положении России, в коем показал довольно большую осведомленность в разных оттенках русских общественных настроений. Поговорив со мной около получаса и, очевидно, оставшись доволен моими ответами, он спросил меня, не соглашусь ли я поехать в Россию, для организации в широком масштабе революционной повстанческой пропаганды среди рабочих и крестьян.

В программу входили рабочие и аграрные беспорядки с самым широким саботажем, а также с лозунгом: «Долой войну!». Между прочим, в разговоре он выразился, что люди различных идейных мировоззрений во время этой войны во многом неожиданно сошлись и разошлись. Указал на Бурцева и Кропоткина — людей различных взглядов, однако сошедшихся отношением к войне.

На мой запрос: Как быть? петроградский Департамент полиции ответил мне через Красильникова следующее: «Оба предложения принять. О «Марии» условно, о пропаганде безусловно». Мне предписывалось выехать в Россию.

Уезжая в Россию, я условился с немцами, что через два месяца встречусь с ними в Стокгольме. По приезде в Россию через Швецию, под именем Ральфа, приблизительно в мае 1916 г., я отправился, согласно указанию Красильникова, к Броецкому, тогда к делопроизводителю Департамента полиции.

Броецкий сказал мне, что Департамент полиции вряд ли может вплотную заняться этим делом, а потому я буду передан в распоряжение военных властей.

В таком ожидании проходили недели и недели, но ничего не было сделано. Броецкий уехал в отпуск и познакомил меня со своим заместителем; его фамилии я не знаю. С военными властями я сведен не был, и когда начал приближаться срок свидания в Стокгольме, я стал просить паспорт, мне сначала обещали, а за несколько дней до самой поездки мне было заявлено, что паспорта дать не могут, ввиду того, что каждый паспорт, выдаваемый на поездку за границу, проходит через специальное контрольное бюро, назначенное властями, а те отказались выдать мне паспорт на основании каких-то особых, имеющихся у них сведений обо мне. На вопрос, подозревает ли меня Департамент полиции в чем-нибудь неблаговидном, мне ответили: «безусловно нет».

Таким образом, связи с немцами были чисто-автоматически порваны, и, видя, что мне делать здесь больше нечего, я заявил, что хочу уехать из Петрограда.

Уехал я в Одессу, куда прибыл в конце июля 1916 г. и стал жить под своим собственным именем, ввиду предстоящего призыва моего возраста.

В сентябре по мобилизации был принят в солдаты как ратник второго разряда.

Служил в N дружине в Одессе, затем был неожиданно переведен в Харьков. За все время службы находился под надзором — сперва тайным, потом явным. Причины надзора не знаю. Но с переводом в Харьков надзор был снят. Из газет узнал о взрыве «Марии», а вслед затем о пожаре в архангельском порту. Прочитав эти сведения в газетах, я написал письмо опять назначенному на должность директора Департамента полиции Васильеву о том, что своевременно, как устно, так и письменно, было мною обращено внимание. Ответа не последовало никакого. Проверены ли были мои указания, и почему власти закрыли глаза на показанную мною опасность, — не знаю. 25-го февраля я был освобожден от военной службы по болезни. Разновременно получил от немцев тысяч 50 фр. Все деньги передавал Департаменту полиции, в лице Красильникова (тысяч 15) и Васильева (тысяч 35), а они уже давали мне на расходы, впрочем, в недостаточной мере. Приходилось тратить из собственных средств...

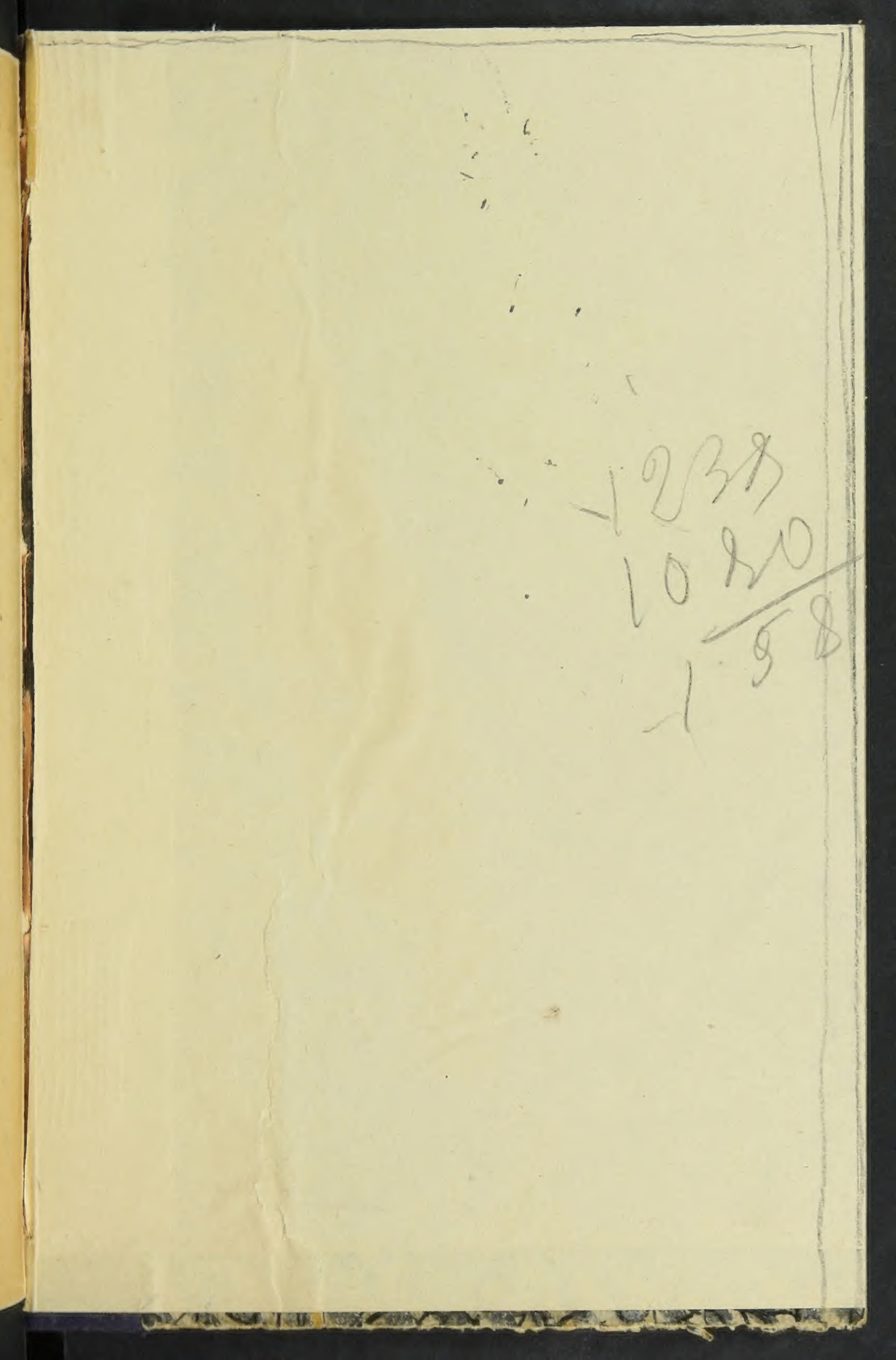
ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
32	12 сверху	подтведил	подтвердил
63	24 снизу	с.-р. (большевик)	с.-д. (большевик)
139	15 сверху	кто же	что же
142	21 снизу	фокта	факта

Н. 6001

ОГЛАВЛЕНИЕ

Типография им. Воровского, ул. Дзержинского, 18. Н. 6004

1238
1080
158

